GORDON R. DICKSON

THE HUGO AWARD WINNING NOVEL!

SOLDIER, ASK NOT

A NOVEL IN THE CHILDE CYCLE

Солдат, не спрашивай (Soldier, Ask Not)

Гордон Руперт Диксон, Gordon Rupert Dickson

Аннотация
Гордон Р.Диксон. СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

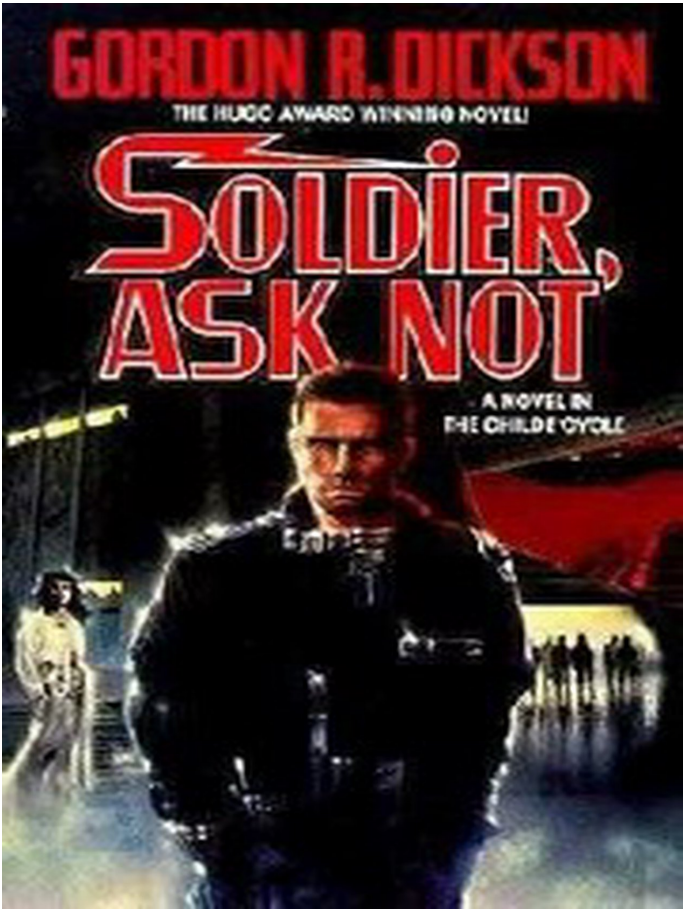
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29

Аннотация

Известность Д. принес его «Цикл Чильде», составной частью которого является «Цикл о дорсаях» – по имени специально «выведенной» расы галактических воинов . Серия, задуманная автором как история будущего (предполагалось дополнить ее историч. и реалистическими романами), вызвала протест либеральной критики, усмотревшей в цикле Д. открытую проповедь милитаризма; если отвлечься от «идеологического содержания» (подобно П.Андерсону , Л.Нивену , Р.Хайнлайну , Д. придерживается умеренно консервативных идей либертарианства), – это яркий пример приключенческой НФ с элементами «космической оперы». Цикл включает в себя книги (перечислены в порядке внутренней хронологии): «Некромант» [Necromancer] (1962; др. – «Нет места человеку» [No Room for Man]), «Тактика ошибки» [Tactics of Mistake] (1971), «Солдат, не спрашивай» [Soldier, Ask Not] (1964; доп. 1967; рус. 1991), «Прирожденный полководец» [Genetic General] (1959 – «Дорсай!»; сокр. 1960; рус.1991 – «Генети-

ческий полководец»; др. – «Прирожденный полководец»; доп. 1976 – «Дорсай!» [Dorsai!]); первый, второй и четвертый романы объединены в один том – «Три дорсая!» [Three to Dorsai!] (1975); «Финальная энциклопедия» [The Final Encyclopedia] (1984), «Гильдия часовни» [Chantry Guild] (1988), «Молодой Блейз» [Young Bleys](1991). «Побочная» линия представлена в сб. «Дух дорсаев» [The Spirit of Dorsai] (1979); др. короткие произв. включены в сб. «Потерянный дорсай» [Lost Dorsai] (1980; испр. 1988); большинство р-зов и повестей объединено в сб. «В компании с дорсаем» [The Dorsai Companion] (1986); выделяются – повесть «Потерянный дорсай» (1980; «Хьюго»-81) и р-з «Солдат, не спрашивай» (1964; «Хьюго»-65; доп.1967; рус.1991). Переводы на рус. яз. произв. цикла составили сб. – "Из серии «Дорсай» (рус.1991), «Дорсайская дилогия» (рус.1992; др. – «Солдат, не спрашивай. Прирожденный полководец»)

http://bestseller.pp.ru/biogr.php?aut_id=26

GORDON R. DICKSON
THE HUGO AWARD WINNING NOVEL!
SOLDIER, ASK NOT
A NOVEL IN THE CHILDE CYCLE

Гордон Р.Диксон
СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ

Хьюго-1965

Солдат, не спрашивай, как и что,

Там, где война, твое знамя вьется.

Легионы Безбожников брошены на нас,

Смелее воюй – и фортуна тебе улыбнется!

Это игрушки и презренная шваль:

Величие, слава, хвала и почет.

Людскую грязь земле оставь!

Только вера идет в зачет!

Кровь и горе, печаль и скорбь

– Нас эта участь ждет – учти!

Крепче держи, сжимай клинок!

Нет больше счастья, чем в битву идти!

Так будем же мы, Избранники Божьи,

Стоять пред Троном с мечами в руках,

Все мы молимся Господу Богу,

Он лишь один в наших сердцах!

Это боевой гимн колонизировавшей Космос фанатической армии. Существовала только одна сила, которая могла противостоять им – ДОРСАЙ!!!

1

...Гомеровская Илиада начинается словами: «Это история о ярости Ахиллеса». История, которую поведаю я вам — о моей ярости. Я, Землянин, выступил против людей двух миров, называемых Френдлиз: против Гармонии и Ассоциации. Это история не о маленьком гневе. Это ярость, подобная Ахиллесовой, это моя ярость — человека с Земли.

Вас это удивляет?

В те дни, когда сыновья более молодых миров являются более высокими, сильными, более искусными и умными, чем мы, люди со старого Мира? Тогда, как же мало вы знаете Землю и ее сыновей.

Оставьте ваши молодые миры и возвращайтесь назад, к материнской планете. В благоговении коснитесь ее. Она все еще здесь и все еще такая же. Ее солнце все так же светит над волнами Красного моря, которые расступились перед Богом. Ветры все так же дуют в ущелье Фермопил, где Леонид с тремя сотнями спартанцев сдержал орды Ксеркса, царя Герони, и тем самым изме-

нил историю. Здесь люди боролись и умирали, рождались и хоронили своих близких. Все это было более 500 тысяч лет назад. В те времена новые миры были только мечтой. Думали ли вы о тех тысячелетиях и поколениях людей, которые рождались и умирали под одними и теми же небесами и на той же самой земле и которые оставили на всех нас свои отметки в крови, на теле, в душе?

Планеты… Им нет числа!

Люди с Дорсая стали прирожденными солдатами. Воинственные вне всякого воображения, опытные, умелые, бесстрашные.

Люди с Культиса и Мары глубоко проникали во внутренний мир человека в своих попытках дать ответы на вопросы, интересующие все человечество.

Ученые с Нептуна и Венеры настолько далеко ушли вперед по пути умственного развития, что могли с трудом общаться с нами, обыкновенными людьми.

Но мы… мы «тупые», низкорослые, простоватые люди старой Земли, имеем нечто большее, чем любой из них. Мы все еще храним в себе человека, генетику нашего рода! От которого прочие миры сохранили лишь осколки — яркие, сверкающие,

прекрасно обработанные…

Но ведь это только осколки!

Но если вы один из тех, кто подобных моему дяде Матиасу Олину пренебрегает нами, то я приведу вам в пример Анклав св. Луиса, где 42 года назад землянин по имени Марк Торр, человек великого видения, первым начал строить то, что через сотню лет будет именоваться Окончательной Энциклопедией.

Массивную, сложную и в то же время тонкую структуру. Вы уже сможете увидеть ее с орбиты материнской планеты. Через сотню лет она уже будет существовать, но никто не знает, как это произойдет. Теория Торра гласит, что существует забытая память человечества — такая скрытая часть земной человеческой души, которую юные миры утеряли и не способны больше никогда вернуть.

Вглядитесь в себя. Идите в Анклав св. Луиса и присоединитесь к одному из тех потоков людей, который приведет вас через коридоры и лаборатории Проекта Энциклопедии в могущественную Индекс-комнату. В самое сердце Энциклопедии, где громадные извилистые стены уже начали меняться, впитывая знания, на приобретение которых затрачены тысячелетия. Когда весь ин-

терьер комнаты изменится окончательно, когда наладятся связи между различными областями знания — появится то, чего никогда прежде не было, то, чего никогда прежде и не могло быть.

Но как я говорю, сейчас это невозможно. — Просто посещение Индекс-комнаты — это единственное, что я прошу вас сделать. Посетите ее, совместив с днями отдыха. Встаньте в ее центр и сделайте то, что скажет гид.

— Слушайте!

Слушайте. Напрягите всю вашу волю и слушайте! Слушайте — и ВЫ не услышите ничего. И тогда ваш гид, нарушив эту почти нестерпимую тишину, скажет вам, зачем он просил вас сделать это.

Только один человек из многих миллионов может что-то услышать в этой комнате. Только один из многих миллионов людей, рожденных на Земле.

Но никто, ни один из тех, кто рожден на новых мирах и приходил сюда слушать, не услышал ничего! Это ничего не доказывает, вы полагаете? Тогда вы думаете неверно, мой друг! Для меня, одного из тех, кто пытался что-то услышать — это изменило всю жизнь. Услышанное соприкоснуло меня с полузнанием власти, с которой я впал в неистовство, желая уничтожения людей двух

дружественных миров — Френдлиза.

Так не смейтесь же над сравнением моей ярости с яростью Ахиллеса, горькой яростью Мирмидонян перед стенами Трои. Между нами много общего.

Мое имя — Там Олин и мои предки — ирландцы. Но вырос я и стал тем, кто я есть, на Пелопоннесе, в Греции, как и Ахилл. В густой тени Парфенона, белеющего над Афинами, наши души, по воле дяди, спали, хотя ему следовало бы растить их свободными под Солнцем.

Наши души… моя… и моей младшей сестры Эйлин.

— Слушайте!

Слушайте. Напрягайте всю волю вашу и слушайте!

2

Это была идея Эйлин — посетить Окончательную Энциклопедию, пользуясь моим новым удостоверением служащего Бюро Коммуникаций. Обычно, я поинтересовался бы, с какой это стати ей в голову пришла такая мысль. Но в тот момент, когда она предложила мне это, какое-то невероятное щемящее чувство охватило меня. Это не был страх, а что-то гораздо более сложное. Оно было похоже на ощущение, которое возникает у человека перед великими испытаниями. Нечто похожее, но гораздо слабее, бывает перед сдачей экзаменов на зрелость. Но тут было еще что-то. Нет, еще раз говорю, это не было страхом. Может быть, нечто похожее испытывает охотник, ожидающий в засаде Боевого Дракона?

Всего лишь на мгновение это коснулось меня и этого оказалось вполне достаточно. Я знал, что теоретически Энциклопедия предоставляет шанс всем землянам, а так как Катлас считала поведение землян безнадежным, я не обращал внимание на это чувство, решив бросить вызов всему миру — отправиться, и притом как можно

скорее, в Сент-Луис.

Была, возможно, и другая причина. Уж очень долго я не видел свою сестру. Ведь в течение всех лет учебы я старался как можно меньше посещать дом дяди. Поэтому был очень рад хоть немного побыть с ней и поделиться переполнявшей меня радостью.

Я только что подписал годичный контракт с «Интерстеллар Ньюс Сервис». И это сразу же после окончания Женевского Университета Коммуникаций! Хотя Университет и считался лучшим учебным заведением, готовящим журналистов и литературных работников для всех 14 миров, но такую работу могли предложить начинающему выпускнику только раз в сто лет, если только вообще могли предложить! «Межзвездные Новости» были закрытой и привилегированной организацией. Поэтому я не стал спрашивать свою 17-летнюю сестру, почему ей хочется попасть вместе со мной на Окончательную Энциклопедию, тем более, что день и час она не назначила. Сейчас, оглядываясь в прошлое, я могу только предположить, что она стремилась хотя бы на день убежать из мрачного дома нашего дяди…

Дядя Матиас… брат нашего отца, который

взял нас к себе. Эйлин и меня, двух подростков, оставшихся сиротами после смерти родителей, последовавшей в авиакатастрофе. И в течение всех последующих лет старавшийся нас сломить. Нет, физически он не прикоснулся к нам даже мизинцем. С его стороны не было ни малейшего проявления грубости или посягательства на свободу поступков. Ничего этого не было. Он предоставил нам в полную собственность богатейший из домов, изысканнейшую пищу, одежду, машины — и находился в уверенности, что мы обязаны разделить с ним и его собственный внутренний мир. Такой же темный и мрачный, как и его большой неуютный дом. Такой же бессолнечный, как и глубокая пещера, которая никогда не ощущала дневного света.

Его библия была написана в XXI веке святым или дьяволом — Уолтером Блантом, чьим девизом было «РАЗРУШЕНИЕ» и чья «Гильдия Часовни» позднее дала рождение культуре Экзотики, на молодых мирах Мара и Культис. Нет никакого сомнения, что на Экзотике всегда читали писание Бланта с оглядкой, осторожно применяя его к действительности. Наш же дядя видел в нем лишь догмы. День за днем он пытался заставить нас уверовать в это кредо безвыходности. Он

свято верил, что человечество молодых миров отринуло нас, землян, подобно любому атрофированному органу. Но ни Эйлин, ни я не могли смириться с этой мрачной философией, хотя мы и были тогда еще детьми.

И вот, в один прекрасный день, мы совершили челночный полет из Афин в Сент-Луис, а затем из него небольшим самолетом в Анклав.

Небольшой аэробус доставил нас прямо во двор Энциклопедии. Припоминаю, что сходил по трапу последним.

Как только я ступил на бетонные плиты двора, опять что-то произошло со мной. Как будто в глубине моего «Я» ударил гонг судьбы. Все произошло настолько неожиданно, что я невольно остановился.

— Извините, — послышался приятный голос за моей спиной, — вы участник тура, не так ли? Вы намереваетесь совершить посещение? Я ваш гид…

Я резко повернулся и обнаружил свое отражение в коричневых глазах девушки, одетой в голубые одежды Экзотики. Она стояла, такая светлая и жизнерадостная, как солнечный свет вокруг нее. Но что-то в ней не соответствовало общему облику, которому она старалась соответ-

ствовать.

— Вы не с Экзотики, — внезапно выпалил я, поняв, в чем дело.

Она не походила на рожденных на Маре и Культисе. Уроженцы Экзотики отличались от остальных людей. Их глаза выглядели бездонными и более проницательными, чем у нее, да и у людей с остальных молодых миров. В их взгляде всегда чувствовалась любовь к Повелителю Мира, который всегда был где-то поблизости и обязательно с молнией в руке…

— Я служащая, — ответила девушка. — Меня зовут Лиза Кант… Все верно, я родилась не на Экзотике…

Она вовсе не казалась обескураженной моим решительным разоблачением. Несколько ниже Эйлин, с распущенными темно-каштановыми волосами, свободно струившимися по плечам, с веселой улыбкой и в одежде, которая так шла ей к лицу. Она совершенно очаровала меня. Ее одежда различных оттенков придавала ей какую-то нереальную легкость, воздушность.

Мне показалось, что я ее где-то уже видел, но где?

— Пойдемте, — мило проговорила она и, повернувшись, направилась к остальным пассажирам

аэробуса, которые ожидали нас невдалеке.

Я пристроился к ее шагам и начал расспросы.

Она, не колеблясь, начала рассказывать о себе. Убежденная последовательница философии Экзотики, она родилась тут же, на Среднем Западе Американского континента. Закончив начальную и среднюю школу в Анклаве, она приняла предложение стать служащей Проекта.

Я почему-то решил, что она очень одинока и не колеблясь сказал ей об этом.

— Как же я могу быть одинокой, если все свои силы я полностью отдаю этому пути… из самых лучших побуждений!

Я подумал, что, возможно, она смеется надо мной. И это мне не понравилось. Даже в те дни я не был тем, над кем можно было смеяться.

— Что же это еще за самые лучшие намерения? — спросил я, стараясь говорить грубо. — Созерцание вашего центра доставляет вам огромную радость?

Улыбка слетела с ее лица и она странно взглянула на меня, так странно, что я навсегда запомнил этот взгляд.

— Мы всегда здесь, — вдруг сказала она. — Запомните это.

Затем она повернулась и повела нас через двор

к зданию Проекта.

— Для Окончательной Энциклопедии, — говорила она по дороге, — недостаточно только одного огромного количества фактов. Назначение Энциклопедии — посредством пульсирующей энергии вскрыть связи с другим множеством внутренних связей. После окончания Проекта Энциклопедии земляне смогут получить такую информацию о себе и Вселенной, которая сделает их всемогущими.

С этой точки зрения Земля могла бы на равных конкурировать с такими славящимися своими научными знаниями мирами, как Нептун и Венера, с мирами Экзотики — славящимися глубоким проникновением в тайны человеческой психики, и, вообще, со всеми другими планетами, специализирующимися в той или иной области.

Поэтому: в мультимировой человеческой культуре, в которой преобладающее значение имеет торговля квалифицированными мозгами, проект Энциклопедии в конечном итоге полностью окупил бы себя, несмотря на столь огромные капитальные вложения. Но не только это заставляет нас, землян, предпринимать это строительство. Прежде всего, Проект был и остается надеждой Земли, надеждой всего человечества — в раскры-

тии тайн мозга, согласно теории Марка Торра.

Вы, конечно, знаете эту теорию. Но позвольте напомнить вам ее суть. В человеческих знаниях о себе существуют так называемые «темные» области. О них человечество никогда не знало, а только догадывалось. Возьмите, например, телепатию, телекинез и так далее. Энциклопедия могла бы найти в себе что-то такое… может быть, это будет новое качество, возможность или сила, которая лежит в основе всего человеческого рода…

Слушая это и разглядывая странные и необычные комнаты Проекта, через которые мы проходили, я опять почувствовал, как во мне зашевелилось незнакомое чувство. Но на этот раз оно не отступило, а начало расти и переполнять меня. Но все это внезапно кончилось, как только мы оказались в центре Энциклопедии — в таинственной Индекс-комнате.

Комната имела форму колоссального шара, такого огромного, что противоположная полусфера терялась в тумане. Ее присутствие можно было только угадать по наличию слабо мерцающих огоньков света, которые хаотично вспыхивали в том месте, где она должна была находиться, отмечая появление новых фактов и ассоциатив-

ных связей.

Комната была пуста, но в ее геометрическом центре находилась платформа двадцати футов в диаметре, на которую мы и взошли.

— …теперь мы здесь остановимся, — сказала Лиза, когда все мы, немного взволнованные, столпились вокруг нее. — Это место известно под названием Точки перехода. Вы, должно быть, знаете, что это не что иное как место, с которого можно будет работать с Энциклопедией.

Она замолчала и повернулась кругом, проверяя каждого в группе.

— Соберитесь, пожалуйста, поближе, — сказала она. На секунду ее взгляд задержался на мне… И опять незнакомое чувство ударило во мне, причиняя легкую боль.

— Теперь, — продолжала она после того, как мы образовали тесную группу в центре платформы, — я хочу, чтобы вы на минуту сохранили абсолютное спокойствие и прислушались. Постарайтесь отрешиться от всего постороннего и слушайте. Если кому-то покажется, что он что-то уловил, не стесняйтесь этого, скажите.

Все разговоры умолкли и тяжелое, нерушимое молчание этой огромной комнаты повисло над нами. Незнакомое чувство еще больше завладело

моим сознанием. Никогда прежде меня не волновали ни высота, ни огромные пространства, но теперь я внезапно почувствовал головокружение, мир начал медленно раскручиваться вокруг меня.

— А что же мы должны услышать? — резко спросил я, пытаясь хоть как-то противостоять панике, охватившей меня. Я стоял точно за спиной Лизы, когда говорил это. Она повернулась и внимательно взглянула на меня. В ее глазах мелькнула та странная тень, которую мне уже довелось видеть.

— Ничего, — сказала она, словно раздумывая. — Хотя есть один шанс из миллиона что-то услышать…

Она легко прикоснулась к моей руке.

— А теперь помолчите и не мешайте другим, даже если вы и не желаете слушать себя.

— О, я с удовольствием сделаю это, — усмехнувшись, проговорил я.

Девушка отвернулась и внезапно, через ее плечо, далеко от нас, у самого входа в Индекс-комнату, возле лестницы, ведущей на платформу, я увидел свою сестру. Как я не заметил, что она отстала — не знаю! Я узнал ее на таком расстоянии только по фигуре. Она разговаривала с каким-то

незнакомцем, одетым во все черное. Его лицо, скрытое в полумраке, я не смог разглядеть, да и расстояние было чересчур большим, но он стоял очень близко к Эйлин и, казалось, был очень увлечен разговором.

Я был поражен и рассержен. Вид стройной мужской фигуры, казалось, возбуждал меня, подобно оскорблению. Уже одна мысль, что Эйлин отделилась от нашей группы и любезничает с каким-то мужчиной после того, как уговорила меня прилететь сюда, говорила с кем-то, кто был мне совершенно незнаком, и это в то время, как я не мог слышать, о чем они говорят… Даже на таком расстоянии движения ее рук и колебания фигуры в мерцающем полумраке казались мне возмутительными.

Холодная волна гнева поднялась во мне. Даже обладая самым лучшим в мире слухом, нельзя было бы разобрать, о чем они так оживленно беседуют, но поскольку мрачная тишина повисла в комнате, я напряг все свои силы, чтобы постараться хоть что-либо услышать из их беседы.

И тогда — постепенно, но во все возрастающей громкости — я начал слышать!

Это не был голос моей сестры или ее собеседника. Это был несколько глуховатый голос человека,

говорившего на языке, похожем на латинский, но с падающими гласными и пришепетыванием. И эта речь нарастала, усиливаясь не по громкости, а по четкости произношения.

Затем я услышал другой голос, что-то говоривший в ответ. А затем еще голос, и еще, и еще… Шепчущие, кричащие, визжащие, подобные снежной лавине голоса входили в меня с различных направлений. Все голоса, все языки звучали в моей голове… И все это усиливалось, усиливалось, усиливалось…

Они звучали в моей голове, бубня, крича, смеясь, скрежеща, приказывая и моля — но отнюдь не сливаясь, как это могло бы показаться, в один шумный вой или могучий гром, подобный звуку водопада.

По мере того, как они росли, они становились все отчетливее и отчетливее.

Я СЛЫШАЛ КАЖДОГО!

Каждого их тех миллионов мужчин и женщин, которые жили сейчас на Земле.

Я испугался, не в силах совладать с этим. Грудь сжало удушье — мне стало не хватать воздуха. Задыхаясь, я без чувств упал на пол.

3

С трудом открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что лежу на полу и лишь Лиза Кант склонилась надо мной. Другие члены нашей группы еще только растерянно оглядывались по сторонам, пытаясь понять, что еще такое приключилось со мной.

Лиза присела возле меня и, положив мою голову себе на колени, спросила низким прерывистым голосом:

— Что с вами? Вы что-то слышали?

Я потряс головой, инстинктивно пытаясь прогнать весь тот ужас, который минуту назад пленил мое сознание, но тут же с изумлением обнаружил, что только бормотание изумленных людей, столпившихся вокруг меня, нарушает глубокую тишину Индекс-комнаты.

— Вы что-то слышали? — повторила свой вопрос Лиза.

Я взглянул на нее и все вспомнил.

Эйлин и незнакомец! Все еще лежа на полу, я повернул голову в том направлении, где стояли они раньше, но там уже никого не было.

С трудом поднявшись на ноги, я направился к выходу.

Но Лиза решительно преградила мне дорогу.

— Куда это вы собрались? Вы не можете оставить это так! Если вы в самом деле что-то слышали, вам следует немедленно пройти к Марку Торру. Он говорит со всяким, кто что-либо слышал в этой комнате!

Я еле дослушал до конца этой длинной и гневной речи.

— Прочь с дороги! — с трудом подбирая слова, пробормотал я и, не очень вежливо отстранив ее в сторону, направился к выходу из Индекс-комнаты.

Но она догнала меня и вцепилась с силой, которую трудно было заподозрить в девушке ее возраста.

— Стойте! Остановитесь же на секунду! В чем дело?

— Дело? — огрызнулся я. — Моя сестра…

Но тут я остановился. Что я мог сказать? Что меня возмутил поступок семнадцатилетней сестры, заговорившей с кем-то, кого я, ее старший брат, не знал. Даже если бы я их настиг, что я мог им сказать? Потребовал бы, чтобы мужчина назвал себя или убирался прочь? Да меня просто примут

за идиота.

Я стоял и молчал.

— Вы должны пойти со мной, — донесся до меня голос девушки, как будто издалека.

— Вы даже не представляете себе, как ужасно редко находят того, кто что-то слышит в точке Перехода… Вы даже не можете себе представить, как много это значит для Марка Торра!

Я отрицательно покачал головой. У меня не было ни малейшего желания становиться подопытным кроликом.

— Вы должны! — настойчиво повторяла Лиза. — Ведь это так много значит для всего Проекта! Вдумайтесь в это!

Слово «вдумайтесь» дошло до меня.

Девушка была совершенно права, я это понял только сейчас.

…Все миры, населенные человеческой расой, в настоящее время были расколоты на два лагеря, один из которых держал свое население в рамках «неразрывного» или «жесткого», как они говорили, контракта, а другой — свято верил в «свободный» контракт. На стороне жесткого контракта были оба мира Френдлиз, Кассиди и Венера, а также большой новый мир Сета, у звезды Тау Кита.

На стороне «свободных» миров выстроились Земля, Дорсай, миры Экзотики

— Культис и Мара, Новая Земля, Фриленд, Марс и маленький католический мир Святой Марии.

Планеты не могли готовить всех необходимых им специалистов, особенно когда другие миры делали это лучше. Даже самое лучшее обучающее оборудование не могло обеспечить воспитание первоклассных солдат, подобных тем, которых давал Дорсай. Никто не мог приготовить физиков и психологов, по качеству сходных с физиками Нептуна или психологами с Экзотики. Поэтому планета воспитывала и обучала только один тип профессионалов, которыми и торговала с другими мирами.

Разделение между двумя лагерями было полным. В «свободных» мирах контракт частично принадлежал человеку, продающему свои услуги. Без его согласия, за исключением особой необходимости, продажа его на другую планету была невозможна.

На планетах «неразрывного» контракта индивидуум был в полной зависимости от своего хозяина и, если ему приказывали, он обязан был беспрекословно повиноваться и работать в том месте, где указывалось.

«Свободные» миры гордились тем, что им не приходится продавать выпускников своих университетов партиями в обмен на специалистов с других миров. Но подобно всем высокоразвитым планетам, Земля, как и другие миры ее лагеря, пользовались правом индивидуального найма. По такому найму я и пришел работать в «Интерстеллар Ньюс Сервис», заключив годичный испытательный контракт. Но того, что я хотел, еще не было достигнуто! Я был свободным, да! Но «свободный» контракт еще не полная свобода! Настоящая свобода в своей деятельности в наше время предоставляется только членам планетных правительств, а также особой группе людей, представляющих «Гильдию Интерстеллар Ньюс Сервис». Эти работники в области коммуникаций были связаны клятвой неподкупности и практически отказывались от своего родного Мира. Вступив в «Гильдию», я был бы поистине свободен — никакой Мир после этого не способен был бы предать меня суду или продать мои услуги, не спросив предварительно моего согласия! Да, у меня был сейчас контракт с «Интерстеллар», но это был только годичный контракт! Возобновит ли «Гильдия» его после года моей работы? Вероятность этого составляла всего 5-10%, это уж я

хорошо знал. А что будет потом?

И сейчас мне в голову пришла мысль, что, может быть, Марк Торр сможет мне чем-то помочь.

— Вы правы, — сказал я Лизе. — Мне необходимо встретиться с Торром. Куда идти?

— Я провожу вас, — радостно сверкнула глазами девушка. — Только вначале мне необходимо позвонить.

Она отошла от меня на несколько шагов и стала что-то говорить в телефон, имеющий вид кольца на ее среднем пальце. Через минуту она подошла ко мне и взмахом руки пригласила следовать за ней.

— А как же другие? — поинтересовался я, заметив встревоженные взгляды остальных членов нашего тура.

— Я попросила, чтобы кто-нибудь продолжил обход с ними, — ответила девушка, не оборачиваясь. — Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в маленькую комнатушку, которая тут же сдвинулась в каком-то направлении и через мгновение остановилась.

— Сюда, — повторила Лиза, подводя меня к одной из стен комнатки. Под ее касанием стена ушла вниз, и перед моим взором предстала комната, посреди которой находился пульт

управления с сидящим за ним старым человеком. Это был Марк Торр — я часто видел его фотографии в «Ежедневных Новостях».

Он был не старше, чем должен был выглядеть для своего возраста — около 80 лет.

Пригласив нас войти и подождав, пока дверь за нами закроется, он указал нам на кресла. Нажав что-то на пульте, Марк Торр откинулся на спинку стула. Он с большим интересом следил за мной.

Внезапно сбоку от нас отошла часть стены и вошел в комнату среднего роста мужчина. Он был с Экзотики! Эти проницательные глаза нельзя было спутать ни с чем. Одет он был в такую же голубую одежду, что и Лиза.

— Мистер Олин, — сказал наконец Торр, — познакомьтесь, это Ладна, преподобный отец с Мары, работающий в Анклаве св. Луиса. Он уже знает, кто вы!

— А кто я? — изумился я, повернувшись к незнакомцу.

Тот улыбнулся.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, Там Олин, — сказал священник и сел. Он только мгновение смотрел на меня, но и этого было достаточно, чтобы я почувствовал странную неловкость.

Его мимолетный взгляд, голос, даже манера, с которой он присел, все говорило о том, что в одно мгновение он изучил меня лучше, чем мне хотелось бы.

За все годы моего противоборства дяде, его философии, только сейчас я почувствовал факт превосходства юных миров над человечеством Земли.

Я отвел свой взгляд от проницательных глаз священника с Экзотики и обратился к более человеческим глазам Марка Торра.

— Теперь, когда преподобный отец Ладна здесь, — сказал старик, — я попрошу тебя, мой мальчик, сказать нам, на что это было похоже. Расскажи нам, что ты слышал?

Я попытался было систематизировать все происшедшее со мной, но тут же понял, что сам ничего не понимаю.

— Я слышал голоса. Все говорили одновременно, но вместе с тем вполне отчетливо…

— Много голосов? — перебил меня Ладна. Я взглянул на него и тут же снова повернулся к старику.

— Не знаю. По-моему, это были все голоса Земли, — пролепетал я что-то невразумительное.

— Только голоса? — спросил Марк Торр, но так

тихо, словно про себя.

— А что? — вскинулся я раздраженно. — Или мне полагалось слышать нечто иное, что слышали другие люди?

— Это всегда по-разному, — раздался голос Ладны, но я не посмотрел в его сторону. Я все еще не сводил своего взора с Марка Торра. — Каждый слышит что-то свое, — продолжал священник. Я повернулся к нему.

— Что же слышали вы? — вызывающе спросил я.

Преподобный отец улыбнулся и печально произнес:

— Ничего, Там. Абсолютно ничего! Только люди, рожденные на Земле, могут что-то услышать в Точке Перехода.

— Тогда вы уж наверняка что-то слышали? — спросил я у девушки, которая сидела рядом со мной.

— Я? Конечно же нет! — просто ответила та. — В Проекте нет и шести человек, которые что-то слышали!

— Что? — вскричал я. — Нет и шести человек?

— Точнее всего сказать — в Проекте участвует всего пять человек, которые смогли что-то слышать в Точке Перехода, — печально сказала

Лиза. — Марк из них первый! Было еще четыре человека, но один недавно умер и сейчас осталось только три.

Только пять человек за сорок лет!

Я был потрясен. Значит, со мной случилось далеко не заурядное событие. Я, конечно, об этом догадывался, но чтобы всего пять человек были выявлены за эти долгие годы существования Проекта, этого я не ожидал.

Теперь я понял, как важно для служащих Проекта найти хоть одного человека, способного что-то услышать в Индекс-комнате.

Марк Торр внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Дайте мне руку!

Я протянул ему свою правую руку, чувствуя, как напряглись мои мышцы. Старик схватил мою руку и, крепко удерживая в своей ладони, начал пристально всматриваться мне в глаза.

Прошли минуты.

Я был сломлен, не зная, для чего он все это делает. Наконец, старик отпустил мою руку и откинулся на стуле, словно обессилел.

— Ничего, — сказал он немного спустя, повернувшись к Ладне. — Совершенно ничего! Ты полагаешь… что он что-то смог уловить?

— Очевидно! — улыбнулся священник, спокойно вглядываясь мне в глаза, когда я вслед за Торром повернулся в своем кресле. — Вполне возможно, он что-то и слышал…

Постепенно его взгляд становился все более неприятным, и мне показалось, что тысячи мелких иголочек начали впиваться в мое тело.

— Марк расстроен тем, Там, что ты услышал только голоса, а должно быть и понимание этих голосов. Ты должен был знать, о чем они говорят, — донесся до меня издалека его голос.

— Что я должен был понять?

— Вот это вы и должны были нам рассказать!

Его взгляд так глубоко проникал в меня, что я почувствовал себя странно неловко, словно сова, подвергающаяся испытанию светом. Меня начало охватывать раздражение против такой бесцеремонности.

— А какое отношение ко всему этому имеете вы? — с вызовом произнес я.

Священник опять улыбнулся.

— Фонды Экзотики оказывают большую финансовую помощь Проекту. Но это не НАШ Проект. Он — ЗЕМНОЙ! Мы только хотим помочь человеку осознать себя Человеком. Тем не менее, между нашей философией и теорией Марка Торра име-

ются кое-какие разногласия.

— Разногласия? — удивился я. О, кажется, я узнаю новость, о которой никто из моих соотечественников не догадывается.

Но Ладна отрицательно махнул головой, как будто прочитал мои мысли.

— В этом нет ничего нового, — сказал он. — Основное разногласие между нами возникло с самого начала. Суть его заключается в том, что мы, с Экзотики, верим в то, что человек постоянно улучшается, и особенно быстро это происходит в юных мирах. Наш же друг Марк утверждает, что Землянин — Базовый Человек — уже само совершенство, но его способности еще не раскрыты и он, соответственно, не может ими пользоваться.

Я кивнул головой.

— Но что же в конечном итоге произошло со мной? Что это за голоса?

— На этот вопрос вряд ли кто ответит, кроме вас!

— Но я же не знаю!

— Возможно. Мы увидим… — с этими словами священник протянул вперед руку и выставил в сторону указательный палец. — Ты видишь этот палец, Там?

Я посмотрел на руку священника и внезапно

что-то ворвалось в меня. Наступила тьма. Вокруг меня засверкали молнии, и вновь голоса миллионов и миллионов людей взорвались в моей голове. Каждый голос боролся с молнией, пытаясь отвести ее в сторону, но не каждому это удавалось. Я почувствовал, что могу легко манипулировать этими сверкающими стрелами. Отклонять их в сторону, тушить, собирать в пучки и бросать в темноту. Многие голоса звали меня, говорили что-то мне, предлагали не бороться в одиночку, а объединиться с ними в общем усилии и привести всю битву к какому-то обоюдному согласию. Они призывали меня упорядочить этот хаос. Но что-то во мне сопротивлялось их призыву.

Я достаточно долго был скован и порабощен тьмой Матиаса Олина. Теперь же я победил. Я упивался своим могуществом и не желал мира. Злость клокотала в моей груди. Я был свободен! Я — Мастер! И никто не сможет сковать меня снова…

Внезапно я вновь очутился в кабинете Марка Торра.

Старик — его морщинистое лицо стало подобно дереву — напряженно вглядывался в меня. Побледневшая Лиза тоже во все глаза смотрела в мою сторону. Едва я посмотрел на Ладну, как он отвел

свой взгляд от меня и пробормотал:

— Нет! Я думаю, что он ничем не может помочь Проекту!

Лиза вскрикнула — небольшой вскрик, подобный крошечному крику боли, но он утонул в «хрюканье» Марка Торра, «хрюканье» недовольного медведя, который медленно обернулся к потревожившему его человеку.

— Не может? — переспросил старик у священника и, подняв свою огромную руку, он с размаха опустил ее на пульт управления. — Он должен… он вынужден будет! За последние двадцать лет никто не прошел испытания Индекс-комнатой! А я старею!

— Он всего лишь слышал голоса, но они не оставили в нем искры, даже искры, — печально произнес Ладна. — Ты же ничего не почувствовал, Марк, когда коснулся его!

Он говорил очень печально, отрешенно закрыв глаза. Слова вылетали одно за другим из его горла, словно марширующие в строю солдаты.

— Это потому, что у него ничего нет! Нет сходства с другими слышащими. У него только признаки, но если нет сопереживания — нет и источника могущества.

— Но мы же не можем научить его, черт возь-

ми! — прогремел Марк Торр.

— Вы ведь сможете его вылечить у себя на Экзотике!

Ладна отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Никто не сможет помочь ему, кроме него самого. Он вовсе не болен. Ему просто не удалось развиться надлежащим образом. Скорее всего, в юности он глубоко ушел в себя и сейчас, когда его уединение стало еще глубже, никто уже не сможет ему помочь. Вся беда еще не только в том, что он не подходит нашему Проекту, а в том, что он не примет нашего предложения работать здесь. Взгляните же только на него!

Все это время он даже не открывал своих глаз и ни разу не взглянул на меня, словно меня не было в этой комнате.

— Вы загипнотизировали меня, — крикнул я, обращаясь к нему. — А на это я не давал вам своего согласия. Я не давал разрешения подвергаться психоанализу!

Ладна открыл глаза, посмотрел на меня и покачал головой.

— Никто вас не гипнотизировал, — ответил он. — Я только открыл вам ваше внутреннее зрение. И я вовсе не занимался психоанализом!

— Тогда что же это было?.. — я замолк на полу-

слове, призывая себя к осторожности.

— То, что вы видели и слышали, было вашими собственными чувствами и знаниями, переведенными в присущие только вам символы. А на что это было похоже, я понятия не имею… и не смогу никогда узнать, если вы только не расскажете мне об этом.

— Тогда как же вы сделали такой вывод? Как вы пришли к такому решению?

— Я наблюдал за вами, ваш вид, ваши действия, ваш голос рассказали мне обо всем. И еще дюжина других, не так бросающихся в глаза, примет. Они-то и позволили мне сделать такой вывод.

— Я не верю этому! — вспыхнул я. Холодное бешенство вновь возникло во мне. — Я не верю этому! — вновь повторил я, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя. — Вы, наверняка, руководствовались еще чем-то!

— Да, — согласился он. — Вы правы. У меня было время перед тем, как прийти сюда, послушать запись вашей жизни. Вы ведь знаете, что ваша биография, подобно всем землянам, хранится в Энциклопедии!

— Нет, — сказал я мрачно. — Было еще что-то, гораздо более весомое, что повлияло на ваше решение! Я уверен в этом!

— Да, — усмехнулся Ладна. — Вы очень проницательны. Я уверен, что вы научитесь всему достаточно быстро и без нашей помощи.

— Бросьте говорить загадками! — закричал я. Но странность его речи так поразила меня, что когда он на мой возглас испытующе посмотрел на меня, я успел придать своему лицу безразличное выражение.

— Это случится, Там, — мягко сказал священник. — То, чем ты сейчас себя ощущаешь, мы называем обычно «изоляцией» — необычной центральной силой в изменяющейся модели человеческого общества на его пути к своему совершенству…

От его слов мои руки сжались в кулаки и я, сдерживая дыхание, ждал продолжения. Но он не захотел продолжить свою мысль.

— Ну и что же, — пробормотал я нетерпеливо.

— Ничего! — усмехнулся Ладна. — Это все. Кстати, слышал ли ты когда-нибудь об онтогенетике? Надеюсь, ты позволишь мне при обращении к тебе такую маленькую фамильярность, учитывая мой возраст?

— Как вам будет угодно, — сказал я, — но об этом вашем учении я ничего не слыхал.

— Если говорить коротко, об этой теории мож-

но сказать, что все длительно изменяющиеся события должны учитываться ею. В массе схваток и желаний индивидуумов, составляющих основу жизни, определяется направление роста модели человечества в будущем. Но в отличие от индивидуумов, которые сами учитывают свои желания с учетом желаемого будущего, в нашей теории учитываются желания всех людей, и чем совершеннее этот учет, тем лучше и точнее модель…

Он посмотрел на меня, как бы спрашивая, понял ли я его.

О, я понял. Но не дал ему увидеть этого.

— Продолжайте, — только и сказал я.

— В случае появления необычных индивидуумов, — продолжал Ладна, — мы получаем в модели особую комбинацию факторов. Когда это случается, как в твоем случае, возникает «изоляция», центральный характер, способный действовать, не ограничиваясь рамками модели…

Он снова остановился и испытующе посмотрел на меня.

Я глубоко вздохнул, чтобы унять биение сердца.

— Хорошо, я «изоляция», но что же вы хотите от меня?

— Марк хочет, чтобы ты был возле него, как контролер строящейся Энциклопедии. Мы тоже помогаем ему. Но необходимо помнить, что когда Энциклопедия будет завершена, только «слышащие» личности смогут с ней работать. В противном случае, землян ожидает глубокое разочарование, моральное опустошение и деградация!

Он вздохнул и мрачно посмотрел на меня.

— Кроме того, Марк сейчас в затруднении. Если он не найдет немедленно последователей, то Энциклопедия никогда не будет завершена. А это, как я уже сказал, будет означать конец Земли. И если уйдут земляне, то человечество молодых миров перестанет быть жизнеспособным… Но это тебя не касается, не так ли, Там? Ты ведь один из тех, кто враждебно относится к молодым мирам, а?

Я отрицательно покачал головой, словно стряхивал с себя его вопросительный взгляд. Но где-то в глубине души я знал, что он прав! Я представил себя сидящим в кресле перед пультом, прикованным долгом на все оставшиеся мне дни к этой нудной работе… Нет! Я не хотел ни их, ни их работы на Энциклопедии!

Довольно долго и тяжело работать, чтобы

избавиться от Матиаса, стать рабом этих беспомощных людей — всех тех в великой массе человеческой расы, кто был слишком слаб, чтобы подчинить себе молнии! Нужно ли мне отбросить перспективу своего могущества и полной свободы ради ТЕХ, кто не в состоянии оплатить эту свободу для себя! Как я оплатил свою! Нет, и еще раз нет!

— Нет! — произнес я с вызовом.

Марк Торр глубоко вздохнул.

— Нет? Вот видишь, Марк, я был абсолютно прав! — кивнул Ладна. — Ты, мой мальчик, не имеешь сочувствия… не имеешь души.

— Что? Души? — переспросил я. — А что это такое?

— Могу ли я описывать цвет золота человеку, слепому от рождения? В одном только могу тебя уверить — если ты найдешь ее, то сразу же узнаешь. Но это возможно только в том случае, если пробьешь себе дорогу через долину!

— Долину? Опять изволите говорить загадками? — начал было я снова распаляться. — Какая еще такая долина?

— Ты знаешь, про что я говорю, Там, — спокойно сказал Ладна. — Ты это знаешь лучше, чем я могу тебе объяснить. Это долина мозга и духа, ку-

да возвращается все уникальное, созданное ими. Но оно искажается тобой и потому стремится к разрушению…

«РАЗРУШЕНИЕ!»

Это слово гремело в голосе моего дяди Матиаса, когда он читал Уолтера Блента.

Внезапно, словно отпечатанные светящимися буквами на внутренней поверхности моего черепа, я увидел слово «ВЛАСТЬ» и понял возможности этой силы применительно ко мне.

И как будто долина раскрылась передо мною. Высокие черные стены высились по обе стороны от меня, теряясь в сером тумане. Узкая тропинка вела во тьму, где меня поджидало что-то огромное, черное, шевелящееся…

Но даже после того, как я отшатнулся от ЭТОГО, от чего-то великого, черного и ужасного внутри меня, мысль, что я повстречался с ЭТИМ, наполнила меня радостью.

Где-то издалека, подобно звуку несильного колокола, донесся до меня голос Марка Торра, очевидно, обращавшегося к Ладне.

— Неужели нет никакого шанса? И мы так ничего и не сможем сделать? Что если он никогда не придет в Энциклопедию?

— Нам остается только ждать… и надеять-

ся, — прозвучал в ответ голос Ладны. — Выбор останется за ним. Если он преодолеет себя, то сможет вернуться, а так… Его ждет или преисподняя… или небеса!

Подобно звуку холодного дождя, громыхающего по крышам зданий, этот голос ничуть не тронул меня. Я почувствовал огромное желание покинуть эту комнату и, оставшись наедине, подумать.

Тяжело встав с кресла, я спросил, обращаясь к Марку Торру:

— Как мне отсюда выйти?

— Лиза, — обратился тот к девушке, которая тут же вскочила, услышав обращение старика, — проводи его.

— Прошу вас, — пробормотала девушка и повернулась к двери, через которую некоторое время назад вошел человек с Экзотики.

Она вывела меня во двор Проекта, где к этому времени уже собрались все члены нашего тура и, не проронив ни слова, а только склонив голову в знак прощания, ушла. Но это меня уже не трогало. Я забыл о ней. Самое главное было сейчас разобраться во всем происшедшем со мной.

Глубоко погруженный в свои мысли, я не заметил, как попал в Сент-Луис, а затем и в Афины.

И только оказавшись в дядюшкином доме, я очнулся от своих дум. Прислуга сказала мне, что у нас гости, и я поспешил в библиотеку, где обычно Матиас принимал посетителей. Я был поражен — гости в нашем доме?

В комнате находился дядя, сидевший в своем большом высоком кресле с раскрытой книгой на коленях, моя сестра Эйлин, которая усмехнулась мне, когда я вошел, и… молодой темнокожий человек. Его предки, несомненно, были берберами. Это было бы понятно любому, кто, подобно мне, изучал этнические различия людей в Университете. Он был одет во все черное. Мне показалось, что я узнал в нем того незнакомца, который был с Эйлин в Энциклопедии.

Короткий ежик черных волос и колючий, словно стальной клинок, взгляд его черных глаз выдавали в нем жителя молодых миров. Я вновь почувствовал темную радость, испытанную мной в глубине «долины» — это был первый шанс испытать мое могущество!

4

Но Матиас помешал мне.

— ...еще раз повторяю тебе, Эйлин, — донесся до меня его голос, — что я не вижу причин для беспокойства. Я ведь никогда не ставил тебе ограничений. Делай, как хочешь!

И его пальцы перевернули страницу книги.

— Но скажи мне, что делать? Как поступить? — закричала Эйлин. — Ведь я прошу у тебя совета? — В глазах ее стояли слезы.

— Я не знаю! Какая разница, как ты поступишь?

Он повернулся ко мне.

— А, с приездом, Там. Эйлин забыла вас познакомить. Этот молодой человек — мистер Джаймтон Блек с Гармонии.

— Офицер вооруженных сил Блек, — представился незнакомец, повернувшись ко мне и слегка наклонив голову. — Я исполняю на Земле обязанности военного атташе.

Теперь я окончательно определил его происхождение. Он был с тех планет, которые люди с других миров с кислым юмором называли Френд-

лиз (Дружественные). Религиозные, спартански воспитанные и отлично вышколенные фанатики составляли население планет Гармонии и Ассоциации. Меня всегда удивляло, что из сотен видов и типов человеческих обществ, наряду с солдатским Дорсаем, научным миром Нептуна и Венеры, философскими мирами Экзотики, выросло и процветало такое мрачное и фанатическое человеческое поселение.

Все остальные миры слышали и знали о них, как о солдатах. Но это были не те солдаты, что с Дорсая. Миры Френдлиз были очень бедны, и единственный «урожай», который они могли снимать на своих скудных каменистых почвах, не всегда был необходим другим мирам. Да и кому могло прийти в голову нанимать по контракту толпы евангелистов. Но френдлизцы умели стрелять и отлично подчинялись приказам… а это значит, что они умели умирать! И кроме того, они были так бедны! Элдер Брайт, глава Совета Церквей, управляющий Гармонией и Ассоциацией, мог бы сбить цену на наемников любому правительству, но… на наемников с весьма низким уровнем военного искусства.

Дорсайцы были истинными мужами войны. Оружие шло к ним в руки, как ручные собачонки,

и сидело в их руках, как перчатки. Солдат же Френдлиза держал винтовку, как топор…

Поэтому знатоки говорили, что Дорсай поставляет всем человеческим мирам солдат, а Френдлиз — пушечное мясо! — …офицер ВС Френдлиза мистер Блек, — продолжал Матиас, — слушает вечерний курс земной истории в том же университете, что и Эйлин. Они познакомились месяц назад. И теперь молодой человек пришел просить ее руки. Он предлагает ей выйти за него замуж и отправиться на Гармонию, куда его отзывают в конце этой недели.

— И…

— Вот я и говорю, что это ее личное дело. Пускай сама решает! — закончил свою речь наш дядя.

— Но я хочу, чтобы кто-то помог мне, помог мне решить, как поступить! — воскликнула в слезах Эйлин.

Матиас покачал головой.

— Я уже говорил тебе, — сказал он, — что здесь нечего решать. Что эти решения могут дать? Я предоставил тебе полную свободу действий и настоятельно прошу избавить меня от участия в этом фарсе.

И он снова склонился над своей книгой.

— Но я… я не знаю, как мне поступить! — всхли-

пывала Эйлин.

— Тогда ничего не делай, — изрек наш дядюшка, переворачивая очередную страницу. — Значит, ты не готова к предстоящим испытаниям!

— О, боже, что же мне делать? — разобрал я бормотание сестры.

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

— Эйлин, — прервал эту тишину голос Джаймтона Блека. Сестра с готовностью повернулась к нему. — Ты же говорила мне, что хочешь выйти за меня замуж и сделать своим мой дом на Гармонии! — Он говорил размеренным, низким и приятным голосом.

— О, да! Да, Джимми! — воскликнула Эйлин. Но Блек не подошел к ней, и тогда сестра воскликнула вновь:

— Но я не уверена, что это верное решение! Я ведь хочу как лучше!

Она повернулась ко мне.

— О, брат, что мне делать? Как я должна поступить?

Ее голос резко звучал в моей голове, словно голоса, слышанные мною в Индекс-комнате. Обстановка в библиотеке, необходимость решить сложную проблему, все это отбросило меня назад в то состояние, из которого я вернулся не так

давно.

Внезапно я понял Матиаса. Понял так, как никогда прежде не понимал! Он хорошо знал, что если скажет «останься», то сестра сделает наоборот. Он был бесподобен в своем дьявольском или богоподобном безразличии и, конечно, был уверен, что я поддержу решение сестры уехать из этого мрачного дома. Это решение его вполне устраивало.

И все же дядюшка ошибся. Он не увидел, что изменения коснулись меня. Для него «РАЗРУШЕНИЕ» было простым звуком. Но я теперь в этом слове увидел оружие, которое могло быть повернуто против этих суперменов из молодых миров.

Я взглянул на Джаймтона Блека и не испугался, как в свое время перед Ладной. Противоборство началось.

— Нет, — сказал я спокойно. — Я не думаю, Эйлин, что тебе следовало бы бежать из дому.

Слова убеждения очень легко складывались в моей голове.

— Гармония — это не место для тебя. Ты же знаешь, как эти люди отличаются от нас, землян. Ты будешь выбита из колеи. Их взгляд на окружающий мир не совсем согласуется с твоим. А кроме

того, этот человек — офицер… — я сделал паузу и с симпатией взглянул на Блека. При этих словах он повернул свое умное лицо ко мне. — Ты ведь знаешь, что означает «офицер» в мирах Френдлиз? В любой момент его контракт может быть продан на сторону, и его пошлют туда, куда ты не сможешь за ним последовать. Он, может быть, будет отсутствовать долгие годы… или вообще будет убит. Неужели это тебя устраивает? Ты уверена, что достаточно сильна, чтобы подвергать себя такой эмоциональной пытке? Я знаю тебя уже много лет и не вполне уверен в твоих силах! Тебе не следует уезжать с ним.

Я перевел дух и кинул быстрый взгляд на дядю. Матиас внимательно слушал меня, но ничего не сделал, чтобы вмешаться в разговор. Это был хороший признак.

Что же касается Эйлин, то она благодарно кивнула мне головой.

Джаймтон Блек подошел к ней и мягко, почти ласково сказал:

— Так ты не поедешь со мной, Эйлин?

Она покачала головой и отвернулась.

— Я не могу, Джимми, — прошептала она. — Ты слышал, что сказал мой брат. Я хочу, чтобы ты ушел!

— Это неправда! Что значит — ты не можешь? Скажи, что ты не хочешь, и я уйду!

Он ждал. Но она молчала и смотрела в сторону, боясь поймать его взгляд. Затем снова покачала головой.

Блек глубоко вздохнул и, не глядя ни на кого, вышел. На его лице не было заметно ни боли, ни ярости.

Эйлин в слезах выбежала из комнаты. Я взглянул на Матиаса — он продолжал внимательно читать библию, не глядя на меня.

Он никогда после не упоминал об этом инциденте и о Джаймтоне Блеке.

Эйлин тоже.

Прошло всего полгода. Эйлин подписала контракт с Кассиди и уехала на работу в этот мир. Через несколько месяцев после этого она вышла замуж за уроженца этой планеты Дэвида Лонг Холла. С этого времени мы перестали получать от нее хоть какие-то известия.

Но я в то время был так же мало огорчен этим, как и Матиас, меня захватили мои успехи в словесном воздействии на других людей. Новое восприятие все больше проникало в меня, помогая совершенствовать свои возможности. Я был на верном пути к своей цели — власти и

свободе!

5

События, происшедшие в библиотеке, надолго оставили след в моей памяти. За те пять лет, в течение которых я продвигался вверх по служебной лестнице в «Ньюс Сервис», я не получал ни единой весточки от Эйлин. Несколько писем, которые были отправлены ей, остались без ответа.

Постепенно я начал понимать, что остался один-одинешенек в целом мире. Что из всех людей, которых я только знал, ни один не мог бы назвать меня своим другом!

Вскоре тихо и неожиданно умер наш дядя Матиас. И я, связавшись с Кассиди, отыскал, наконец, Эйлин для того, чтобы обговорить права наследования. Все осложнилось тем, что только правительства и крупные промышленные и торговые фирмы могли переводить планетную валюту на другие планеты.

Встретив сестру и вдоволь наговорившись, я с сожалением узнал, что ее муж, Дэвид Холл, находится в рядах кассидиан, участвующих в заварушке на Новой Земле. Это послужило одной из причин того, что я оказался в скором времени

в районе Сириуса. Меня, как корреспондента «Ньюс Сервис», направили освещать войну, вернее, ход боевых действий между Северным и Южным Разделенным Онтландом.

Только ядро войск Севера и Юга составляли уроженцы Новой Земли. Более 80% войсковых формирований мятежного Севера составляли наемники с Френдлиза. В частях Юга было собрано около 60% кассидиан, нанятых по контракту с Кассиди правительством Новой Земли. Среди кассидиан, участвовавших в этой нелепой войне, был и молодой офицер Дэйв Холл, муж моей сестры.

Моим проводником был назначен один из солдат Южных Сил. Не кассидианин, а уроженец Новой Земли, он с высоты моего понимания людей не представлял из себя ничего ценного. Мы уже минут десять шли по горному склону, на котором еще несколько часов назад гремело эхо войны. Войдя в расположение войск южан, мы проделали довольно длинный путь по лабиринту защитных сооружений и пришли, наконец, в командный пункт.

— Комендант Хал Фрейк, — представился мне офицер лет сорока с тяжелой челюстью и темными кругами под глазами. — Ваши документы?

Я протянул удостоверение. Кассидианин рассматривал его с изменяющимся выражением лица.

— О? — поднял он брови. — Кадет?

Такой вопрос был равносилен оскорблению, ведь это было не его дело — полноправный ли я член «Гильдии» или всего лишь Подмастерье! Он посчитал, что я еще достаточно «зеленый» и поэтому представляю для него и его людей здесь, на линии фронта, серьезную опасность. Тем не менее, он не знал, что в моей защите гораздо меньше уязвимых мест, чем в его.

— Верно, — сказал я, беря назад документы. Необходимо было сразу же держать его на дистанции. — Что-то я слышал в штабе о присвоении ряду офицеров очередных званий…

— Что? — сразу встал в стойку офицер. — Про что вы слышали? Присвоение?

Он посмотрел на меня. Тон его голоса изменился. Я всегда был убежден, что главная слабость, да и самый верный путь, которым люди предают себя — это их голос. Сказался мой почти пятилетний опыт на подобные вещи.

— Что-то я слышал о присвоении какому-то коменданту Фрейку звания майора, — сказал я с легкой усмешкой. — И я подумал… — но тут я обо-

рвал себя и с интересом посмотрел на стоящего рядом офицера. — Но скорее всего я ошибся. Похоже, та фамилия была не Фрейк… а что-то вроде… — я опять оборвал фразу и стал с любопытством рассматривать странную обстановку блиндажа.

— Что вы слышали о моем повышении в звании? — потребовал кассидианин.

Настало время отхлестать его.

— О, вы что-то сказали? Да, да… Вы же знаете, что наши источники информации очень надежны. Но это было так давно, вчера утром, по-моему, не думаю, что могу вспомнить такую мелочь. К тому же, где и что я слышал — это мой секрет! Не прошу же я вас, военных, разглашать мне свои секреты!

Он привстал на каблуках. Лицо его побагровело. Но ему вовремя пришла на ум одна мысль — ведь я не был его подчиненным! У него не было права приказывать мне говорить то, что я не хочу. Подобно большинству людей, он полагал, что если «Ньюс Сервис» что-то знает, так это уже сущая правда. Он понимал, что если он хочет что-то узнать, ему необходимо сменить железные перчатки на бархатные.

В одно мгновение я оценил весь ход его мыслей.

— Да, — сказал он, улыбаясь, насколько мог. — Да, конечно, секрет есть секрет! Извините меня. У нас здесь недавно было очень «жарко». Что мы можем сделать для вас, ньюсмен?

— Не могли бы вы немного рассказать о себе, — проговорил я, делая вид, что колеблюсь. — Думаю, мог бы получиться неплохой репортаж о войне с точки зрения опытного офицера-фронтовика…

Он все понял.

Почему я? Разве не мог подойти любой другой офицер рангом повыше и покрасноречивее? — казалось, спрашивал его взгляд. Но вслух он этого не произнес. Его тайные надежды сбывались. Если он удачно будет описан в такой заметке, то, вполне вероятно, не будет больше прозябать в действующих войсках, где все возможно…

Все эти мысли ясно проявились в его манере держаться, выражении лица, изменении интонации. Повышение в чине вплоть до ранга майора было пределом его мечтаний. Больше денег, долгосрочный контракт и меньшая вероятность быть убитым в какой-нибудь заварушке — разве это так плохо?

— Вы знаете, у меня есть идея, — сказал я. — Что, если мне взять себе помощника из числа ваших подчиненных?

— Из моих людей? — изумился офицер.

— Да. Я хотел бы взять себе сообразительного парня, который мог бы во всех подробностях описать ход кампании и постоянно держать меня в курсе всех военных новостей.

— Я все понял, — лицо офицера прояснилось. — Мы здесь всегда рады помочь «Интерстеллар». Я сейчас выпишу соответствующее распоряжение.

— О, не беспокойтесь, — проговорил я, доставая из кармана свой пропуск. — Вы можете вписать сюда имя. Думаю, что ваш представитель понадобится мне на день или два.

— Но кто бы вам подошел? — задумался Фрейк.

Я отлично понял его. После недели сражений личный состав его отряда сократился чуть ли не в половину, и отдать сейчас хорошего, умного офицера значило сделать брешь в обороне.

— Может быть... — начал было он. Но я перебил его.

— Думаю, что я с вами вполне соглашусь. Дэйв Холл вполне бы мне подошел.

На его лице отразилась целая гамма чувств, которую я постарался побыстрее привести в порядок.

— Я заметил это имя в списках личного состава вашего отряда еще в штабе, перед тем, как

отправиться сюда. Но по правде говоря, есть и другая причина… — Я умышленно сделал паузу, чтобы заострить его внимание. — Мы с Холлом находимся в некотором родстве, и я подумал, что одним выстрелом мог бы убить двух зайцев.

Фрейк подозрительно посмотрел на меня.

— Но, впрочем, — заметил я, — если уж он вам так необходим, то…

— Кто? Холл? — изобразив в голосе изумление, переспросил офицер. — Ну, что вы, я вполне могу сделать для вас такую любезность.

Он позвонил по телефону и приказал кому-то, чтобы нашли Холла и передали ему, что его ждут на командном пункте.

— Через несколько минут он будет здесь, сэр, — повернувшись ко мне, «доложил» комендант Фрейк.

6

Дэйв никогда не видел меня прежде, но, очевидно, Эйлин говорила ему обо мне. И когда Фрейк представил меня, он сразу все понял.

По пути в штаб я имел довольно много времени, чтобы изучить его. Он не слишком вырос в моих глазах. Невысокий, выглядевший несколько моложе своих лет, он, очевидно, был не слишком умен. Его лицо, манера держаться — все ясно указывало на то, что он относится к тому типу слабых натур, которые знают, что они слишком слабы, чтобы бороться за свои права, и поэтому пытаются делать лучшее, что могут — ни во что не вмешиваться и зависеть от доброй воли других.

Как я узнал из расспросов, он был обычным программистом, когда Эйлин вышла за него замуж. Он работал, а вечером учился в кассидианском университете по курсу прикладной механики. Ему оставалось учиться еще три года, когда на проверочных экзаменах он оказался ниже семнадцатипроцентного уровня знаний. Это было несчастьем, так как в это время Кассиди поддер-

жала Новую Землю и направила свои войска на борьбу с мятежниками Севера. И вот так Дэйву пришлось одеть форму.

Когда мы, наконец, добрались до Каслшэйта, города, в котором находился штаб соединения, Дэйв попытался поблагодарить меня.

— Оставь! — прервал я его. — Это не составило мне никакого труда. Помни, что твоя основная задача — сопровождать меня в моих «прогулках» по обе стороны от линии фронта. Об одном только я хочу тебя попросить — не подавай виду, что ты не любишь Френдлиз. Я понимаю, очень нелегко быть безразличным к тем, кто только сегодня утром убивал твоих друзей, но все же постарайся. Я очень прошу тебя!

Побывав в штабе и позвонив в пресс-центр «Ньюс Сервис», мы направились в гостиницу. Оставив Дэйва в своем номере и объяснив ему, что утром вернусь, я отправился в путь для дальнейшего выполнения намеченного плана.

Новая Земля и Фриленд — планеты-близнецы Сириуса. Поэтому перелет с одной планеты на другую занимал не более полутора часов.

И вот через два часа я находился уже у входа в апартаменты Хендрика Галта, Первого Маршала вооруженных сил Фриленда. Я хотел присутство-

вать на вечере в честь одного человека, который только начал входить в зенит своей славы. Это был дорсаец (так же как, впрочем, и Галт). Командующий Космическим Патрулем по имени Донал Грим. Сегодня он давал свою первую пресс-конференцию.

Только что он совершил смелое нападение на планетарную оборону Нептуна с малой горсткой кораблей, и это очень подняло его в глазах «заинтересованных» лиц.

И кроме того, мне было необходимо встретиться здесь, на вечере, с кое-какими влиятельными людьми.

Особенно мне необходимо было встретиться с шефом отделения «Интерстеллар Ньюс Сервис» на Фриленде и согласовать с ним документы Дэйва.

Я нашел его, представительного приятного землянина по имени Най Спелинг, без труда и получил от него заверения в том, что Дэйв будет пользоваться временной опекой Гильдии.

— Подготовьте какие надо документы, я подпишу, — любезно пообещал мне Спелинг и повернулся к человеку в голубых одеждах Экзотики, в котором я с изумлением узнал священника Ладну.

— Преподобный отец! — слова сами выпрыгнули из меня. — Что вы здесь делаете?

— Я бы желал спросить тебя о том же, Там! — нисколько не обидевшись столь бесцеремонному вопросу, ответил священник.

Я тут же начал отступление.

— Извините меня, сэр. Я иду туда, где пахнет новостями. Это моя работа.

— С этой же целью и я здесь, — улыбнулся Ладна. — Помнишь, я говорил тебе о модели общества? Сейчас это место и момент времени являются локусом.

Я не понял, что это означает, но, начав беседу, я уже не мог остановиться.

— Локус? Что это такое? Надеюсь, — при этом я широко усмехнулся, — никакого отношения ко мне это не имеет?

— Не беспокойтесь, — так же лучезарно засмеялся священник. — Это связано с Доналом Гримом.

— Ну и отлично, — сказал я, пытаясь сообразить, как бы побыстрее кончить этот разговор и уйти. — Кстати, а как та девушка, которая привела меня к Марку Торру в тот день? Как она себя чувствует? Э… Лиза Кант, кажется?

— Да, — проговорил Ладна, цепко впиваясь в

меня глазами. — Она здесь, со мной. Я взял ее к себе личным секретарем. Ты что, поссорился с ней тогда? Она была так заинтересована тогда в твоем спасении.

— Спасении? — вмешался в разговор Спелинг. В его голосе мелькнул неприкрытый интерес. — В спасении от чего?

— От себя, — коротко произнес Ладна.

— Думаю, что будет лучше, если я увижу ее и сам все выясню, — проговорил я, поворачиваясь.

Встреча с этой странной девушкой совершенно не входила в мои планы. Правда, вот уже пять лет время от времени меня охватывало беспокойство, желание вернуться назад в Анклав и увидеть Лизу. Это желание будоражило меня, как страх. Глубоко во мне было чувство — я сознавал это — что к этой девушке я смогу применить свою власть над людьми.

Двигаясь в толпе людей, приглашенных на этот вечер, я совершенно не заметил, как поднялся по лестнице и оказался на небольшом балконе с несколькими креслами вокруг небольшого круглого стола. Я хотел еще увидеть Элдера Брайта — Главу Объединенного Совета Церквей. Брайт был воинствующим монахом — одним из тех, кто свято верил, что только сила войны может при-

вести в лоно истинной церкви всех еретиков.

Его подпись на паспорте Дэйва была бы лучшей защитой, чем пять батальонов вооруженных до зубов кассидиан.

Перегнувшись через перила балкона, я начал рассматривать толпу гостей в надежде увидеть отца Брайта. Через мгновение я увидел его фигуру. Он стоял ко мне спиной, разговаривая с каким-то седым человеком, по виду похожим на венерианина. Мне очень часто приходилось видеть Элдера Брайта в выпусках новостей, но то, что я увидел во плоти, потрясло меня. Он довольно странно выглядел для священника. Гораздо выше меня, с плечами, подобными амбарным дверям, одетый во все черное, он стоял, немного расставив ноги, словно тренированный борец, равномерно распределяющий свой вес на обе ноги. В этом человеке чувствовалась такая сила, что я начал жалеть, что хочу встретиться с ним. Не было сомнения, что опутать этого человека, как Фрейка, путаницей слов не удастся.

Но отступать было некуда. У меня должна была быть гарантия безопасности Холла.

Я собрался было уже идти, как случай остановил меня. Если только это был случай.

Повернувшись, я внезапно оказался шагах в

десяти от небольшой группки людей, что-то горячо обсуждавших между собой. Среди них был принц Уильям, глава правительства огромной торговой планеты Сета, вращающейся вокруг звезды Тау Кита. Рядом с ним стояла высокая красивая блондинка — Анеа Марлевана, избранная из Культиса, главная драгоценность нынешнего поколения, воспитанного Экзотикой. Кроме них в этой группе был Хендрик Галт, очень внушительно выглядевший в своем маршальском мундире, и его жена Элами. Последним человеком в этой компании мог быть только Донал Грим.

Это был юноша в мундире начальника субпатруля — темнолицый дорсаец со странной стремительностью движений, которая обычно характеризует людей, рожденных для войны. Он поймал мой взгляд, брошенный в их сторону, и внимательно посмотрел на меня.

На секунду наши глаза встретились. Мы были достаточно близко, так близко, что я вполне смог разглядеть цвет его глаз. И это остановило меня.

Эти глаза были то серыми, то зелеными, то голубыми, в зависимости от того, откуда вы смотрите на них. Только мгновение мы смотрели в глаза друг другу. Грим тут же отвернулся, продолжая что-то доказывать Галту, но я еще долго удержи-

вал в своей памяти эти странные глаза.

Когда я очнулся от транса и взглянул назад, где видел отца Брайта, то увидел, что седого человека уже с ним нет, а он говорит с кем-то, чья фигура была мне до странности знакома.

Что-то обсуждая, они продвигались к выходу. Поняв, что я рискую совсем потерять его, я повернулся и…

Но мой путь был перекрыт!

Мгновение встречи с Доналом Гримом все изменило. Когда я обернулся, чтобы сбежать по ступенькам лестницы, то увидел, что меня поджидает Лиза Кант!

7

— Там! — крикнула она. — Подожди! Не уходи!

Я остановился, по инерции продолжая оглядываться в сторону Брайта. Мне уже все стало ясно. Мне не догнать его. Он только что вышел из зала и сейчас, вероятно, вполне мог направиться к транспортной стоянке. Если бы не эта задержка с Гримом, я успел бы поймать преподобного отца. Не появление Лизы, а моя собственная нерасторопность была всему виной.

Я посмотрел на девушку. Она действительно поймала меня и мы встретились лицом к лицу.

— Как ты узнала, что я здесь? — потребовал я.

— Ладна сказал, что ты избегаешь меня. Вот я и подумала, что только здесь, на таких укромных балконах, ты мог бы спрятаться от меня. А если честно, то я увидела, как ты кого-то сверху разглядываешь в толпе гостей,

— засмеялась Лиза.

Она немного задыхалась, поднимаясь по лестнице, и поэтому смеялась с придыханием.

— Верно, — кивнул я головой. — Но что тебе нужно от меня?

Она была красива, этого я не мог бы отрицать и поэтому старался говорить как можно резче.

— Там! Марк Торр хочет поговорить с тобой!

В ее словах, взгляде, чувствовалась какая-то убежденность, какое-то страстное, завуалированное желание. Будто бы кто-то «поработал» с ней и заставил встретиться со мной. Здесь была опасность! Я должен был как можно быстрее покинуть ее. Но она преграждала мне путь.

— Что еще ты хочешь?

— Мар…

И тут я увидел путь, при помощи которого можно было бы отвести ее атаку. Я засмеялся.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Извини, — сказал я, переставая смеяться. — Что еще может Торр мне сказать, кроме того старого дела? Разве ты не помнишь, что сказал тогда Ладна? Я ориентирован на… РАЗРУШЕНИЕ!

— Ты нисколько не изменился, Там! — ласково и печально сказала она.

— Нет! Изменился! — зло выкрикнул я. — Почему вы все время за мной охотитесь? Как ты узнала, что я буду здесь, а? Отвечай! Я требую!

— Мне сказал Ладна…

— Нет, вы заранее знали, что я буду на этом вечере, — перебил я ее.

— Ладна знал, что ты будешь здесь! Он говорил, что это будет твой последний шанс… Он вычислил его! Ты помнишь, что он говорил о онтогенетике?

Я на секунду посмотрел на нее и засмеялся.

— Эти с Экзотики — самые обыкновенные люди, такие, как и ты! И меня не обмануть разговорами, что они могут вычислить будущее любого человека, живущего на каждом из четырнадцати обитаемых миров!

— Не любого! — гневно воскликнула она. — А только тебя и нескольких тебе подобных. Ты — создатель, ты сам можешь управлять людьми в рамках модели и поэтому тебя можно относительно легко вычислить. Управляя людьми, ты можешь легко воздействовать на события в будущем и легко их предсказывать.

— И что же?

— О, Там, — в отчаянии простонала Лиза. — Разве то, чего ты достиг за эти пять лет в Гильдии, не подтверждает моих слов? Разве это не очевидно?

— Конечно, ты, может быть, и права, я никогда не делал секретов из своих желаний. Я понимаю, еще можно как-то объяснить мое появление на Новой Земле. Война между Севером и Югом, новости с линии фронта, мне, как корреспонденту,

представляется возможность утвердить себя в Гильдии оперативным описанием военных действий. Но как же можно вычислить, что я буду на этом вечере, на Фриленде?

На мгновение Лиза заколебалась.

— Ладна… говорил, что это место — локус, и ты просто обязан был здесь присутствовать.

— Но это же локус Донала Грима! Неужели Ладна скрыл от меня, что это и мой локус? Но почему и зачем?

— Я не знаю, Там. Не думаю, что он хотел чего-то плохого.

— И вы явились сюда только ради меня? Зачем? — Я наступал на нее, как лис на дрожащего кролика.

— Ладна, — выдавила она. — Ладна провел новые вычисления на Экзотике. И результаты показали, что Проект никогда не сможет быть завершен, если только не принять срочных мер.

— Что еще за меры?

— Не знаю. Это тайна Ладны, а он…

— Хорошо! Что еще?

— Думаю, что Ладна получил данные, что твоя власть, как разрушительная, постоянно растет. Пять лет назад он еще не мог учесть всех взаимосвязей. Он мне говорил, что еще можно все

повернуть вспять, если ты все бросишь и возвратишься в Энциклопедию. Но надо прямо сейчас!

— Прямо сейчас? Ну, вы и даете! Нет, это невозможно. И, кроме того, я вовсе не чувствую в себе все возрастающую власть разрушителя.

— Но это так, Там! Ты это не можешь почувствовать, но это в тебе, как ружье, постоянно готовое выстрелить. Только ты не должен дать ему стрелять! Ты можешь изменить себя, пока еще есть время. Ты можешь спасти себя и Энциклопедию.

Последнее слово отозвалось во мне миллионным эхом. Голоса, слышанные мною пять лет назад в Индекс-комнате. Подобно сверкающему факелу, они осветили тьму, лежащую между высокими, теряющимися во мраке, стенами, окружающими долину. И на мгновение я увидел себя, стоящего под дождем, Ладну, стоящего лицом ко мне, и мертвеца, лежащего между нами.

Но огромным усилием воли я заставил погаснуть этот факел и вновь окунулся в спасительную темноту. Чувство моей власти и силы снова вернулось ко мне.

— Я не нуждаюсь в вашей Энциклопедии!

— Но ты должен помочь, Там, — заплакала девушка. — Ведь Энциклопедия

— это надежда всего человечества. И только ты

можешь сделать, чтобы эта надежда не угасла. Там, ты ДОЛЖЕН!

— Должен?! Я никому НИЧЕГО не должен, — со злостью сказал я. — Не смей смешивать меня в одну кучу с этими темными земными червями. Может быть, им и нужна ваша Энциклопедия, но только не мне!

Я прошел мимо нее, с силой отстранив ее в сторону. Она звала меня, что-то кричала, но я закрыл свой мозг для ее слов и быстро спустился по лестнице в зал.

Как и следовало ожидать, Брайта там уже не было. Швейцар сказал, что он уехал. Я больше не пытался отыскать его. Он вполне мог уже быть на Гармонии.

Оставалось только одно. Добраться до Новой Земли и попытаться заполучить подпись на документе Дэйва от командования соединениями френдлизцев на Северной территории.

К середине ночи я был уже в районе Главного Штаба Северных Сил Новой Земли. Мой паспорт ньюсмена легко позволил мне проникнуть через боевое охранение, и угрюмый человек с оружием наизготовку провел меня в приемную комнату штаба.

В маленькой комнате находился лейтенант

ВС Френдлиза, который сидел за столом и что-то писал.

Когда я вошел в комнату, он оторвал глаза от бумаги и вопросительно посмотрел на меня.

— Я ньюсмен из «Интерстеллар Ньюс Сервис»... — начал было я.

— Документы!

Меня оборвали грубо и нетерпеливо. Черные глаза на костистом лице в упор смотрели на меня. Хриплый голос неприязненно отозвался в моей голове. Он разглядывал документы словно лев, намеревающийся обрушиться на жертву.

Я никогда прежде не сталкивался с френдлизцами лицом к лицу. А этот лейтенант, очевидно, принадлежал к той породе людей с Гармонии или Ассоциации, которые проповедовали отказ от всего лишнего.

Это был один из тех аскетов, которые упорно избегали любых радостей в жизни. Его жизнь была очерчена его обязанностями по службе и службой Господу. Он считал жителей других планет еретиками, а подобных себе — избранниками Божьими.

Я тщательно присмотрелся к нему, ища хоть какое-нибудь слабое место. Кто мог бы узнать это лучше, чем я? Не может быть, чтобы человек,

который вознес себя так высоко, не имел бы никаких слабостей! Его самомнение о себе вызвало у меня смех, но я не мог заставить свои губы разжаться хоть в малейшей усмешке.

— Твои документы в порядке, — отодвигая на столе документы в мою сторону, изрек он.

— Что это? — спросил он тут же, увидев, что я протягиваю ему паспорт Дэйва.

— Документы моего помощника. Видите ли, мы будем передвигаться вдоль линии фронта и…

— За нашей линией нет необходимости в паспортах, достаточно документов Гильдии, — бросил он.

— Но у моего помощника, — я постарался сохранить свой голос на прежнем уровне, — нет документов ньюсмена. Я взял его себе только вчера днем и не имел времени позаботиться о соответствующих документах. Мне необходим временный пропуск, выданный одним из ваших штабных офицеров.

— Так твой помощник не ньюсмен?

— Официально нет. Но…

— Тогда ему не будет позволено пересекать наши боевые порядки. Пропуск не может быть выдан!

— Не знаю даже, что делать, — сказал я, ис-

пытывая разочарование. — Дело в том, что я собирался попросить Элдера Брайта об этом. У нас с ним была назначена встреча на Фриленде, но его куда-то позвали, прежде чем я успел перемолвиться с ним парой слов.

Сказав это, я замолчал и стал внимательно следить за реакцией офицера.

— Брат Брайт, — сказал тот после недолгого молчания, — не мог подписать пропуск какому-то неизвестному и тем самым позволить возможному шпиону проникнуть в наше расположение на радость наших противников.

Теперь мне необходимо было сыграть просто уже отменно.

— Если вы не возражаете, — произнес я, — я хотел бы обсудить этот вопрос с кем-нибудь из высших офицеров.

— Я не могу беспокоить командиров ради такого пустякового дела, — сказал офицер, подавая мне назад паспорт Дэйва. — Можете быть уверены, что они вам скажут то же самое!

Мой план потерпел полный провал. Я ничем не мог пронять этого фанатика, а потому повернулся и вышел.

8

Когда дверь за мной закрылась, я взобрался на вершину близлежащего холма и, усевшись на пенек, постарался обдумать свои дальнейшие действия. Что же предпринять? Мною было потрачено слишком много времени, чтобы так легко сдаться. Должен же быть какой-то выход.

И внезапно я понял, что делать. Это было так очевидно, что я даже не обратил на это внимания.

Во-первых, незнакомец, который разговаривал с Брайтом на вечере. Еще тогда его фигура показалась мне подозрительно знакомой.

Во-вторых, неожиданный отъезд Элдера Брайта после разговора с этим человеком.

И, наконец, малочисленность окружавших штаб людей и отказ дежурного вызвать ко мне какого-нибудь высшего офицера.

Или сам Брайт, или присутствие его ближайших помощников подстегивало френдлизцев к активности в районе боевых действий. Внезапный удар крупных сил Френдлиза на ничего не подозревавших кассидиан приведет к полному

разгрому и деморализации противника и в конечном итоге к быстрой и окончательной победе в этой войне. А это будет лучшим козырем для Брайта, который попытается тут же всучить своих наемников правительству других миров.

Таким образом, намечается крупная боевая операция, назначением которой будет добиться превосходства в этой войне.

Я быстро прошел к своей летающей платформе и набрал номер телефона. На экране появилось хорошенькое личико юной блондинки — секретаря отделения «Ньюс Сервис» на Новой Земле.

Я дал ей номер своего видео и сказал:

— С вами говорит ньюсмен Там Олин, индекс 124136. Мне необходимо срочно переговорить с Джаймтоном Блеком. Он офицер ВС Френдлиза, здесь, на этой планете. Его звание? Может быть, форс-лидер.

— Хорошо, сэр. Подождите минутку. Я сейчас посмотрю.

Я сел в кресло платформы и стал ждать. Менее чем через сорок секунд раздался телефонный звонок.

— Я выполнила вашу просьбу, — сказала девушка. — Вас должны сейчас соединить. Подождите.

Через мгновение на экране возникло столь

знакомое мне лицо.

— Здравствуйте, форс-лидер Блек, — изобразив радость от встречи, проговорил я, отметив про себя, что начало хорошее — ведь звание я-таки отгадал. — Вы, конечно, помните меня? Я Там Олин. Вы прежде знали мою сестру Эйлин.

Его глаза уже сказали мне, что я узнан. Думаю, что все эти пять лет он не забывал меня. Сам он изменился — постарел, но не настолько, чтобы стать неузнаваемым. Нашивки его мундира еще не успели потускнеть, значит, звание «форс-лидер» он получил совсем недавно.

— Чем могу быть вам полезен, мистер Олин, — сухо спросил он. Голос его по-прежнему был холоден и глубок. — Оператор сказала, что я вам необходим.

— В некотором роде, да, — сказал я твердо. — Мне не хотелось бы отрывать вас от работы, но сейчас я нахожусь возле вашего штаба, у стоянки платформ, и мне действительно необходимо с вами срочно переговорить. Конечно, если ваши обязанности…

— Мои обязанности в данный момент могут немного подождать, — сказал он, растягивая последнее слово. — Так вы у стоянки?

— В платформе УП-23, зеленой, с закрытым

верхом.

— Я спущусь сейчас к вам, мистер Олин.

Экран погас.

Удача не изменила мне. Блек служил в штабе!

Через несколько минут отнюдь не спокойного ожидания в платформе из дверей штаба вышел человек. Я открыл дверь и, когда Блек подошел поближе, передвинулся на другое сиденье.

— Мистер Олин? — спросил подошедший офицер, вглядываясь в темноту кабины.

— Да, садитесь.

— Благодарю.

Он сел на сидение, оставив дверь открытой.

— Зачем я вам нужен?

— Мне нужен пропуск для помощника... — Я описал ему положение вещей, упустив только одно — что Дэйв — муж Эйлин.

Когда я закончил, он долго сидел молча, словно прислушиваясь к звукам теплой ночи Новой Земли.

— Если ваш помощник не ньюсмен, мистер Олин, — наконец проговорил он,

— то я ничем не могу вам помочь.

— Он ньюсмен. По крайней мере, в этой компании у него есть такие документы, я уже договорился на Фриленде. Но пока они еще не

подготовлены. Но вы понимаете, что у нас нет времени. Я отвечаю за него, и Гильдия охраняет его сейчас так же, как и меня. Ньюсмены нейтральны!

Блек покачал головой.

— Если он окажется… Шпионом, то вы можете просто сказать, что он обманул вас.

Я отвернулся.

— Нет, не скажу. Он не шпион. Я могу сказать вам, что это муж Эйлин. Взяв его в помощники, я хочу уберечь его от передовой. Мне надо спасти его жизнь для Эйлин, и поэтому я прошу вас помочь мне в этом деле.

Джаймтон Блек окаменел. Мне даже показалось, что он перестал дышать. В темноте я не смог увидеть выражения его лица, но был почему-то совершенно уверен, что оно и сейчас ничего не выражало. Спартанское воспитание должно было сказаться и в этом случае. Но если он любил Эйлин, пусть это и было давно, пути назад у него не было. Не такой он низкий человек, чтобы его любовь перешла в ненависть, если девушка отказалась выйти за него.

Блек все еще молча сидел в кресле.

— Давайте документы, наконец выдавил он из себя. — Я посмотрю, что можно будет для него

сделать.

И, взяв паспорт Дэйва, он поспешно выбрался из платформы.

Но уже через пару минут я увидел, что он возвращается.

— Вы не сказали мне, — произнес он тихим голосом, — что вам уже было отказано в выдаче пропуска!

— Кем? Тем лейтенантом? — удивился я. — Но ведь он только младший офицер! Что он может решать?

— Это сейчас не имеет значения, — холодно проговорил форслидер. — Отказ уже дан. И я не могу изменить уже принятое решение. Мне очень жаль, поверьте мне, но получить пропуск для вашего шурина невозможно.

Я это уже понял, и бешеная ярость закипела во мне.

— Так вот чего вы хотите! — чуть ли не закричав, проговорил я. — Вы жаждете смерти мужа Эйлин! И не думайте, что я не вижу этого, Блек!

Его лицо было в темноте, но ответил он тем же ровным тоном.

— Вы смотрите на это, как ЧЕЛОВЕК, а не как Слуга Божий, мистер Олин. Мне нечего больше сказать вам. Я должен вернуться к своим обязан-

ностям. Доброго утра.

Он закрыл за собой дверцу платформы и скрылся в темноте. Я сидел, уставясь немигающим взглядом в его невидимую спину.

Я потерпел полное поражение!

Ярость вновь охватила меня. Тут же, сидя в своей служебной платформе, я дал клятву. «Дэйву не понадобится пропуск! Я не отпущу его от себя, и он не будет участвовать в сражении. Мое присутствие даст ему необходимую защиту и безопасность!»

9

Было уже 6.30 утра, когда я, наконец, попал в гостиницу. Чувствовал я себя преотвратно, сказалась бессонная ночь и чувство, что в следующие 24 часа меня ожидает то же самое. Кроме того, у меня постоянно было ощущение, что в ближайшие дни произойдет что-то необычное.

Проходя мимо дежурного, я увидел в ящичке с ключами от моего номера что-то белое. Я подошел и вытащил конверт. Это было письмо от Эйлин. Разорвав конверт и вытащив письмо, я начал его читать.

Дорогой Там!

Твое письмо о планах вытащить Дэйва с передовой и взять себе в помощники я получила. Не могу даже выразить словами, как я счастлива. Никогда бы не подумала, что ты удосужишься что-то сделать для нас. Очень прошу тебя простить меня за столь долгое молчание. Я, наверное, очень плохая сестра. Но это лишь потому, что я знала, насколько я бесполезна и беспомощна. Еще тогда, когда я была девочкой, уже тогда я знала, что ты стыдишься меня и поэтому избегаешь. Когда ты

сказал мне, в тот день, в библиотеке, что я не могу выйти замуж за Джимми Блека… я знаю, что это была истинная правда… но я возненавидела тебя за это. Мне показалось, что вы с дядей были очень горды тем, что сумели убедить меня отказаться от Джимми. Но я была не права, и ты не можешь себе представить, как мне сейчас стыдно. Ты был единственным, кого я любила после смерти мамы и папы, но мне всегда казалось, что ты любишь меня не больше, чем дядя Матиас. Я так рада, что все изменилось с тех пор, как я встретила Дэйва и вышла за него замуж. Ты обязательно должен приехать к нам, в Альбани, на Кассиди, и увидеть наш дом. Мы были бы очень счастливы встретить тебя. Это ведь мой, по-настоящему МОЙ дом и думаю, ты будешь удивлен тем, каким мы его сделали. Дэйв тебе все расскажет, если ты его попросишь. Не правда ли, он великолепен и очень подходит мне! Он такой же, как я! Еще раз благодарю тебя, Там, за то, что ты делаешь для Дэйва. Вся моя любовь отдана вам обоим. Скажи Дэйву, что я ему тоже написала. Но как всегда, армейская почта работает не так быстро, как хочется.

Со всей любовью, твоя Эйлин.

P.S. Извини за некоторую грубость при нашей

встрече на похоронах Матиаса.»

Я сложил письмо, сунул его в конверт и поднялся к себе в комнату. Все ее благодарности были не заслужены мною. Все, что я делал, было из чисто профессиональных соображений. Она считала, что я стыжусь ее, какой абсурд! Но может быть, в доме Матиаса и не могло быть по-другому…

Дэйв был уже одет и ждал меня, сидя в кресле.

— Я получил письмо от Эйлин, — сказал я, махнув рукой, чтобы он сидел. — Она написала и тебе, но твое письмо еще в пути.

Он кивнул, и мы пошли завтракать. Пища помогла мне окончательно прогнать сон. Позавтракав, мы отправились в штаб. Дэйв взялся нести мой магнитофон, он не был тяжел, но такая помощь позволила мне лучше сконцентрироваться на предстоящем репортаже.

В транспортном отделе Штаба кассидиан нам дали платформу на воздушной подушке, и только я собрался было попросить повесить на ее борта опознавательные знаки Гильдии, как в комнату вошел высокий стройный человек в форме полевого командира. Я тут же хотел взять у него интервью, но остановился. Это был непростой офицер. Это был темнолицый дорсаец! И форма на нем была голубоватого оттенка и являлась

идентичной форме ВС Экзотики. Экзотика, богатая и могущественная, не скупившаяся на расходы и нанимавшая лучшие войска среди звезд. В ее рядах было больше всего дорсайцев. По крайней мере, все офицеры ВС Экзотики были дорсайцами. Но что тут мог делать этот дорсайский командир, тут, в штабе кассидиан? Похоже, это еще раз подтверждало мое предположение о грядущих событиях. Значит, кассидиане догадываются о предстоящем наступлении Френдлиза?

— Стой здесь, — посоветовал я Дэйву, а сам медленно направился к дорсайцу. Но в это время открылась дверь и какой-то сержант-кассидианин выглянул из нее и крикнул, обращаясь к командиру:

— Вас ждут, сэр. Машина здесь.

Офицер кивнул и стремительно вышел. Я бросился из комнаты вдогонку, но смог только увидеть, как дорсаец сел в боевую амфибию, а несколько высших офицеров-кассидиан и новоземельцев разместились в другой машине. Вопросы задавать было некому, так как эта в высшей степени странная группа тотчас же тронулась в путь.

Подождав, пока один из солдат подгонит нашу платформу, я вскоре был в курсе всего проис-

ходящего. Полевой командир, как я узнал, был дан взаймы Южным Силам Новой Земли вчера вечером по приказу преподобного отца с Экзотики по имени то ли Катма, то ли Ладна. Кроме того, этот офицер является родственником того самого Донала Грима, на чьем вечере я вчера присутствовал.

— Его имя Кейси Грим, — сказал солдат, немного подумав.

— У него, кажется, есть брат-близнец? Неужели он тоже здесь? — спросил я, наблюдая, как Дэйв усаживается на заднее сидение платформы.

— Не знаю, сэр, — пожал плечами солдат. — Не думаю, что другой остался на Культисе. Я слышал, что они почти неразлучны, и даже в одном и том же звании.

— А как зовут другого? — поинтересовался я.

— Не помню, сэр… Какое-то короткое имя… кажется, Ян.

— Спасибо, — сказал я и, усевшись на место пилота, поднял машину вверх.

Мы находились в сотне футов за окопами кассидиан. И хотя мы летели над нейтральной полосой, это меня не беспокоило. На нашей машине довольно явственно были различимы цвета «Ньюс Сервис». А кроме этого, я вывесил

флаг и включил прибор, подающий радиосигнал на несущей частоте. Все было спокойно, и я начал внимательно осматривать боевые позиции враждующих сторон.

Главный вопрос, который меня сейчас волновал — это, что собираются предпринять френдлизцы?

К северу от меня равнина нейтральной полосы переходила в холмистую, поросшую огромными 40-60-футовыми деревьями, местность. Непрерывной позиции войск Юга и Севера там, соответственно, не могло быть. Вполне возможно, в тени этих деревьев могли скрываться ударные силы Френдлиза. И может быть, сейчас они уже готовятся к предстоящей операции!

Я опустил свой аэрокар на вершину какого-то холма, расположенного среди лесного массива. И тут я увидел то, что с воздуха увидеть было трудно. Я находился возле боевого поста южан. Маскировка орудийных позиций была произведена настолько тщательно, что только сейчас, находясь всего в нескольких шагах от нее, я заметил торчащие вверх стволы акустических пушек.

— Есть ли данные о продвижении войск Френдлиза? — спросил я у подбежавшего к нам старшего

сержанта, уроженца Новой Земли.

— Все спокойно, сэр. Мы ничего не заметили. — Это был стройный молодой человек, его форменная куртка была застегнута всего на две пуговицы. Было жарко. — Патрули расставлены!

— Хм-м. Вы не возражаете, если я прогуляюсь немного в этом направлении, — неопределенно взмахнув рукой, проговорил я и, взлетев на несколько дюймов от поверхности земли, влетел в лес. Пролетев футов двести, мы были задержаны патрулем кассидиан. Его члены расположились на деревьях, и мы заметили их только тогда, когда были остановлены. Лейтенант с каской в руке перегнулся в кабину и крикнул:

— Какого черта вы здесь делаете?

— Я ньюсмен! Вы что, не видите наши опознавательные знаки? У меня есть разрешение находиться здесь и пересекать боевые порядки воюющих сторон. Предъявить?

— Знаете, что можете сделать со своим разрешением? Учтите, что это не пикник на лоне природы! Френдлиз что-то замышляет!

— Что вы говорите? Неужели? — невинно спросил я. — А откуда вы это взяли?

— Мы получили данные разведки. У нас есть рация, и штаб проинформировал нас об уси-

лении наблюдения. Вы знаете, что передовые посты неприятеля покинуты. А кроме того, если воткнуть в грунт щуп, то можно через несколько секунд услышать гул танков, находящихся на расстоянии не более 15-20 километров. Это вас не убеждает?

— А это не ваши танки?

— Нет, сэр. Не наши. Если вы хотите немного прогуляться в том направлении, — офицер кивнул в сторону Френдлиза, — то пожалуйста. Но хочу предупредить вас, что если начнется «заварушка» — ваши шансы выжить будут равны нулю!

— Спасибо за заботу, лейтенант. Мы постараемся быть очень осторожными.

Мы медленно двигались через лес и маленькие поляны часа полтора. Внезапно раздался резкий звук, несущийся от приборной панели, что-то взорвалось перед моими глазами, и я потерял сознание.

Очнулся я, лежа на траве возле упавшей платформы. Дэйв склонился надо мной, но когда я открыл глаза, он с облегчением выпрямился.

— Что это? — пробормотал я, но Дэйв не обратил на мой вопрос никакого внимания. Открыв фляжку, он жадными глотками пил воду.

Через мгновение я уже был на ногах и постарался сориентироваться.

Мы, очевидно, наскочили на вибрационную мину. Конечно, платформа, как и всякая боевая машина, обладала чувствительными датчиками для обнаружения этой пакости, но эта мина взорвалась еще тогда, когда мы были в дюжине футов от нее.

Но кар все же был выведен из строя. К моему удивлению, я разбил головой панель управления, ухитрившись не свернуть при этом себе шею.

— Что же нам делать, — загрустил Дэйв.

— Пойдем к позиции Френдлиза пешком. Они уже недалеко, — сказал я бодро. — Не забывай, что мы находимся здесь для того, чтобы добывать НОВОСТИ!

Я повернулся и заковылял прочь от кара. Вероятно, вокруг было много вибрационных мин, но, продвигаясь пешком, мы могли не бояться их. Через мгновение Дэйв присоединился ко мне, и мы в мертвом молчании пошли по мшистому ковру, между необычными стволами деревьев вперед, к позициям Френдлиза. Когда я оглянулся через несколько минут, аэроплатформа была уже не видна.

И только сейчас я вспомнил, что забыл сверить

свой ручной указатель направления с индикатором аэрокара. Мой компас определил позиции Френдлиза впереди, и если он сохранил корреляцию с индикатором в разбитом каре, то все будет хорошо! Но если нет… Тогда среди этих неприветливых деревьев можно было брести с одинаковым успехом в любую сторону. Я еще раз посмотрел на свой компас и со вздохом двинулся в правильном (?) направлении.

10

В полдень, обессиленные, мы присели на поляне перекусить. На всем протяжении нашего пути мы никого не видели и поэтому, едва отдышавшись, Дэйв пошутил:

— Может быть, эти вояки убрались домой? Я имею в виду Френдлиз.

Но мне было не до шуток.

— Прекрати болтать, — прервал я его. — Сейчас меня одно только заботит — почему до сих пор мы не встретили ни одного мятежника?

— Т-с-с, — прошептал вдруг Дэйв и протянул руку. Я обернулся в том направлении, в котором протянулась его рука и прислушался. Приглушенное дребезжание, гул, еще что-то, что было трудно разобрать, доносились из-за кромки леса.

— Боже! Они-таки начали свое наступление, — вскричал я, вскакивая на ноги. Остаток сэндвича вылетел у меня из руки.

— Нам необходимо обязательно посмотреть, что там происходит. Это не более чем в двухстах метрах от нас…

Фразу я не успел закончить: внезапно громовой

раскат ударил в меня и я провалился в темноту.

Когда я пришел в себя и с трудом встал на негнущиеся ноги, то увидел Дэйва, лежащего метрах в пяти от меня на земле. И метрах в десяти от нас дымилась воронка с наваленными на нее стволами деревьев.

— Дэйв, — позвал я. Он не отозвался. Я, шатаясь, подошел к нему. Он дышал, и глаза его были открыты. Его лицо было залито кровью, которая хлестала из разбитого носа.

— Дэйв! Артналет! Необходимо встать и как можно быстрее уносить отсюда ноги. Ты слышишь меня, Дэйв?

Медленно поднявшись, он оперся на меня, и мы двинулись с максимально возможной для нашего состояния скоростью в сторону предполагаемого расположения кассидиан.

На всем протяжении нашего «бегства» мы непрерывно слышали глухие раскаты от взрывов акустических снарядов продолжающегося огневого налета.

Через некоторое время в лесу наступила гнетущая тишина. Мы остановились, и я сказал Дэйву:

— Нам необходимо переждать здесь. Артналет перенесен вглубь территории противника и сейчас начнется наступление. Пойдут войска при

поддержке танков. С пехотой мы еще могли бы договориться, но с артиллерией и танками — пустое дело. Поэтому я предлагаю немного отдохнуть, а потом продвинуться вдоль этого склона. Возможно, там мы наткнемся на кассидиан или на первую волну наступающих френдлизцев.

Тут я увидел, что Дэйв с каким-то непонятным выражением лица смотрит на меня. Через мгновение, к своему стыду, я понял, что это восхищение.

— Ты спас меня! — воскликнул он.

— Не говори ерунды. Ты просто был контужен, вот и все.

— Но ты принял верное решение и не подумал только о себе. Ты подождал, пока я очнусь, и помог мне выбраться из этого ада.

Я покачал головой. Что ж, пусть считает, что это правда. Он, наверняка, думает, что я отношусь к тем полубезумным героям, которые в любых условиях выполняют свои обязанности, и это его умиляло. Ну и черт с ним. Переубеждать его я не был намерен.

— Я хочу сказать, — начал было он опять, но я перебил его.

— Приди в себя, Дэйв. Хватит трепаться, нам необходимо идти.

Мы двинулись в путь, стремясь обходить многочисленные лесные полянки, залитые ослепительными лучами солнца. Только сейчас у меня возникло чувство, что мы найдем передовые подразделения кассидиан гораздо раньше, чем подойдет первая волна наступающих френдлизцев. И это спасло бы нас. Находиться в гуще боя, среди наступающего противника, даже для члена Гильдии — положение, хуже не придумаешь. Правда, моя одежда ньюсмена, несмотря на изменившийся цвет, ясно отличала меня от военных, но Дэйв, одетый в серую полевую форму кассидиан, хотя и без знаков различия, мог послужить отличной мишенью для разъяренных мятежников.

Счастье не изменило нам. Внезапно, с вершины одного из деревьев что-то сорвалось, пронеслось в воздухе и взорвалось ярко-желтым пламенем в дюжине футов от нас. Я инстинктивно толкнул Дэйва на землю и, падая, прокричал:

— Не стреляйте! Здесь ньюсмен!

— Вижу, вижу, что ты чертов ньюсмен, — прозвучал сзади меня ехидный голос. — Шагом марш ко мне и не болтать!

Поднявшись с травы и пройдя в направлении голоса несколько футов, мы оказались лицом к

лицу с офицером кассидиан, тем самым офицером, с которым я имел счастье разговаривать днем.

— О, опять вы? — удивился я.

Но офицер не обрадовался нашей встрече. Низким хрипловатым голосом он начал говорить все, что он думает о таких, как я. Свою речь он закончил риторическим вопросом о том, что не знает, что с нами делать.

— Ничего не надо делать. Это наша работа — рисковать собой ради сногсшибательного репортажа. И если мы лезем в самую гущу боя, то это касается только нас. Скажите, куда нам надо идти, чтобы не путаться у вас под ногами.

— Черт побери! — рассмеялся лейтенант. — Ладно, идите вот в этом направлении и побыстрее.

— Хорошо! Но перед тем, как мы уйдем, ответьте нам, лейтенант, на один вопрос. Чем вы сейчас занимаетесь?

Офицер посмотрел на меня долгим внимательным взглядом, а затем, чеканя каждую букву, сказал:

— Закрепляемся!

— Вы, патруль, собираетесь удерживать эту позицию? Ведь у вас даже нет дюжины человек. Если Френдлиз начнет наступление, вас сметут в

одно мгновение.

Я немного подождал, но он ничего не сказал в ответ.

— Вы что, сумасшедшие? — начал я опять, но тут лейтенанта прорвало.

— Вот что, мы не дураки, как кажется некоторым! Но мы попробуем. Мы не собираемся удирать перед черными сутанами.

Тут он обернулся, подозвал какого-то солдата и что-то ему передал.

— Отнесите это в штаб, — услышал я. — И скажите, что с нами пара ньюсменов.

В это время начался артналет, и мы с Дэйвом вслед за кассидианином бросились в укрытие.

Из наших окопов мы могли прекрасно видеть поросшую лесом низину в направлении предполагаемых позиций френдлизцев. Деревья необыкновенно желтого цвета покрывали соседний холм и тянулись за него. Затем следовали небольшие полянки и опять густые заросли, за которыми наверняка находились акустические орудия Божьих Сынов.

Это было мое первое хорошо просматриваемое поле генерального сражения. Я тщательно рассматривал его в бинокль, пока, наконец, не заметил едва уловимые признаки движения. На

сцене, разворачивающейся передо мной, появлялись передовые отряды мятежников.

Вскоре между обеими сторонами завязалась ожесточенная перестрелка, которая, правда, вскоре кончилась так же внезапно, как и началась.

11

В этом не было ничего странного. Войдя в соприкосновение с противником, передовое охранение френдлизцев несколько отошло назад, чтобы дождаться подхода главных сил. Их делом было прощупать позиции кассидиан, не входя при этом в активное соприкосновение.

Это была очень старая тактика, применявшаяся еще со времен Юлия Цезаря — могучего полководца древнейших времен.

Передышка позволила мне немного оценить ситуацию. Эта война представляла собой партию двух шахматистов. С одной стороны, несомненно, был Элдер Брайт со своей компанией, который добивался только одной цели — вывести своих легионеров на межзвездный рынок наемников. Брайт, как шахматист, делал ставку на победу одним стремительным ударом.

Но этот удар мог удаться, если не был вычислен его противником. А этим противником мог быть только Ладна с его соотечественниками.

Если Ладна смог определить, что я буду на приеме Донала Грима, то таким же образом он мог

вычислить, что Брайт хочет нанести сокрушительный удар по кассидианам. И эти расчеты, наверняка, заставили его послать сюда лучшего тактика вооруженных сил Экзотики — Кейси Грима — для того, чтобы разрушить планы Брайта. Но меня в этом столкновении интересовало еще и другое — почему Ладна противостоит Брайту? Ведь Экзотика не должна была вмешиваться в эту гражданскую войну на Новой Земле — хотя это и была достаточно важная планета среди четырнадцати человеческих поселений под звездами.

И ответ мог лежать только в контрактных отношениях, которые контролировали обмен специалистами.

Вероятно, Экзотика, будучи «свободным» миром, автоматически противостояла «жестким» мирам Френдлиза. Но это не могло быть единственной причиной. Могли существовать секретные соглашения о контрактном балансе между Экзотикой и Френдлизом, но об этом я ничего не знал. Тем не менее я был в затруднении понять позицию Ладны в текущих делах.

И второе, что меня сейчас заботило. Даже для такого гражданского человека, как я, было совершенно ясно, что защита этого холма дюжиной людей — совершенная бессмыслица.

У меня даже возникло мимолетное дружеское чувство к лейтенанту. Это, похоже, был настоящий солдат, отлично знающий свое дело и презирающий смерть.

Но какой мог бы получиться репортаж!

Можно было бы отлично подать безудержную храбрость горстки кассидиан, цветисто расписать их безуспешную попытку защитить эту позицию без всякой надежды на поддержку своих частей. Долина смельчаков — против целой армии фанатиков Френдлиза.

Дэйв толкнул меня в бок и оторвал от приятных размышлений.

— Взгляни туда… вон туда… — выдохнул он мне в ухо.

Я посмотрел.

Между деревьями, приблизительно в километре от нас, происходила перегруппировка основных сил френдлизцев. Тут и там мелькала черная униформа противника, но это было для меня не в диковинку.

Я недоуменно посмотрел на Дэйва. Он понял и опять показал мне на что-то рукой.

— Вон там, возле горизонта.

Я посмотрел и увидел. Из-за деревьев, граничащих с кромкой неба, на расстоянии не более

десяти километров от нас возникли какие-то светлые блики. Есть очень мало предметов на свете, которые могли бы создавать такое явление.

— Танки! — закричал я.

— Похоже, что они движутся сюда, — добавил Дэйв, напряженно всматриваясь в эти вспышки света, выглядевшие на таком расстоянии вполне безобидными. Но мы отлично знали, что это были прожигающие клинки света с температурой 40 000 градусов, которые могли сбить огромные деревья, окружающие нас, так же легко, как лезвие бритвы срезает волоски на лице человека.

Эти танки были неуязвимы для пехоты, вооруженной игольчатыми акустическими ружьями. Управляемые снаряды — классическое противотанковое оружие — вышли из употребления еще лет сто назад, когда противоракетная защита этих мастодонтов достигла своей высшей точки. Правда, это сделало танки очень медленными. Но куда спешить? Пехота могла идти в наступление и шагом.

Наше положение становилось смехотворным. Я услышал какой-то шум справа от себя и увидел, как некоторые солдаты начали вылезать их траншей.

— Ни с места! — раздался зычный голос коман-

дира. — Мы обязаны удержать эту позицию, и если вы ее…

Но он не успел закончить: разрыв орудийного залпа подбросил его высоко вверх, и он упал на бруствер окопа, залитый кровью.

Началась атака противника.

Ни о каком бегстве теперь не могло быть и речи. Хотя кругом рвались снаряды и наступающая пехота открыла ожесточенную пальбу, я не смог заметить среди защитников ни одного, кто был бы парализован страхом и не открыл огонь по противнику из ручных орудийных установок или личного оружия.

Френдлизцы получили свое. Первая волна атакующих так и не смогла достичь вершины холма — в мгновение ока она была сметена залпами огня. Откатившись к подножию холма, «монахи» залегли. Снова наступила недолгая тишина.

Я выскочил из окопа и подбежал к лежащему лейтенанту. Это было, конечно, глупо с моей стороны, независимо от того, был ли я одет в форму ньюсмена или нет. У отброшенных назад френдлизцев, конечно, осталось очень много друзей, лежащих на этом холме. Как всегда, я оказался прав! Что-то впилось мне в правую ногу, и я упал лицом вниз.

Очнулся я в окопе рядом с телом залитого кровью лейтенанта. Возле меня сидели два сержанта. Немного поодаль сидел и Дэйв.

— Вот что, — начал было я и попробовал встать на свою левую ногу. Тупая боль пронзила мое тело и я вновь потерял сознание.

Меня привел в чувство голос одного из сержантов.

— Пора отсюда сматываться, Эйк. В следующий раз они сомнут нас или же пойдут танки!

— Нет! — прохрипел за моей спиной офицер. Я думал, что он мертв, но когда повернулся, то увидел, что он сидит, прислонившись к стене окопа. На его лице, залитом кровью, застыла судорожная гримаса боли. Он умирал, это было ясно по его глазам.

Сержант проигнорировал его.

— Послушай, Эйк, — продолжал он снова, обращаясь ко второму солдату, выглядывающему из окопа. — Теперь командир — ты! Прикажи отступать!

Сержант Эйк сел на дно траншеи с растерянно бегающими глазами.

— Я — командир, — захрипел вновь лейтенант. — Я приказываю вам…

Но тут ужасная боль пронзила мое колено, и я

вновь погрузился в небытие.

— Там, Там, ну, очнись же, наконец, — донесся до меня голос Дэйва.

Я открыл глаза и увидел его, склонившегося надо мной.

Пользуясь его помощью, я осторожно сел, вытянув раненую ногу. Офицер уже лежал рядом со мной. В его голове появилась новая рана от игольчатой пули, и он был мертв. Оба сержанта исчезли.

— Они ушли, Там, — ответил Дэйв на мой немой вопрос. — Нам тоже необходимо уходить. Френдлизцы решили, что мы не стоим их жизней, и просто обошли холм. Но их танки приближаются… Мы не можем идти быстро, потому что твое колено… Попробуй встать, я тебе помогу.

Я встал, это было ужасно больно, но я встал! Дэйв поддержал меня, и мы начали спускаться по склону холма, прочь от танков.

Если раньше я с интересом наблюдал за окружающим лесом, размышляя о его красоте и таинственности, то теперь мне было не до этого — каждый шаг давался мне с большим трудом. Но это — что самое удивительное — не отнимало у меня последних сил, а наоборот, подбадривало, придавая ярости. И чем сильнее была боль, тем

больше было мое неистовство. Возможно, виной этому было некоторое количество крови древних берсерков, струящейся в моих ирландских венах.

Мы шли очень медленно и танки вполне могли бы нас догнать. Но в своей слепой ярости я их не боялся. Может быть, где-то подсознательно я не сомневался в том, что моя одежда ньюсмена спасет меня. Я был почти мистически убежден в своей неуязвимости. Единственное, что меня сейчас беспокоило — это Дэйв. Его судьба и судьба Эйлин были мне далеко не безразличны.

Я кричал на него, гнал прочь, убеждал, чтобы он бросил меня и уходил, так как мне ничто не угрожало. Но он отвечал, что я не бросил его, контуженного, и поэтому он не может сейчас оставить меня одного. И кроме того, его долгом было помочь мне, так как я — брат его жены.

Обозвав его дураком и глупцом, я сел на землю и отказался идти дальше. Тогда он, без лишних слов, взвалил меня на спину и понес.

Вот это было уже совсем плохо. Он мог совершенно измучиться, неся меня. Я начал кричать на него, чтобы он немедленно бросил меня.

И вскоре это подействовало. Менее, чем через пять минут, он опустил меня. Я поднял голову и увидел двух стоящих перед нами молодых френд-

лизских стрелков, очевидно, привлеченных к нам моими криками.

12

Я думал, что они обнаружат нас даже раньше, чем это произошло на самом деле. Насколько я знал, все вокруг кишело френдлизцами. Но, очевидно, боясь попасть под обстрел кассидиан, они старались обходить холм стороной.

Итак, перед нами стояли два френдлизца, два молодых парня. Сержант и рядовой. Насколько я понял, их задачей было обнаружение очагов сопротивления кассидиан и, не вступая с ними в перестрелку, наводить на них основные силы наступающих. Думаю, что они уже давно обнаружили нас, но подходили очень осторожно, опасаясь засады. Похоже, что я разгадал ход их мыслей. Кричал один человек. Солдат Господа не стал бы этого делать ни при каких обстоятельствах, особенно на поле боя! Тогда зачем же кассидианину надо так громко кричать в районе боевых действий? Это было непонятно, а потому требовало повышенной осторожности!

Но теперь они увидели, кто был перед ними — ньюсмен и его помощник. Оба гражданские.

— Что такое, сэр? — спросил меня сержант.

— Черт вас побери, — крикнул я. — Разве вы не видите, что мне необходима медицинская помощь. Доставьте меня в один из ваших полевых госпиталей, да побыстрее!

— У нас нет приказа, — немного поколебавшись, произнес сержант, — возвращаться с поля боя. — Он посмотрел на своего товарища. — Думаю, все, что мы можем для вас сделать, это доставить на место сбора пленных, где наверняка есть врачи. Это недалеко отсюда.

— Черт с вами, давайте!

— Гретен, возьми его, а я понесу твою винтовку, — приказал сержант рядовому. Солдат подхватил меня на спину, и мы двинулись в путь. Мы довольно долго пробирались через лес, то там, то здесь встречая следы недавнего сражения. С большими трудностями нам удалось, наконец, добраться до места назначения. Шесть вооруженных френдлизцев охраняли группу пленных.

— Кто из вас старший? — спросил их сержант, доставивший нас.

— Я, — вышел вперед один из френдлизцев. Это был обыкновенный полевой стрелок в звании младшего сержанта. Несмотря на столь малое звание, он был уже довольно пожилой — похоже, ему было уже за сорок.

— Этот человек — ньюсмен, — сказал сержант, указывая на меня винтовкой, — а другой — его помощник. Ньюсмен ранен, и поскольку мы не можем доставить его в госпиталь, может быть, вы сможете вызвать ему врача по радио.

— Нет, — покачал головой младший сержант. — У нас здесь нет рации, а командный пункт метрах в двухстах отсюда.

— Мы с Гретеном могли бы помочь вам, пока кто-нибудь сбегает туда.

— Это невозможно, — опять покачал головой командир охраны, — у нас нет приказа покидать этот пост.

— Даже в особых случаях?

— Такие не указаны!

— Но…

— Повторяю, сержант. Нам не было указано ни на какие исключения! Мы не двинемся с места, пока не появится старший командир.

— А как скоро он может появиться?

— Не знаю.

— Тогда, я схожу сам. Подожди меня здесь, Гретен. Командный пункт в этом направлении? Спасибо.

Он закинул свою винтовку за плечо и исчез за деревьями. Больше мы никогда его не видели.

До этого момента я держался из последних сил, но тут уж можно было бы и дать себе слабинку. Скоро прибудет помощь. Медленно, очень медленно, я погрузился в беспамятство.

Очнулся я от ужасной боли. Раненая нога ниже колена распухла и малейшее движение вызывало судорожные боли, молотом отдававшиеся в голове.

Постаравшись принять положение, при котором боль хоть ненамного уменьшилась бы, я начал осматриваться.

Я лежал в тени деревьев на самом краю поляны. На другом ее конце находилась группа пленных и рядом с ними несколько охранников. Но большинство солдат располагались невдалеке от меня. Среди них я заметил и новое лицо. Человек лет тридцати, в чине фельдфебеля, угрожающе размахивая руками, что-то говорил им.

Небо над нами отдавало красным. Это лучи заходящего солнца создали удивительную картину. Его лучи падали на мундиры френдлизцев, создавая причудливую игру красок.

Красное и черное, черное и красное — цвета зловеще отражались на кроне деревьев.

Я прислушался и услышал, о чем разговаривали солдаты.

— Ты мальчишка! — рычал фельдфебель. Он потряхивал головой, не в силах сдержать своих эмоций. Его лицо было красным в лучах заходящего солнца.

— Ты мальчишка! Сопляк! Что ты знаешь о борьбе за выживание на наших суровых, каменистых планетах? Что ты знаешь о целях тех, кто послал нас сюда защищать Слово Божье? Неужели ты не хочешь, чтобы наши дети и женщины жили и процветали, когда все вокруг хотели бы видеть нас мертвыми?

— Но кое-что я знаю, — ответил чей-то знакомый голос. — Я знаю, что мы правы. Мы во всем придерживаемся Кодекса Наемников.

— Заткнись! — рявкнул фельдфебель. — Что этот Кодекс перед Кодексом Всемогущего? Что значат эти клятвы перед клятвой Всевышнему. Элдер Брайт сказал, что мы обязаны победить! Эту битву должны услышать в будущем. Нам нужна только победа!

— Но я говорю…

— Молчи! Я не желаю слушать тебя. Я твой командир! И только я могу говорить Слово Божье! Нам приказали атаковать врага. Ты и еще четверо должны немедленно отправиться на командный пункт. Не мне тебе напоминать, к чему может

привести неповиновение командиру.

— Тогда мы возьмем пленных с собой…

Фельдфебель вскинул винтовку и направил ее на спорящего с ним солдата.

— Так ты отказываешься подчиниться приказу?

Он немного отошел в сторону и только тут я заметил, что неизвестный, чей голос показался мне знакомым, — рядовой Гретен.

— Всю жизнь я преклоняюсь перед Богом, и мне не страшно умереть…

Я пытался привстать, но ужасная боль пронзила мое тело.

— Эй! Фельдфебель! — закричал я, превозмогая боль.

Тот быстро оглянулся, и ствол его винтовки холодно уставился мне в глаза. Осклабившись, он кошачьими шагами направился в мою сторону.

— О, ты уже очнулся, — поинтересовался он. Багровый отблеск заката играл на его физиономии. Его улыбка ясно показала мне, как отлично он понимал, что даже малейшее физическое усилие может меня прикончить.

— Очнулся достаточно, чтобы услышать кое-какие интересные вещи, — прохрипел я. В горле у меня пересохло, нога начала непроизвольно

вздрагивать. Но неукротимая ярость наполняла мое тело невиданной силой. Казалось, еще немного, и она, вырвавшись, испепелит негодяя на месте.

— Разве ты не знаешь, что я ньюсмен? И все действия, которые могут причинить мне вред — противозаконны! Вот мои бумаги.

Фельдфебель осторожно нагнулся, взял документы и начал внимательно их рассматривать.

— Все верно, — сказал я, когда он снова взглянул на меня. — Я ньюсмен. И я не прошу тебя, а приказываю! Мне необходимо срочно в госпиталь! И мой помощник, — я указал на Дэйва, — должен быть со мной.

Фельдфебель снова уткнулся в документы. Когда он снова оторвал от них свой взгляд, лик его был грозен. Это был лик фанатика.

— Я знаю тебя, ньюсмен, — заревел он. — Ты один из тех писак, которые в своих статейках чернят Слово Божье. Твои документы — халтура и бессмыслица. Но ты мне нравишься, так как уже успел получить свою долю справедливости. И поэтому я отправлю тебя в госпиталь, и ты напишешь историю нашей борьбы, историю торжества Бога и его последователей.

— Отправь меня немедленно! — приказал я.

— Успеешь! — махнув рукой, прервал он меня. — В тех документах, которые ты мне дал, я нигде не нашел сведений о твоем помощнике. На его документах нет ни одной подписи наших командиров о том, что он твой помощник. А что это значит? А? А значит это то, что этот человек — шпион! И поэтому место его с другими военнопленными! И он встретит то, что угодно будет Богу!

Бросив документы к моим ногам, фельдфебель повернулся и пошел прочь. Я закричал, требуя, чтобы он вернулся, но он не обратил на это никакого внимания.

Но Гретен подбежал к нему, схватил его за руку и что-то зашептал на ухо, указывая на группу пленных. Фельдфебель грязно выругался.

Подойдя к солдатам, он закричал:

— Становись!

Стрелки поспешно бросились выполнять команду.

— Смир-но! Напра-во! Шагом марш! Рядовой Гретен! По прибытии на командный пункт доложите командиру, что я послал вас на помощь атакующим.

Фельдфебель немного постоял, глядя вслед удаляющимся солдатам, а затем, вскинув оружие

наизготовку, медленно направился к пленным.

— Теперь, когда ваши защитники ушли, — угрюмо начал он, — все стало на свои места. Нас впереди ждет не одна атака, и оставлять вас, врагов, в нашем тылу я не могу. А тратить солдат для вашей охраны тоже невозможно, когда на счету каждый боец. Поэтому я посылаю вас туда, откуда вы уже не сможете больше повредить помазанникам Божьим!

И только сейчас я окончательно понял, что он задумал.

Крик боли и ненависти, вырвавшийся из моего горла, потонул в громе автоматических выстрелов.

13

Я мало что помню после этого. Помню, как фельдфебель направился ко мне после того, как перестали шевелиться тела. Он тяжело шел ко мне, держа свое орудие в одной руке.

Он стоял возле меня и долгим задумчивым взглядом смотрел мне в глаза.

Я попытался встать, но не смог.

— Не беспокойся, ньюсмен, я тебя не трону, — сказал он, глядя на меня. Его голос был глубок и спокоен, но глаза были безумны. — Одного только прошу у тебя. Поспеши с этой историей. Ты будешь жить, чтобы всем рассказать о том, что здесь произошло! И пускай все узнают, как беспощадны могут быть Божьи воины к нечестивцам! Может быть, я скоро паду в штурме, в этом или в следующем, но я рад, что исполнил волю того, кто только что управлял моими пальцами! Твоя писанина ничего не значит для тех, кто читает только писание Бога Битв!

Он отступил назад.

— А теперь оставайся здесь, ньюсмен, — усмехнулся он одними губами. — Не бойся, они найдут

тебя и спасут. — Фельдфебель повернулся и ушел. Я смотрел на его черную спину, тающую в темноте, до тех пор, пока не остался один в темном лесу, один на один с трупами.

Не знаю, как я добрался до них, как нашел Дэйва. Он был залит кровью, я чувствовал ее. Я приподнял его голову и поставил рядом горящий фонарь.

— Эйлин? — внезапно спросил он, когда луч света упал ему в глаза. Но глаз он так и не открыл. Я начал тормошить его, что-то говорить, что-то очень странное.

— Она скоро будет здесь, — пытался я его успокоить.

Он ничего больше не сказал, а только тяжело дышал.

Отчаяние разрывало мне сердце. Я не обращал внимания на боль, терзающую мое тело. Все мои мысли были заняты Дэйвом. Я что-то говорил, плакал, молил бога о помощи, но все было зря.

Внезапно я заметил, что Дэйв открыл глаза. Я наклонился и вдруг увидел на его лице счастливую улыбку.

— О, Эйлин, ты наконец пришла! — еле слышно произнес он.

Я не знал, что сказать, и только слезы капали

из моих глаз.

Дэйв еще что-то прошептал и вдруг замолчал на полуслове.

В это время взошла одна из лун Новой Земли и при ее свете я увидел, что мой шурин мертв.

14

Меня нашли вскоре после восхода солнца, но не френдлизцы, а кассидиане. Кейси Грим ударил во фланг наступающим войскам Севера, опрокинул их и начал преследовать по всему фронту. И всего за сутки отряды Френдлиза, полностью обескровленные, вынуждены были капитулировать. Гражданская война между Севером и Югом Новой Земли была закончена полной победой кассидиан.

Но меня это не беспокоило. В полубессознательном состоянии меня доставили в Блаувейн, в госпиталь. Излечение мое несколько затянулось, так как рана оказалась запущенной, и я потерял много крови. Положение еще ухудшилось моим ужасным моральным состоянием.

Чтобы немного привести меня в чувство, врач сказал мне, что фельдфебеля, который совершил то гнусное убийство, взяли в плен и после недолгого разбирательства расстреляли за нарушение Кодекса Наемников. Но что это могло изменить? Ведь я не смог уберечь Дэйва!

Я чувствовал себя как в те часы, которые только

недавно сломались. Они уже не могут показывать точного времени, но если их поднести к уху и немного потрясти, то можно было бы что-то и услышать. Я сломался, сломался внутренне. И даже известие, пришедшее из «Интерстеллар Ньюс Сервис» о моем зачислении полноправным членом Гильдии не могло ничего изменить в моей жизни. И тогда меня послали на Культис, на одну из двух планет Экзотики, для лечения.

На культисе мне пообещали быстрое излечение, если удастся выбрать способ, которым меня можно будет вылечить. Дело в том, что они не могли применять в моем случае свою власть. Основная их философская концепция заключалась в том, что они не могли использовать силы их собственных личностей для проникновения в психику других индивидуумов. Они могли только предлагать идти по тому пути, который был бы желателен для успешного излечения.

И инструмент, который они выбрали в качестве указателя направления, был достаточно могущественен. Это была Лиза Кант!

— Но ты же не психиатр! — изумился я, когда она впервые появилась передо мной. Определенно, в ее присутствии я глупел, говорил резкости и легко раздражался.

— Но откуда тебе известно, кто я? — усмехнулась она. — Ведь с нашей последней встречи на Земле прошло без малого шесть лет! Не считая, правда, мимолетной встречи на Фриленде, но ты тогда даже не спросил, чем я занималась все это время. Так вот, знай, все это время я была студенткой и изучала психологию в одном из Университетов Культиса.

— Значит, ты и в самом деле психиатр?

— И да, и нет! — спокойно ответила она. Внезапно она улыбнулась мне.

— В любом случае, как мне кажется, психиатр тебе не нужен.

Когда она сказала это, я понял, что это была моя мысль, мысль, которую я всячески старался от себя прогнать. «Но если она это поняла так быстро, значит, она может все знать обо мне!»

— Может быть, это и правда, — усмехнулся я. — Может быть, мы сможем немного поболтать!

— Не возражаю, — просто сказала она.

— Почему Ладна думает, что ты… что ты могла… в общем, что ты должна была навестить меня?

— Не просто навестить тебя, а работать с тобой, — поправила она меня.

Она была одета не в одежду Экзотики, а в простое белое платье. Ее голубые глаза показались

мне гораздо более голубыми, чем я помнил. Внезапно она метнула в меня свой взгляд, как отточенное копье.

— Потому что он верит, что я единственный человек, кого ты можешь послушать.

Взгляд и слова потрясли меня. Я понял, что эта девушка что-то для меня значит в жизни.

Прошло несколько дней. К этому времени я, пробудившийся и настороженный, использовал свою способность смотреть и увидел, что делали со мной люди Экзотики. Я постоянно жил под тенью, искусно сплетенным общим давлением, давлением, которое не предназначалось для управления моим поведением, но которое постоянно вынуждало меня самому держать рукоять своего существования и направлять свою жизнь в определенную сторону. Вероятно, на структуру, которая составляла мою сущность, влияло окружение… стены, люди и все, что угодно. Все это вынуждало меня жить… не просто жить, а жить активно, полно и радостно.

И Лиза была частью этого.

Я начал замечать, что я пробуждаюсь от депрессии, не только от всего окружающего, но и от ее голоса, смеха, запаха. Все это оказывало максимальное давление на мои развивающиеся

чувства. Я не думаю, что Лиза воспринимала себя как часть обстановки, продублировавшей ожидаемый эффект. Я думаю, что Лиза, как и я, была влюблена.

Женщины не представляли для меня сложностей с того момента, как я покинул дом дяди и осознал свою власть над умом и телом. Особенно красивые, в которых был часто какой-то странный голод в любви и которые очень часто покидали меня, так и не поняв, что их ко мне притягивало.

Но до Лизы они все, красивые или нет, немного поломавшись, уходили ничего не знача для меня. Это было так, словно они были певчими пташками, но стоило им только провести у меня ночь, как они превращались в обыкновенных воробышков, а их необыкновенное пение превращалось в обычное чириканье. Но потом я понял, что здесь была моя ошибка. Это я делал их такими. Благодаря мне, моим словам, они мгновенно вспархивали, и мы парили вместе в чудесном замке, построенном из света и воздуха, обещаний и красоты. Им всегда нравился мой замок. Они прибывали туда радостными, на крыльях моего воображения, и я сам верил, что мы будем вечно парить вместе. Но позднее, в

свете дня, я приходил к выводу, что свет померк, а наша песнь — нудна! Женщины уже не верили в мой замок. Они находили, что это безумие с их стороны, предаваться моим мечтам. Возможно, они были такими же сухими логиками, как и мой дядя Матиас.

Но Лиза не оставляла меня, как другие. Мы постоянно сталкивались с ней на протяжении недолгого времени. Она парила со мной и парила сама. И тогда, впервые, я узнал, почему она не падает на землю, подобно другим. Это потому, что у нее был свой собственный воздушный замок, и она не нуждалась в моей помощи, чтобы оторваться от бренной земли. Она летела сама, при помощи своих собственных крепких крыльев.

Конечно, ее замок отличался от моего, но я решил идти с ней до конца жизни. Но она остановила меня.

— Нет, Там, — сказала она. — Еще нет.

Ее «нет» могло означать «не в данный момент», или «не завтра». Но взглянув в ее изменившееся лицо, в ее глаза, я увидел, что что-то похожее на закрытые ворота стояло между нами.

— Энциклопедия? — спросил я. — Ты хочешь, чтобы мы вернулись и работали там. Правильно? Попроси меня снова.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, — сказала она изменившимся голосом. — Там, на вечере Донала Грима, я поняла, что ты никогда не придешь в Энциклопедию, если я буду тебя просить. И если бы я попросила тебя об этом сейчас, ты бы и теперь сказал «нет»! Разве не так?

Рот мой открылся и тут же закрылся снова. Потому что, подобно каменной руке небесного бога, на меня обрушилось то, что оставили мне Матиас и фельдфебель, вырезав мою душу и выбросив ее прочь.

Между мной и Лизой пробежал холодок.

— Верно, — согласился я. — Ты права. Думаю, что и сейчас я сказал бы «нет».

Я взглянул на Лизу, сидевшую на обломках нашей мечты.

— Когда ты впервые сюда пришла, — медленно и осторожно говорил я, поскольку она была снова почти врагом мне, — ты говорила, что Ладна говорил о каких-то двух путях, по которым я мог бы идти. Тогда я не спросил тебя о том, что это за дороги. И если я сейчас двигаюсь по одной из них, то что представляет собой другой путь? Или все же сможешь?

Внезапно, посмотрев на меня довольно стран-

но, она произнесла:

— Не хочешь ли ты увидеться со своей сестрой?

Эти слова обрушились на меня как брусок железа. Это было то, чего я подсознательно боялся и от чего постоянно старался избавиться.

— Я не способен… — начал я, но мой голос подвел меня. Что-то сжало мое горло, и я стал лицом к лицу со своей собственной душой, с сознанием своего малодушия.

— Вы известили ее! — закричал я, с ненавистью обрушиваясь на Лизу. — И она знает все, что случилось с Дэйвом?

Лиза молчала и только смотрела на меня. И я понял, что она больше ничего не скажет мне, не больше того, что ей поручили передать эти господа с Экзотики.

Дьявол вполз в мою душу и стоял на другом берегу реки, смеялся, махая мне рукой, приглашая присоединиться к нему.

Я повернулся и, ни слова не говоря Лизе, ушел во тьму.

15

Как полноправный член Гильдии я получал достаточно денег, чтобы удовлетворить малейшее мое желание. Но хоть здесь и не было моего желания, билет на рейсовый звездолет Культис-Кассиди я достал без труда. И вот теперь, когда наш корабль совершил очередной временной прыжок и после паузы еще один, воспоминания мелькали передо мной, воспоминания об Эйлин.

Это не были неприятные воспоминания. Это были воспоминания о подарках, которые она дарила мне. Очень часто она оказывала мне посильную помощь или своим присутствием снимала то давление, которое Матиас оказывал на мою душу. Я вспомнил множество случаев, когда она игнорировала собственные заботы, чтобы помочь мне и ничего, ничего я не мог вспомнить о том, когда бы я мог позабыть свои дела, чтобы помочь ей.

Все это пришло мне на ум, обдав холодом, придавив чувством вины и несчастья. В одном из перерывов между прыжками я попытался отбросить эти воспоминания, но это было превыше

меня.

В таком состоянии я и приземлился на Кассиди.

Более бедная, более маленькая планета, чем Культис, Кассиди была планетой-близнецом Нептуна, с которым она образовывала, наряду с двенадцатью другими планетами, систему вокруг звезды А-Центавра. Кассиди остро нуждалась в научных кадрах, которые ей обычно поставлял значительно ранее заселенный Нептун.

Из столичного космопорта Мара я долетел до Альбани, где размещался университетский городок, основанный Нептуном. Здесь работали Эйлин и Дэйв, вернее раньше работал Дэйв.

Это был отличный многоуровневый город. Земли было мало, а нептунианские кредиты еще более скудны, и строители застроили маленькую площадку, собрав многие объекты на различных уровнях.

Я сел в такси и назвал адрес Эйлин. После бесчисленных вертикальных и горизонтальных туннелей мы достигли нужного уровня. Перед тем как войти в нужную дверь, я замешкался. Сцена гибели Дэйва возникла перед моими глазами. Я нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина средних лет.

— Эйлин… — пробормотал я. — Я имел в виду… миссис Холл? Она дома?

— Но тут мне в голову пришла мысль, что эта женщина меня не знает. — Я ее брат… с Земли. Ньюсмен Там Олин.

Я был в своей гильдийской форме, и это достаточно говорило обо мне. Но в тот момент я совершенно не подумал об этом. Хотя, может быть, она никогда раньше и не видела гилдсменов.

— Миссис Холл переехала, — сказала женщина. — Эта квартира была слишком велика для нее одной. Она живет несколькими ярусами ниже и севернее. Подождите, я дам сейчас ее адрес.

Она ушла и через некоторое время вернулась.

— Вот. Я здесь написала, как туда добраться. На такси туда можно попасть очень быстро.

— До свидания.

Затем было долгое ожидание в такси и совсем уже непереносимое у двери.

— Там, — только и сказала она, открыв дверь на мой звонок.

Она совершенно не изменилась. И у меня возникла надежда, что все будет в порядке. Но она стояла и молчала. Я тоже молчал.

— Входи, — наконец сказала она ровным тоном.

Она стала в сторону, и я вошел. Дверь медленно закрылась за мной.

Я огляделся, ошеломленный. Комната, не больше моей каюты первого класса, в которой я имел «счастье» добраться сюда. Стены безликого серого цвета.

— Почему… ты живешь здесь? — недоуменно выдавил я из себя.

— Эта комната очень дешева, — сказала она равнодушно.

— Но ты же можешь не экономить деньги! То, что ты получила в наследство от дяди… Постой, постой… Я одного не могу понять, — зачем ты живешь в такой дыре? Разве тебе не хватает денег?

— Мне хватает, — спокойно сказала она. — Но надо еще заботиться и о семье Дэйва.

— Что? Какая семья?

— Младшие братья Дэйва еще учатся в школе.

Она все еще стояла и не приглашала меня сесть.

— Что ты хочешь, Там? Зачем ты пришел сюда?

Я вгляделся ей в глаза.

— Эйлин, — сказал я, с трудом подбирая слова, — если у вас все же есть какие-то проблемы, то я как полноправный член Гильдии мог бы

кое в чем помочь. Я могу обеспечить вас всем необходимым.

— Нет.

— Но почему? Я тебе говорю, что в средствах я не ограничен!

— Я не хочу от тебя ничего, Там. Благодарю. Но нам и так хорошо. Кроме того, у меня хорошо оплачиваемая работа.

— Эйлин!

— Я спросила уже у тебя, зачем ты пришел?

Это была не та Эйлин, которую я знал прежде.

— Увидеть тебя, — сказал я. — Думаю, ты хотела бы знать…

— Об этом я все и так знаю. Мне все рассказали. Они сказали также, что ты был ранен. Но теперь у тебя все в порядке, Там? А теперь уходи! Я это делаю только для безопасности семьи Дэйва. Если я дам тебе возможность прикоснуться к братьям Дэйва, ты их уничтожишь.

Она замолчала. Я молчал, не зная, что сказать. Мы молчали и смотрели друг на друга.

— Лучше уходи, Там, — наконец сказала она.

Ее слова вернули меня к действительности.

— Да… — пробормотал я. — Думаю, что это будет лучше.

Я повернулся и пошел, все время ожидая, что

она позовет меня. Но она не позвала. Она не двинулась с места, пока я не сел в такси.

И я ушел! Я вернулся в космопорт один.

Один, один, один…

16

Я сел на первый же звездолет, отлетающий на Землю, и, закрывшись в своей каюте, начал размышлять о создавшемся положении. Безусловно, влияние Матиаса не могло не сказаться на мне. Даже воспоминания о руинах Парфенона, куда мальчишкой я часто убегал от дяди и его мрачного дома, были связаны у меня с Матиасом. Мой юношеский ум старался здесь, в старых развалинах греческой цивилизации, найти опровержение идей дядюшки. Я находил их тогда, но было ли это опровержением? Разве руины Парфенона не были ярким доказательством идеи об упадке и разрушении Земли под влиянием более великих представителей молодых миров? В молодости мы с сестрой… Сестра? Эйлин! Разве мог я представить себе, сколько боли принесет мне то, что она забыла меня? Разве я виноват в смерти Дэйва? Разве обязательно должно быть РАЗРУШЕНО все, к чему только я прикоснусь? Лиза упоминала, что у меня есть два пути. И один из этих путей была она. Ее любовь сможет увести меня с того пути, на котором я сейчас нахожусь!

Любовь? Эта смертельная болезнь, которая высасывает из человека все жизненные соки!

Ха-ха-ха!

Находясь в таком расположении духа, я внезапно захотел напиться. По пути на Кассиди я бы не смог этого сделать из-за чувства вины и надежды. Но теперь! Я засмеялся. Сейчас я уж смогу залить свой мозг, как обыкновенный нормальный человек. Заказав бутылку виски, стакан и лед, я вскоре уже чокался с собой о зеркало каюты.

— Будь здоров, Там Олин!

Шотландские и ирландские предки в моем генеалогическом древе начали требовать, чтобы их выпустили на волю. О, как я хотел надраться!

Хороший ликер струился по моим жилам, согревая и успокаивая. Воспоминания о молниях, возникших под гипнотическим взглядом Ладны, вернулись ко мне.

Более того, я сейчас почувствовал ту же силу и ярость, которые тогда бушевали во мне. И теперь я понял, каким слабым стоял перед ними, боясь использовать эти молнии.

Сейчас я увидел возможность, как можно использовать могущество УНИЧТОЖЕНИЯ! Возможности, которыми обладал когда-то Матиас, казались мне сейчас детской забавой.

Я пил, мечтая о могуществе. Я спал и мечтал о могуществе. И пока я спал, способы осуществления моей мечты прошли передо мной. Это была мечта, с которой я и проснулся.

Возможно, я действительно был там. В том месте, на каменистом склоне горы, между взгорьем и морем, в маленьком каменном домике с многочисленными щелями, замазанными дерном и грязью.

В том маленьком однокомнатном доме без камина, но с примитивным очагом у стены, запачканным копотью, и дырой в крыше для дыма. На стене возле костра на двух деревянных колышках висела моя драгоценная собственность!

Это было фамильное оружие, настоящий старинный палаш — «великий меч»! Более четырех футов длины, с обеих сторон заточенное широкое лезвие, ни пятнышка ржавчины. Его эфес имел только простую поперечину. Хотя это и был двуручный меч, тщательно смазанный жиром и хранящийся у огня, ножен для него не было.

Во время сна я снял его и пошел к берегу моря. Отыскав большой серый камень, я два дня точил на нем лезвие. В течение всего этого времени стояла чудесная погода, светило яркое солнце и было тепло. Но на утро третьего дня пошел дождь

и поднялся холодный ветер. Я поспешно прервал работу, обернул лезвие мешковиной, которую снял со своих плеч, и бегом бросился домой. И там, сидя возле жаркого костра, закутанный в толстую войлочную накидку, я любовался игрой огненных зайчиков, отражающихся от костра на лезвии меча. Свирепая радость переполняла меня. Радость, которую я раньше никогда не испытывал. Сейчас, сидя у этого костра, я чувствовал себя волком, только что досыта напившимся крови.

И тут я проснулся.

Яркий свет все еще заливал мою каюту. На столике сиротливо стояли две пустые бутылки. Тяжелое чувство, знакомое всем, хотя бы раз очнувшимся после ужасной пьянки, владело мной. Но радость этого странного сна все еще была со мной.

Облегченно вздохнув, я снова погрузился в сон.

Но сейчас мне уже ничего не снилось.

Когда я проснулся, то не почувствовал необходимости в похмелье. Мой мозг был холоден, чист и свободен. Я помнил все, происшедшее со мной за эту странную воображаемую жизнь. Сейчас, как никогда ясно я увидел путь, по которому мне предстояло идти.

Я решительно отбросил любовь! Вместо этого я открыл в себе эту странную радость мести. Я вспомнил, как фельдфебель перед тем, как покинуть меня, говорил, указывая на убитых пленных:

«То, что я написал на этих телах, не в силах стереть никто!»

Да, это была правда. Но я… один среди человечества четырнадцати миров, способен был стереть гораздо большее, чем это. И я сотру инструменты, которые создали это писание. Я, наездник и хозяин молний, клянусь в этом. Ими я уничтожу культуру людей двух миров Френдлиза. И я уже видел способ, которым это будет осуществлено.

К этому времени звездолет достиг Земли. Основные контуры моего плана были, по существу, уже нарисованы!

17

Я принял решение вернуться на Новую Землю, где в это время Элдер Брайт начал выкупать своих солдат, попавших в плен к Кейси Гриму.

Френдлизцы, выкупая пленных, немедленно размещали их вблизи столицы северян, города Мортона, словно это были оккупационные силы. Френдлиз требовал от нового правительства Севера обещанную плату за наем солдат. Эта плата была обещана Френдлизу ныне несуществующим правительством мятежников. Но в требовании Элдера Брайта не было ничего необычного. Такие вещи случались и ранее.

А всему причиной был тот особый обмен специалистами, который установился между мирами уже более ста лет назад. И тут не было различия между научным работником и наемным солдатом.

Задолженность одного мира перед другим должна была быть погашена и не зависела от смены правительств. Правительства можно было бы легко менять, если бы их смена влияла на оплату межпланетного долга. В том же случае, если

конфликтующие стороны призывали помощь со стороны, вступал в действие закон: «Победитель оплачивает все!»

И вот сейчас случилось следующее: Френдлиз, не получив в свое время обещанной платы от бывшего правительства мятежного Севера, объявил «войну» Новой Земле до тех пор, пока долг не будет выплачен. Правительство Новой Земли в свою очередь направило протест в Совет Миров с целью вывода войск Френдлиза с территории планеты.

Вопрос ставился таким образом — только после полного вывода наемников с Новой Земли возможно начало обсуждения вопроса о долге. А тем временем, пока войска Френдлиза находились на территории суверенной планеты, можно было бы говорить о некоторой победе мятежников…

Да, здесь могла бы получиться отличная серия статей. Вот почему через восемь месяцев после того, как я оставил эту планету, я снова рвался на Новую Землю.

Но для того, чтобы осуществить эту затею, мне необходимо было уладить несколько вопросов.

Как полноправный член Гильдии я обладал очень широкими правами и не имел прямых начальников, кроме пятнадцати членов Сове-

та, которые следили за соблюдением членами Гильдии Кредо Беспристрастности, а также за разработкой политики, которой должны были придерживаться все члены «Интерстеллар Ньюс Сервис».

Договорившись встретиться с Пирсом Лифом, председателем Совета, я уже на следующий день, ярким апрельским утром, прибыл в Сент-Луис и направился в величественное здание «И.Н.С».

— Ты прошел очень длинный путь на удивление быстро для такого молодого человека, — начал мой шеф, когда мы, обменявшись обычными приветствиями, уселись друг против друга за широкий дубовый стол.

Пирс Лиф был маленьким сухоньким человечком в возрасте за 50, который никогда в жизни не оставлял Солнечной Системы и очень редко — Землю, из-за пристального внимания общественности к его особе.

— Не говори только мне, что ты все еще не удовлетворен! Неужели тебе еще чего-то не хватает?

— Я хочу места в Совете!

Лиф медленно приподнялся. Его острый, как у сокола, взгляд пронзил меня.

— И скажу вам, почему, — продолжал я. — Должно быть, вы заметили, что у меня особое

чутье на различные сенсационные новости.

Лиф сел и радостно усмехнулся.

— Именно поэтому, Там, ты и носишь сейчас нашу форму. А своевременно информировать читателя о событиях в цивилизованном мире — наша святая обязанность.

— Да, — сказал я, — но мне кажется, что я обладаю небольшим отличием от рядовых членов Гильдии.

Глаза шефа поползли вверх.

— Я вовсе не претендую на роль провидца, но думаю, что подобная возможность у меня более развита, чем у кого бы то ни было из членов Службы новостей.

Лиф покачал головой.

— Я знаю, — продолжал я, — что это похоже на хвастовство. Но думаю, что я имею все основания утверждать это. Полагаю, что вскоре мой талант может понадобиться Гильдии для принятия кое-каких политических решений… Сейчас я сделаю предсказание. Пророчество… И если оно окажется верным и повлечет за собой изменение политики Гильдии, то…

— Хорошо, — прервал меня Лиф. — Пророчествуй, оракул.

Мой шеф слегка улыбнулся. Думаю, эта ситуа-

ция показалась ему очень смешной.

— Экзотика стремится уничтожить Френдлиз!

Улыбка исчезла. Он пристально посмотрел на меня.

— Что тебе известно? — потребовал он. — Думай, что говоришь! Экзотика не может желать чьей-либо гибели. Это противоречит их заявлениям и всему тому, во что они верят. А кроме того, никто не может уничтожить два процветающих мира, заселенных людьми. Поэтому я спрашиваю, что ты подразумеваешь под словом «уничтожить»?

— Только то, что вы сами понимаете под этим словом, — кивнул я головой. — А именно: стереть культуру Френдлиза как теократическую, подорвать экономику этих двух миров, оставить одни лишь каменистые планеты, заставив население эмигрировать в другие миры.

Лиф молча рассматривал свои руки, лежащие на столе.

— Что заставило тебя сделать такое фантастическое предположение?

— Не знаю, как это объяснить... Просто я суммировал ряд фактов. А самый главный из них — это то, что в самый последний момент кассидианские войска возглавил Кейси Грим! Дорсаец!

Переданный Новой Земле Экзотикой по приказу преподобного отца Ладны.

— Ну и что, — изумился Лиф. — Такого рода вещи случаются в каждой войне, во всяком случае, очень часто.

— Не совсем то, — отрицательно покачал я головой. — Кейси Грим возглавил кассидиан именно в тот момент, когда Френдлиз намеревался начать активные действия против Юга.

Шеф потянулся к видеофону, но я упредил его.

— Не стоит. Я уже это проверил. Решение послать Кейси было принято еще до начала активных действий Френдлиза. Думаю, что Экзотика предугадала это.

— Тогда это просто совпадение. А может быть… Всем же известны выдающиеся способности дорсайцев.

— А не кажется ли вам, что эти выдающиеся способности дорсайца Грима были использованы несколько поспешно? А что касается совпадений, этого просто не может быть! Слишком крупная идет игра!

— Тогда что же? — пожал плечами Лиф. — Как ты объяснишь все это?

— Я уже объяснил это, сэр. Думаю, что Экзотика предусмотрела выпад Френдлиза. Мы знаем о

военных талантах дорсайцев, но что мы знаем о психологических способностях уроженцев Экзотики?

— Да, но… — Пирс внезапно задумался. — Все же это слишком фантастично. Как ты думаешь, если это все окажется правдой, что нам следует предпринять?

— Полагаю, что предварительно вы должны разрешить мне покопаться в этом деле. Если я окажусь прав, то в течение нескольких ближайших лет мы станем свидетелями схватки вооруженных сил Френдлиза и Экзотики. И это будет не простая схватка наемников, а настоящая война между планетами! И если я окажусь прав, смогу ли я надеяться на то, что когда освободится место в Совете, вы выдвинете мою кандидатуру?

Последовало длительное молчание. Маленький сухонький человек пристально разглядывал меня.

— Там, — сказал он наконец. — Я не верю ни одному твоему слову. Но занимайся этим столько, сколько найдешь нужным. Я сообщу на Совете обо всем этом… и если что-нибудь подобное произойдет, приходи, мы поговорим снова.

— Отлично, — сказал я, улыбаясь.

Он кивнул головой, сидя в кресле, но ничего

больше не сказал.

— Надеюсь, что мы не надолго прощаемся, сэр, — сказал я и вышел.

Теперь с надлежаще оформленными документами я смог вновь возвратиться на Новую Землю в качестве официального корреспондента «Ньюс Сервис».

Я прибыл в расположение войск Френдлиза и с ближайшего командного пункта позвонил в штаб и договорился с командующим Весселем о встрече.

Хотя при разговоре френдлизец мне не «тыкал», а обращался на «вы», судя по его тону, он не был рад моему появлению. Но все же, соблюдая приличия, он согласился тут же принять меня. Узнав, где я нахожусь, Вессель сказал, что тут же пришлет за мной амфибию.

Когда мы остались с ним наедине в штабной палатке, он с угрюмой улыбкой на лице пытался изобразить радушного хозяина.

— Очень рад вас видеть, ньюсмен… Садитесь, пожалуйста, ньюсмен Олин… Я так много слышал о вас.

Это был человек 40-50 лет с коротко остриженными, слегка седыми волосами. Тяжелая челюсть, выдающаяся немного вперед, придавала его лицу

мрачное выражение.

— Думаю, что вам и следовало обо мне много слышать, — немного резко сказал я, садясь в предложенное кресло. — Поэтому-то с самого начала я хотел бы напомнить вам, командующий, о беспристрастности членов Гильдии «И.Н.С».

Командующий откинулся на спинку кресла.

— Мы знаем, что члены Гильдии дают клятву беспристрастности. Но, думаю, что в вашем случае, ньюсмен, у вас нет повода даже в душе упрекать нас в том, что случилось. Поверьте, я очень сожалею о смерти вашего шурина и вашем ранении. Но мне все же хотелось бы указать, что Служба Новостей послала вас, члена Гильдии, написать серию статей о нашем нынешнем положении…

— Дайте мне кое-что уточнить, — бросил я ему. — Я сам попросил об этом назначении.

Лицо Весселя стало напоминать морду бульдога, которого только что чем-то сильно раздразнили.

— Я вижу, вы не понимаете, командующий, — выдавливая слова металлическим тоном, продолжал я, — что такое Кредо Беспристрастности членов Гильдии.

Он продолжал мрачно смотреть на меня.

— Мистер Олин, — немного спустя произнес он. — Вы намерены написать ряд статей, чтобы доказать то, что у вас нет предубеждений против нас?

— Да, против вас у меня нет ничего, ни хорошего, ни плохого, — кивнул я головой. — В соответствии с Кодексом Ньюсмена эта серия статей послужит доказательством нашей беспристрастности и следовательно принесет еще большую пользу тем, кто носит нашу форму.

Думаю, даже тогда он не поверил мне. Его здравый смысл предостерегал от всего того, что я ему сейчас плел, и искренность моей речи не поколебала его осторожного отношения к чужаку, к нефрендлизцу.

Но под конец нашего разговора я уже заговорил его языком. Стремление обелить свою профессиональную принадлежность не могла ему не импонировать. Ведь с чувством уважения к своему рангу и профессии он прожил всю жизнь.

— Вижу, — сказал он и, встав, протянул мне руку. Я тоже поднялся. — Ну, ньюсмен. Я не стану говорить, что мы рады видеть вас здесь, даже теперь. Но мы будем сотрудничать с вами столько, сколько это будет возможно. Хотя любой репортаж, отражающий факт, что мы здесь являемся

непрошенными гостями, может нанести вред…

— Я так не думаю, — коротко сказал я и пожал протянутую руку. Вессель ответил таким же крепким пожатием и с интересом посмотрел на меня.

— Спокойной ночи, сэр, — сказал я и вышел, услышав за спиной его ответное «спокойной ночи».

И все же я знал, как он удивился, когда первые мои статьи начали появляться в выпусках «И.Н.С».

В своих репортажах я начал показывать солдат Френдлиза незаслуженно обманутыми прежними правителями мятежного Севера. За последние годы это было впервые, когда солдат Френдлиза не критиковали в прессе. Их, кто не признавал полумер и не желал быть аутсайдерами. Когда была опубликована половина серии, я был так близко сердцу Весселя и его солдат, как вообще может быть близок чужак.

Конечно, репортажи вызвали вой среди новоземельцев, которые кричали, что их положение замалчивают. И вот очень хороший журналист, Моха Сканоски, был откомандирован Гильдией на Новую Землю для выяснения претензий аборигенов.

Я давно уже знал, что в словах заключена некая

магия. И вот когда я уже почти закончил серию, то почувствовал вдруг нечто вроде симпатии к этим неуступчивым людям с их мрачной спартанской верой.

Но моя душа была окружена изрезанной, шершавой, каменной стеной, которая препятствовала проникновению туда какой бы то ни было слабости.

18

После моего возвращения на Землю среди почты я обнаружил записку от Пирса Лифа.

«Дорогой Там.

Твоя серия статей восхитительна. Но возвращаясь в мыслях к тому, о чем мы беседовали с тобой в последний раз, я думаю, что простое изложение фактов принесло бы большую пользу для всех нас, чем твое копание в материалах подобного рода.

С наилучшими пожеланиями, П.Л.»

Через несколько дней я получил письмо из Совета, предлагавшее мне отправиться на Святую Марию. Именно в это время Донал Грим, который был Главкомом ВС Френдлиза, совершил свой потрясающий — военные историки потом скажут: «Неправдоподобно блистательный!» — рейд на Ориенте, небольшую необитаемую планетку, находящуюся в той же звездной системе Проциона, что и миры Экзотики. В результате этого рейда он принудил флот Экзотики капитулировать и совершенно подмочил таким образом репутацию Женевье Бар Колмейна — командующего сухопутными и космическими силами Экзотики.

Все население 14 миров моментально подняло дружный вой в защиту Экзотики, направив свой справедливый гнев на Френдлиз. Это привело к тому, что о моей недавней серии статей никто не захотел больше вспоминать. А этому я был, пожалуй, только рад. То, чего я хотел добиться своей писаниной, я приобрел сполна — ослабление враждебности и подозрительности ко мне со стороны командующего Весселя и его подчиненных.

В письме мне предписывалось немедленно отправляться на Св. Марию, планету системы Проциона, в которую входили также планеты Коби, культис, мара и Ориенте. Официальной целью визита было выяснение последствий военной катастрофы планет Экзотики для этой окраинной планеты с преимущественно католическим населением. В силу своего местонахождения Св. Мария зависела от более крупных и более могущественных миров Экзотики. Поскольку Св. Мария пользовалась благорасположением и подачками своего соседа, то ее положение во многом зависело от политических и экономических успехов Экзотики. Для общественности на всех заселенных людьми планетах было бы интересно знать, как повлияло военное поражение Экзотики на внутриполитическое положение

Св. Марии.

Как оказалось, положение было напряженным. После нескольких дней ожидания я наконец получил интервью у Маркуса О.Дайна — политического лидера так называемого Голубого Фронта, оппозиционной партии Св. Марии. Не понадобилось и нескольких минут разговора, чтобы убедиться в том, что он переполнен неудержимой радостью.

— Это должно будет их разбудить! — О.Дайн бурно дышал. — Наши люди спали, успокоенные этими дьяволами с Экзотики. Но дело на Ориенте должно разбудить их. Оно заставит их раскрыть глаза!..

— Как я понял из ваших высказываний, — прервал я его, — вашей целью является свержение правительства, которое сейчас полностью подчиняется Экзотике.

— Что? Правительство? Какое правительство? Это камарилья недалеких политиков, мистер Олин. Называйте их просто Зеленым Фронтом, каким они и являются на самом деле. Они говорят, что представляют всех людей Св. Марии? Ха! Они… вы знаете, ньюсмен…

— Думаю, что за то время, пока я здесь, — опять прервал я его, — мне удалось кое-что выяснить.

Согласно вашей конституции вся планета разбита на ряд районов, которые выдвигают по два представителя в планетарное правительство. И, как я понял, ваша партия требует, чтобы в выборной системе был отражен рост населения городов. Весь город, подобный вашей столице Клаувенту, город с пятисоттысячным населением, выдвигает в правительство не больше представителей, чем сельский район с населением в две-три тысячи.

— Точно! — согласился О.Дайн. — Необходимо внести изменения в выборную систему в соответствии с изменившимися историческими условиями. Но согласится ли Зеленый Фронт добровольно лишиться власти? Ничего подобного! Только дерзкий удар — только решительная революция может заставить их передать власть в руки нашей партии, представляющей рядовых избирателей, угнетенных, лишенных всевозможных прав людей города!

— Вы полагаете, что такая «решительная революция» возможна в настоящее время? — удивился я и незаметно включил магнитофон.

— До событий на Ориенте я бы сказал — нет! И это несмотря на то, что я постоянно надеялся на подобное. Но после этих событий… — он остановился и триумфально посмотрел на меня.

— После Ориенте? — пробормотал я, понимая, что молчание О.Дайна не изобразишь на бумаге. Этот человек оказался достаточно опытным политиком.

— После Ориенте, — заговорил снова О.Дайн, — любой думающий человек на нашей планете начнет понимать, что Св. Мария обязана проводить свою независимую политику и обходиться без этой паразитической руки Экзотики. Он мог бы спросить: «А где те люди, которые должны встать у кормила власти?» И я отвечу: «В городах! В рядах тех из нас, кто всегда боролся за права простого человека. В рядах Голубого Фронта!»

— Понимаю вас, — кивнул я. — Но мне также ясно, что изменение избирательских прав у вас на планете не предвидится. И в ходе выборов вы никак не сможете победить!

— Совершенно верно! — рявкнул он. — Вы это точно подметили, ньюсмен.

— Но тогда я не вижу, каким же образом может произойти эта «решительная революция»?

— В наше время все возможно, — загадочно произнес лидер Голубого Фронта. — Для простого человека нет ничего невозможного. Соломинки летят по ветру, а ветер очень часто меняет свое направление. Кто может что-нибудь возразить

против этого?

Я выключил магнитофон.

— Так мы с вами ничего не выясним, мистер О.Дайн. Может быть, продолжим наш разговор без записи?

— Без записи? Ну конечно! — радостно заблестел глазами хитрец.

— Кстати, — кивнул я головой. — Что это вы говорили здесь о каких-то соломинках?

Он наклонился ко мне и понизил голос.

— Существуют… волнения, даже в сельских районах. Соломинки устали — это все, что я могу вам сказать. И если вы спросите меня о каких-либо именах, я не смогу вам ничего сказать!

— Вы оставляете меня без конкретных фактов, сэр. Что я могу сделать стоящего из того, что узнал от вас? НИЧЕГО!!!

— Да, но… — его могучая голова опустилась. — Я не могу рисковать…

— Вижу, — согласился я.

После долгой паузы он открыл было рот, чтобы произнести что-то, но тут же захлопнул его, словно боясь, что слова помимо его воли вырвутся на свободу.

— Но может быть, — начал я, — я смогу быть вам в чем-то полезен в свою очередь?

— И вы поделитесь со мной своими сведениями? — О.Дайн подозрительно посмотрел на меня.

— А почему бы и нет? — усмехнулся я. — В «Ньюс Сервис» мы имеем собственную информацию, из которой обычно строим картину того или иного события, даже если имеем только кое-какие фрагменты. Рассмотрим гипотетическую общую картину событий на Св. Марии. Неспособность к управлению, волнения и недовольство… можно сказать, марионеточным правительством.

— Очень хорошее слово, — подхватил О.Дайн. — Это просто то, что надо! Марионеточное правительство!

— В то же время, как мы уже обсудили, — продолжал я, — это правительство способно справиться с местными неприятностями и удержать власть на планете. К тому же мы с вами уже пришли к тому выводу, что конституционного пути для смены власти нет. Высоко способные лидеры, которые смогли бы стабилизировать положение, находятся в Голубом Фронте…

— Верно! — прошептал он, не отрываясь от меня.

— Теперь остается решить, кто смог бы возглавить новое правительство? Для этого требуется

храбрая, сильная личность, способная сохранить контроль над будущими событиями. В противном случае может возникнуть много непредвиденного…

О.Дайн смотрел на меня, его губы беззвучно шевелились.

— Короче, — вел я дальше свою мысль, — переворот, точно рассчитанные действия — и о плохих вождях больше никто никогда и не вспомнит! Теперь мы знаем…

— Подождите, — прошептал мой собеседник. — Я хотел бы предупредить вас, ньюсмен, что мое молчание не должно рассматриваться вами как согласие со всем тем, что вы только что тут наговорили. Вам не удастся использовать ссылки на меня в своих спекулятивных целях!

— Безусловно, — прервал я его. — Все это чисто теоретическое построение. Дальше, для того, чтобы совершить «решительную революцию», должны быть люди.

— Нас поддерживает обыватель!

— Конечно, — кивнул я головой. — Но когда необходимо прервать существующий «статус кво», необходимы решительные люди. А под этим термином я понимаю военных людей, способных обучить ваших обывателей или самим принять

участие в…

— Мистер Олин, — воскликнул О.Дайн. — Я протестую. Я отказываюсь беседовать с вами на подобные темы! Я должен… — Он замялся. — Я должен отказаться выслушивать ваши инструкции!

— Извините, — согласился я. — Но как я ранее упомянул, это только гипотетическая ситуация. Точка зрения, которую я пытаюсь…

— Она неприемлема для нас, эта ваша точка зрения, — замахал руками лидер Голубого Фронта.

— Я и говорю, что она неприемлема для вас! Конечно, пока что эта точка зрения неприемлема!

— Почему же? — подозрительно вскинулся О.Дайн.

— Все дело в перевороте! Ведь это так очевидно. Такие вещи требуют помощи извне. А именно, хорошо обученных военных. Такие военные поставляются некоторыми мирами, но эти миры, очевидно, не захотят вмешиваться в политическую ситуацию на вашей планете, мистер О.Дайн. Тем более, оказывать помощь оппозиционной партии!

Я позволил себе расслабиться и, улыбаясь, развалился в кресле. Добрых двадцать секунд мы сидели молча, изучая друг друга.

— Очевидно, — наконец не вытерпел я, — что мы не будем свидетелями смены правительства, поддерживаемого Экзотикой. Ну, что ж, очень сожалею, что… — Я встал и протянул собеседнику руку, — что интервью было очень коротким. Теперь мне надо быть у Президента, чтобы дополнить картину политических событий на Св. Марии, но уже с другой стороны. И только после этого я смогу с чистой совестью возвращаться на Землю.

Он автоматически пожал мне руку. Я повернулся и был уже возле двери, когда его голос заставил меня остановиться.

— Ньюсмен Олин…

Я обернулся.

— Да?

— Я чувствую, что должен спросить вас. Это мой долг перед Голубым Фронтом, перед моей партией! Я хочу потребовать от вас, чтобы вы передали мне все слухи, которые вы получаете с других планет… о людях, готовых прийти к нам… на помощь… к нам, к настоящему правительству Св. Марии. И мы, ваши читатели, ньюсмен, мы спрашиваем у вас, не слышали ли вы на некоторых мирах, возможно, слухов о той помощи, которую могли бы оказать движению «обывате-

лей» на Святой Марии кое-кто из Сильных Мира Сего, которые были бы заинтересованы в сдерживании могущества Экзотики среди звезд?

Я помолчал секунду или две.

— Нет.

Он стоял неподвижный, словно мои слова приковали его к месту.

— Очень сожалею, — покачал я головой. — Прощайте.

Вскоре я имел уже двадцатиминутное интервью с Шарлем Перини — Президентом Святой Марии. Затем, проделав путь в космопорт, я сел на космолайнер, отправляющийся на Землю.

На Земле я просмотрел полученную почту и тут же вылетел на Гармонию — главную планету Френдлиза. Пробыв пять дней в состоянии полной неизвестности, я на шестой день все же добился того, чтобы командующий Вессель заплатил мне долг.

На шестой день я был приглашен в здание Совета. После обыска в поисках оружия — существовали некоторые различия между церковными группировками на мирах Френдлиза, которые даже для ньюсмена были трудно различимы — я был препровожден в комнату с низким потолком и голыми стенами. Там стояло лишь несколько

черных кресел, пол был выложен черно-белой плиткой. За тяжелым столом сидел человек, одетый в черное.

Белыми у него были только лицо и руки. Глаза его были закрыты, но когда он открыл их секундой позже после моего появления в этой комнате, колючий взгляд его черных глаз пронзил меня.

Человек встал и протянул мне руку. Наши руки встретились. Человек пожал руку не крепко, но так, что мои пальцы почувствовали его силу.

Передо мной был человек, который управлял Объединенными Церквями Гармонии и Ассоциации. Его звали Элдер Брайт, и он был Первым среди френдлизцев.

19

— Вас рекомендовал командующий Вессель, — сказал он, предложив мне сесть. — А это довольно необычно.

В этом человеке чувствовалась власть. До этого только у одного человека я встречал такой же все подчиняющий взгляд. Его глаза были глазами Торквемады, главы Инквизиции в древней Испании.

В первый момент я растерялся. Точно так же, как и тогда, когда очнулся после обморока в Индекс-комнате. У этого человека не было видно слабостей и у меня мелькнула мысль о поражении, если я попытаюсь управлять им.

Но так как каждое из тысяч интервью, которые я брал, было рискованно, и я уже свыкся с такой опасностью, мой язык начал автоматически:

— …в величайшем сотрудничестве с командующим Весселем и его людьми на Новой Земле, — сказал я. — Я оценил его…

— Я тоже, — перебил меня резко Брайт. Его глаза сжигали меня. — В противном случае, вы не получили бы аудиенции. Работа Правителя

оставляет мне очень мало свободного времени. Ну, что же вас интересует?

— Я хотел бы, — начал я, — представить Френдлиз в наилучшем свете перед человечеством 14 миров.

— Чтобы еще раз доказать вашу лояльность Кодексу?

— В общем-то да. Знаете, я очень рано осиротел и моей сокровенной мечтой было работать в Службе Новостей…

— Не тратьте моего времени, ньюсмен! — тяжелый голос Брайта прервал меня на середине предложения. — Что ваш кодекс для меня, который движется по пути божественного слова?

— Каждый из нас движется по своему собственному пути, — возразил я.

Он застыл, придвинувшись ко мне.

— Если бы не мой Кодекс, я не был бы здесь, — продолжал я. — Возможно, вы не знаете, что случилось со мной и моим шурином на Новой Земле?

— Знаю, — это было сказано без признаков милосердия. — Вы, ньюсмен, были наказаны за свою самонадеянность. — Его губы растянулись в кривой усмешке. — Насколько мне известно, ньюсмен Олин, вы не принадлежите к Помазан-

никам Божьим?

— Нет?

— У тех из нас, кто следует божественному слову, есть немало причин совершить какое-нибудь действие из ненависти, невзирая на собственные интересы. Ну, а в безбожниках какая может быть ярость, кроме как на самих себя?

Я растерялся.

— Вы насмехаетесь над нашим Кодексом Ньюсмена, потому что он не ваш?

— выпалил я через мгновение.

Усмешка исчезла с лица священника.

— Бог не выбрал бы дурака Старейшиной Совета наших Церквей. Ты должен был подумать об этом, перед тем как ехать на Гармонию. Но в любом случае, ньюсмен, теперь ты это уже знаешь.

Я взглянул на него, почти ослепленный озарившим меня пониманием. Я понял, как можно использовать этого человека. Его слабостью была его же сила. Тот софизм, который вывел его в правители этих людей. Тот фанатизм, который наносил ему так много вреда во встречах с лидерами других миров, поскольку из-за него он во все вмешивался. Хотя недобрые яростные глаза, сверкающие на фоне черной одежды различали всего лишь два цвета — черный и белый, тем не

менее их владелец претендовал на роль политика. И поэтому я решил действовать с ним, как с политиком.

Как политика, я мог бы вынудить его совершить политическую ошибку.

— Думаю, что мне здесь делать больше нечего, — сказал я растерянным тоном. — Полагаю…

— Уходите? — голос священника прозвучал как выстрел. — Но разве я сказал вам, ньюсмен, что интервью закончено? Садитесь!

Поспешно сев, я постарался выглядеть бледным и думаю, что преуспел в этом, так как все время понимал, что хотя я и разгадал этого человека, это все же был еще лев, в клетке которого я продолжал находиться.

— Теперь, — сказал он, вглядываясь в меня, — что вы в действительности хотите получить от нас?

Я поджал губы.

— Говорите! — приказал Брайт.

— Совет… — пробормотал я.

— Совет? Совет наших Старейшин? Что ты хочешь, ньюсмен, знать о нашем Совете?

— Вы меня… не так поняли, сэр, — выдавил я из себя, глядя в пол. — Я имел в виду Совет Ньюсменской Гильдии. Я хотел бы получить там место…

И вы, френдлизцы, можете стать причиной, из-за которой мне откроется туда дверь. После того, что случилось с Дэйвом, моя совместная работа с Весселем доказала, что я могу действовать без предубеждений… А если я и в дальнейшем буду придерживаться такой линии, то…

Я умолк и медленно взглянул на Преподобного Брайта. Он смотрел на меня с жесткой улыбкой.

— Ну что ж, твоя исповедь мне понравилась, — сказал он. — Думаю, что мы поможем тебе, — его глаза Торквемады мимолетной улыбкой приветствовали меня.

Внезапно на столе раздался зуммер видеофона. Элдер Брайт нажал на кнопку и повернулся к экрану, на котором возникло лицо пожилого человека.

— Вы приказали мне выяснить, Старейшина… — начал было он, но Брайт жестом остановил его и, посмотрев на меня, указал головой на дверь кабинета. Я встал и вышел в приемную. Минут через пять секретарь снова пригласил меня зайти.

Брайт стоял за столом.

— Ньюсмен, — сказал он грубо, — меня предупредили, что члены Совета вашей Гильдии после событий на Ориенте настроены враждебно к нам, к людям миров Френдлиза. И скорее всего, ваши

репортажи могут и не увидеть свет! А если это так, то какая же нам от вас, ньюсмен, польза?

— Но я… я не говорил, что буду восхвалять ваш народ, сэр. Мне достаточно объективно осветить жизнь простых тружеников, простых людей ваших миров!

— Да, — кивнул он головой. — В этом что-то есть! Тогда пойдем и посмотрим на наших людей.

Брайт вышел из комнаты и по эскалатору провел меня в гараж. Мы сели в машину и куда-то поехали.

— Смотрите, — сказал священник, когда мы проезжали через какой-то небольшой городок. — Мы с муками выращиваем на наших каменистых почвах всего один урожай в год. И для того, чтобы наш народ не голодал, мы вынуждены закупать продовольствие на других планетах. А для того, чтобы достать на это денег, мы вынуждены продавать своих юношей в солдаты. А что обезображивает их юные души, когда они отправляются на другие миры, чтобы принять участие в чужих войнах?

Я повернулся и увидел, что его глаза впились в меня.

— Отношение… к ним, — сказал я как можно

растерянней.

Брайт рассмеялся.

— Отношение?! Оставь простые слова, ньюсмен! Не отношение, нет… — гордость! ГОРДОСТЬ!!! Худые, искусные лишь в труде и владении оружием — они для тех, кто их нанимает, всего лишь грязный убойный скот! И я тебя спрашиваю, ньюсмен, что им остается? Им остается только гордость, чтобы защищать себя!

Он печально улыбнулся.

— Вот что ты можешь увидеть здесь! Но что ты сможешь сделать своими статьями на других мирах? Научить скромности и гостеприимству тех, кто нанимает Детей Божьих?

Он вновь насмехался надо мной. Но я уже изучил его достаточно, чтобы не обращать на это внимания.

— Думаю, сэр, что если бы миры внезапно узнали, что ваши люди, Старейшина, более терпимы — не интересны, нет, а просто терпимы, то отношение к ним могло бы в корне измениться, — сказал я и посмотрел прямо в глаза старику.

Брайт отвел свой взгляд и, посмотрев в окно, вдруг приказал водителю:

— Остановись!

Мы находились в маленькой деревеньке. Одетые в черное люди двигались между одноэтажных бараков, сделанных из резины — временных строений, которые на других мирах теперь уже редко использовались.

— Где мы? — поинтересовался я.

— Этот город называется «Поминание Господа», — ответил Брайт и открыл дверцу машины. — Кстати, ньюсмен, к нам направляется тот, кто очень хорошо вам знаком!

Действительно, фигура в военной форме приближалась к нам. Когда она подошла к машине и остановилась, я узнал в ней Джаймтона Блека.

— Здравствуйте, сэр, — поприветствовал он отца Брайта.

— Да снизойдет на тебя благословение Господа нашего, — сказал в ответ Глава Объединенных Церквей. И не поворачиваясь ко мне, произнес:

— Надеюсь, ньюсмен, что вы узнали этого человека. Так вот, я хотел бы… Форс-лидер, — обратился он к Блеку, — вы видели этого человека дважды. Первый раз, когда просили руки его сестры, и еще раз, на Новой Земле, когда он хотел получить пропуск для своего помощника. Что вы можете сказать о нем?

Глаза Джаймтона сузились, вглядываясь сквозь

полумрак кабины в меня.

— Только то, что он любил свою сестру и хотел для нее лучшей жизни, чем я мог бы ей предложить, — спокойным, как и его лицо, голосом произнес офицер. — Он хотел спасти своего шурина… — Джаймтон повернулся к Брайту и сказал: — Я верю, что он честный человек, Старейшина.

— Я не спрашиваю вас, во что вы верите, — взорвался Брайт.

— Как хотите, — пожал плечами Джаймтон.

Я почувствовал ненависть к этому человеку. Ненависть, которая вот-вот разорвет меня, несмотря на такие неподходящие обстоятельства. Ярость к этому спокойному человеку. Не только потому, что он только что рекомендовал меня, как честного и хорошего человека, но и потому, что в его лице было еще что-то, чего я никак не мог разобрать. Но тут я понял — он не боялся Брайта! А я — боялся! Хотя я и был ньюсменом с авторитетом Гильдии за плечами, а он простой офицер перед своим главнокомандующим, верховным военным вождем двух миров… Как он мог? И затем я вновь понял это. И сцепил свои зубы от ненависти и раздражения. Джаймтон ничем не отличался от того лейтенанта, который отказался выдать пропуск Дэйву. Тот офицер готов был по-

виноваться Брайту, который был Старейшиной, но ни в грош не ставил Брайта как человека.

Таким же образом Брайт держал жизнь Блека в своих руках, но держал только меньшую ее часть.

— Ваш отдых здесь окончен, форс-лидер, — резко сказал Брайт. — Скажите своей семье, чтобы отправили ваши вещи в столицу, и присоединяйтесь к нам. Я назначаю вас в помощь этому ньюсмену. Мы присваиваем вам чин капитана, чтобы сделать эту должность более привлекательной.

— Сэр! — безэмоционально произнес Джаймтон, четко щелкнув каблуками и наклонив голову.

Когда мы возвратились, Брайт приказал Джаймтону ознакомить меня с ситуацией на Френдлизе и достопримечательностями этих двух планет. После короткого осмотра столицы я вернулся в отель. Это требовало выдержки — видеть постоянно возле себя Блека, официально поставленного, чтобы помогать мне, а неофициально — чтобы шпионить. Тем не менее, я ничего не сказал об этом, а Джаймтон тоже молчал. Это странное соседство двух людей, прогуливающихся по городу и не говорящих друг с другом,

было вполне объяснимо, поскольку между нами стояли Эйлин и Дэйв.

Тем не менее, меня время от времени приглашали к Брайту. Он встречал меня более или менее приветливо, интересовался, как я вхожу в курс событий, и вообще, он выглядел все более и более доброжелательным. Я понимал его. Он хотел как можно полнее использовать меня, ньюсмена, в деле рекламы своего народа.

День за днем, интервью за интервью, он становился в беседах со мной все доверчивее и мягче.

— Что любят больше всего читать на других планетах, ньюсмен? — спросил как-то Брайт. — Точнее, о чем они больше всего любят слушать?

— О героях, конечно, — ответил я. — Вот почему Дорсай имеет такую популярность… И вот почему другие миры, и в том числе Экзотика, так охотно нанимают их.

Днем позже он снова вернулся к этому разговору.

— Что делает людей героями в глазах общественности?

— Обычно это происходит на войне. Вот, например, если равное количество ваших солдат встретится с тем же числом дорсайцев и разобьет их, то…

Наступила тишина, так как меня остановил взгляд Элдера Брайта.

— Ты что, считаешь меня дураком? — рявкнул он. — А может быть, ты сам дурак? — Он долго смотрел на меня. Я молчал. Наконец, он кивнул головой и тихо, как бы про себя, произнес: — Все верно… этот ньюсмен — глупец!

Затем Глава Объединенных Церквей встал и указал мне на дверь. На этом наше интервью закончилось.

Не думаю, чтобы он посчитал меня дураком. Все было гораздо сложнее. Это был момент, когда я сделал свое предложение. Но я так и не понял, что означала эта его такая необычная реакция. И это беспокоило меня. Мое упоминание о дорсайцах не могло быть таким впечатляющим. Я хотел было спросить об этом Джаймтона, но решил, что мудрее будет немного подождать.

Наконец настал тот день, когда Брайт задал вопрос, который он рано или поздно обязан был задать.

— Ньюсмен, — сказал он, — ты как-то говорил, что героями становятся, победив прежних, признанных героев. Ты упомянул при этом, как пример, прежних героев в общепринятом мнении: Дорсай… и Экзотику.

— Да, Старейшина.

— Но эти безбожники с Экзотики, — медленно выговаривал он слова, будто пробуя их на язык, — они ведь используют наемные войска. А что толку разгромить наемников? Даже если это легко и возможно!

— Но почему бы вам не рискнуть, — спросил я. — Такого рода победа могла бы создать вам благоприятное общественное мнение. Правда, для встречи с Дорсаем Френдлиз еще не вполне подготовлен…

Он тяжело взглянул на меня.

— А с кем мы могли бы рискнуть? — потребовал он.

— Ну… всегда есть небольшие группы людей, которые хотят что-то изменить. Скажем, если небольшая инакомыслящая группа наймет ваших солдат для свержения конституционного правительства… Конечно, я не хотел бы, чтобы повторилась ситуация с Новой Землей…

— Мы получили деньги, и нас не касается, кто выиграл в той грязной войне, — раздраженно бросил Брайт. — Разве мы не придерживались Кодекса Наемников?

— Да, но силы противников на Новой Земле были примерно равны. И вот, если бы вы ока-

зали помощь крохотному меньшинству против всей государственной машины… Скажем, что-то подобное борьбе шахтеров Коби против шахтовладельцев!

— Что? Коби? — Брайт в задумчивости начал мерить шагами свой кабинет.

— Как ни странно, ньюсмен, но я уже получил подобную просьбу о помощи, причем на совершенно выгодных условиях, от группы…

Он снова сел за стол и внимательно посмотрел на меня.

— От группы, подобной Коби? — сказал я невинно. — Уж не сами ли шахтеры взывают о помощи?

— Нет, не шахтеры!

Брайт помолчал, затем встал и подошел ко мне.

— Мне сказали, что вы собираетесь покинуть нас, ньюсмен.

— Я?

— Не думаю, что меня неправильно проинформировали, — почти весело проговорил он. — Мне сказали, что сегодня вечером вы улетаете на Землю. Вы что, уже купили билет?

— В общем… да, — кивнул я головой, изображая растерянность. — Как это я мог запамятовать?

Неужели я не сказал вам об этом, сэр?

— Доброго пути, ньюсмен, — протянул мне руку Брайт. — Я очень рад, что мы смогли достичь с вами понимания. Можете рассчитывать на меня в будущем. Думаю, что в следующий ваш приезд на Гармонию мы лучше встретим вас?

— Благодарю, — просиял я.

— До свидания, ньюсмен.

Мы снова пожелали друг другу всего наилучшего, и я отправился в отель. Мои вещи были уже упакованы. На столе лежал билет на вечерний лайнер.

И вот, пятью часами позже, я находился уже в космосе, на пути к Земле.

А еще пятью неделями позже движение «обывателей» на Святой Марии, тайно обеспеченное людьми и снаряжением с Френдлиза, совершило быстрый и кровопролитный переворот, заменив законное правительство лидерами Голубого Фронта.

20

На этот раз я не просил встречи с Пирсом Лифом. Он сам вызвал меня. Когда я шел по коридорам «И.Н.С.» и подымался по эскалатору к его кабинету, головы одетых в гильдийскую униформу людей поворачивались, провожая меня взглядами.

За три года, прошедшие после того, как лидеры Голубого Фронта захватили власть, многое изменилось для меня.

Я получил свой час мучений от встречи с сестрой. И каждый раз, когда я вспоминал про это, с новой силой вспыхивали мои боль и сожаление. Чтобы отомстить за все, я предпринял два действия — на Святой Марии и на Гармонии. Я привел свою месть в движение. Эти три года действительно изменили меня. Поэтому-то Пирс Лиф и вызвал меня. За эти три года сила моего знания стала полной в такой мере, что по сравнению с ней та, что была у меня, когда я говорил с Брайтом, казалась мне слабой, хрупкой, словно только что родившейся. Я грезил местью, клинком в руке, который вершит правосудие. То, что

я сейчас в себе ощущал, было неизмеримо сильнее, чем какое бы то ни было прежде чувство, сильнее, чем желание есть и пить, чем желание любить или жить.

Тупицы те, кто думает, что человека удовлетворит здоровье, женщины или горячительные напитки. Эти вещи мелки по сравнению с величайшей из страстей, которая поглощает все силы, надежды, страхи и мечты, которая, не найдя выходя, иссушает мозг. Эта страсть — жажда мести! Глупцы, кто думает иначе. Ни живопись, ни музыка, ни молитва не могут доставить такой радости, как свершение этой страсти. Пожалуй, с ней можно было бы сравнить радость тех, кто строил Парфенон или сражался, защищая родной дом в Фермопилах. Владеть собой — использовать себя как оружие в собственных руках — и так создавать или разрушать, как никто больше не сможет воздвигнуть или разрушить — это и есть величайшее удовольствие, которое доводилось знать только богам или демонам!

Это и вошло в меня за эти два или чуть более года.

Я грезил держать молнии в руках над 14 мирами и подчинять их своей воле. Теперь я держал их! Мои возможности усилились. Я предугадывал

поступки таких людей, как Вильям с Сеты, Блейк с Венеры и Сейона, преподобный отец с миров Экзотики — всех тех, чьи движения и колебания делали межзвездную политику — и я читал их результаты совершенно ясно. И с этим знанием я направлялся туда, где эти события ожидались. И описывал их, словно они уже случались, хотя все еще было впереди. Поэтому-то мои коллеги по Гильдии и считали меня полудьяволом или полупророком.

Но я ничего не говорил им. Свои секреты я держал при себе, согреваемый предвкушением мести, чувством клинка, сжатого в руке — инструмента моего РАЗРУШЕНИЯ!

И вот кабинет Пирса Лифа. Сам он стоял у двери, ожидая меня, хотя я был только еще на подходе. Шеф пожал мне руку, провел к столу и усадил. Затем налил в стаканы виски и произнес:

— Ты слышал, Там, что Морган Шу Томпсон умер?

— Да, — кивнул я. — И место в Совете освободилось!

— Да, — подтвердил Лиф. И добавил, отвернувшись от меня: — Он был моим старым другом.

— Я знаю это. Думаю, что это был очень тяжелый удар для вас, сэр.

— Мы одногодки… — устало проговорил Лиф и немного виновато улыбнулся мне. — Я полагаю, что ты ожидаешь, что я выдвину твою кандидатуру в Совет?

— Ожидаю, сэр, — сказал я, — но думаю, что члены Гильдии могут сделать это, даже если вы этого не захотите!

Лиф кивнул головой.

— Около трех лет назад, — сказал он, — ты приходил сюда с предсказанием. Ты помнишь его?

Я улыбнулся.

— Ты мог бы забыть это… — покачал головой старик. — Ну, уж ладно, Там… — он остановился и тяжело вздохнул. Он, казалось, подыскивал слова. Но я был уже достаточно умудрен опытом. Я просто ждал. — Мы оба наблюдали события, и мне кажется, что оба были правы… и неправы!

— Неправы? — удивился я.

— Да, — сказал шеф. — Это была твоя теория, что Экзотика намерена разрушить культуру Френдлиза. Но взгляни, как все сейчас повернулось?

— Как? Например?

— Ну, — удивился Лиф, — неужели тебе не ясно, что фанатизм Френдлиза своего рода защитная реакция на отношение к ним тринадцати миров, населенных человечеством. Это должно быть

понятно. Но любой здравомыслящий человек не стал бы обвинять Экзотику в разжигании этих предубеждений против Френдлиза. Не так ли?

— Целиком с вами согласен, сэр.

— Когда ты пришел ко мне и сказал, что Экзотика намерена стереть с лица земли культуру Френдлиза, я сначала тебе не поверил. Но после того, как Френдлиз поддержал войсками и снаряжением переворот на Святой Марии, вотчине Экзотики, я понял, что между этими мирами что-то происходит.

— ???

— Но Голубой Фронт продержался недолго…

— Хотя и казалось, что его поддерживают массы, — вставил я.

— Да, да, — Пирс не осудил мое нетерпение. Дело в том, что лидеры Голубого Фронта оказались недальновидны. Все дело было основано только на глотках активистов Голубого Фронта. Оказалось, что Св. Мария не может развиваться самостоятельно. Она финансово, да и рядом других пут, связана с богатыми мирами Экзотики. И как только Экзотика перестала оказывать помощь Св. Марии, Голубой Фронт пал!

— Это сейчас понятно любому, — согласился я.

— Но вы знали это еще раньше, — воскликнул

Лиф. — Не говорите мне, что вы не предвидели этого с самого начала, Там. Но то, что я не предвидел… и вероятно не предвидели и вы, это оккупацию Св. Марии войсками Френдлиза с требованием законному правительству оплатить услуги и помощь, предоставленные в свое время Голубому Фронту. Но между Святой Марией и Экзотикой существует договор, а это значит, что Экзотика должна заступиться за свою союзницу.

— Я предвидел и это…

Он недоверчиво взглянул на меня.

— Предвидели? Тогда как вы могли подумать, что Экзотика что-то затевает против Френдлиза? Похоже, что Френдлиз постоянно вступает в конфликт с Экзотикой. Вспомни, как и со Святой Марией, у Экзотики был договор о взаимной помощи с Новой Землей. Поэтому-то она и вступила в тот конфликт.

Лиф встал и посмотрел в окно.

— Сейчас на Св. Марии зима. Но весной многотысячный экспедиционный корпус с Экзотики высадится на этой планете. Думаю, что начнется резня. Брайт не пошлет оккупационным войскам подкреплений. То, что Экзотика спустила на Новой Земле, того она не спустит у себя под боком, в своей звездной системе. А это значит, что Брайту

ничего не останется делать, как обратиться за помощью к Сете, Нептуну и всем другим «жестким» мирам, чтобы как-то противостоять Экзотике. И что ты сейчас скажешь на это? Ты понимаешь, что я имел в виду, когда говорил, что ты был прав и неправ одновременно?..

Лиф в волнении даже не заметил, как перешел на «ты». Но я его не перебивал.

— ...ты был прав в предсказании вендетты между Френдлизом и Экзотикой... и не прав... ты видишь, почему, ПОЧЕМУ ты был не прав?

Я свободно откинулся назад, прежде чем ответить.

— Да, — кивнул я. — Вижу. Это не Экзотика хочет уничтожить Френдлиз. Это Френдлиз хочет уничтожить Экзотику!

— Точно! — воскликнул Лиф. — Здоровые и узкоспециализированные знания Экзотики олицетворяют миры свободных контрактов, которые имеют равновесие, действуя в союзе со всеми свободными мирами, образуя снопы пшеницы, которые жесткие миры не могут сломать! Если Экзотика будет разгромлена, баланс сил между этими двумя группировками будет нарушен. Только такое равновесие позволило стоять нашей старушке Земле в стороне от обеих групп. Хотя

мы и тяготеем к мирам свободного контракта, это для непосвященного наблюдателя не так заметно. Теперь же мы будем вынуждены официально примкнуть к одной из групп и таким образом поставим нашу Гильдию под ее контроль. А это будет означать, что придет конец беспристрастности «Ньюс Сервис».

Он умолк и выжидательно посмотрел на меня.

— Ты знаешь, что за группа достанется нам, если победит Френдлиз? — спросил он. — Группа «жесткого» контракта! Поэтому я хотел бы посоветоваться с тобой… что мы в Гильдии… должны сейчас предпринять?

Я взглянул на него и задумался. Но в действительности в это время я упивался своей местью. Здесь была цель, которую я вынашивал, лелеял, и вот настало время Гильдии всем своим авторитетом и влиянием стать на мою сторону! Я дал шефу немного подождать моего ответа и медленно произнес:

— Если Френдлиз может уничтожить Экзотику, то возможно, что и Экзотика может уничтожить Френдлиз! В любой ситуации, подобной этой, поражение каждой из сторон равновероятно. Теперь же без компромисса с нашей беспристрастностью я мог бы полететь на Святую Марию для

разведки, что позволило бы нам глубже проникнуть в ситуацию. Это поможет сделать выбор!

Пирс вгляделся в меня, его лицо побледнело.

— Что ты подразумеваешь под словами «сделать выбор»? Мы не можем сейчас открыто встать на сторону Экзотики! Мы ведь об этом?

— Нет! Просто я мог бы выяснить кое-какие детали, которые позволили бы нам занять в этом конфликте преимущественную позицию. Я ничего не вижу ясно в этом конфликте, а вы ведь спросили меня, сэр, что нам необходимо предпринять?

Он заколебался. Его руки немного дрожали. Это позволило мне догадаться о том, что он думает. Это было колебание между двумя поступками: беспристрастностью Гильдии и необходимостью поддержать свободные миры в их борьбе с «жесткими».

Внезапно раздался зуммер и Лиф нажал кнопку видеофона. На экране возникло лицо Тома Лассери, его секретаря.

— Сэр, — сказал Том, — вызов с Окончательной Энциклопедии. Для ньюсмена Олина. От мисс Лизы Кант. Она говорит, что дело чрезвычайно важное.

Пирс вопросительно посмотрел на меня, и я

кивнул головой.

Тогда шеф переключил какой-то тумблер, и на экране видео возникло лицо Лизы.

— Там! — воскликнула она без приветствия. — Там, приезжай быстрее! Марк Торр ранен убийцей! Он умирает и хочет поговорить с тобой… с тобой, Там. О, Там, поспеши!

— Еду! — воскликнул я.

И я вышел. Не было времени спрашивать себя, почему я откликнулся на ее вызов. Звук голоса этой девушки оторвал меня от кресла. И я… пошел на ее зов.

21

Лиза встретила меня у входа в Окончательную Энциклопедию, там же, где я впервые увидел ее. Она провела меня в комнату Марка Торра, по пути рассказывая подробности.

Существовала постоянная угроза для работников Энциклопедии со стороны фанатически настроенных людей не только Земли, но и остальных миров, которые утверждали, что Окончательная Энциклопедия может стать великим Умом, который возьмет под контроль волю всего человечества. И вот один из них, наконец, добрался до Марка Торра. Бедняга параноик, который тщательно скрывал свою болезнь от семьи, который взлелеял в своем больном воображении мысль, что только он является освободителем человечества. Мы прошли мимо его окровавленного тела, долговязого, белокурого, с приятными, мягкими чертами лица, со лба на щеку которого стекала кровь.

— Он совершил ошибку, — говорила мне Лиза. — Он дважды выстрелил в Марка и один раз себе в лоб. Но несмотря на два ранения Марк

Торр еще жив, а вот бедняга сумасшедший убит наповал.

Лиза провела меня к старцу, лежащему на кушетке. Всю его грудь обтягивали бинты. Его глаза были прикрыты. Создавалось впечатление, что черты его лица вырезаны из мрамора — я понял, что смерть медленно, но верно, перетягивает его в свое царство.

Но это было не лицо, которое я видел прежде. Я внезапно вспомнил свое детство и историю об умирающем президенте Аврааме Линкольне, лежащем, раненом, с трудом дышащем…

Я огляделся. В комнате было много людей, но они уже начали покидать комнату по какому-то знаку Лизы.

Она наклонилась к телу умирающего и тихо позвала его.

— Марк! Марк…

Несколько секунд я не верил, что старик ответит. Но тут глаза открылись, удивленно присматриваясь к девушке.

— Я привела Тама, Марк, — сказала она тихо. — Наклонись, Там. Подойди поближе.

Я придвинулся и наклонился. Старик улыбнулся мне одними глазами и его губы медленно зашевелились.

— Там…

— Да, — сказал я, машинально взяв его руку. Она была безжизненна и костиста.

— Сын… — прошептал Марк так слабо, что я еле расслышал его. Вся моя плоть застыла и похолодела от этого слова. Я застыл, словно превратился в лед. Ярость медленно наливалась во мне.

Как он посмел? Как он посмел назвать меня «сыном»? Ведь я не остался в этой Энциклопедии и не имею к ней никакого отношения! Он это твердо знал. Меня, который не имел с ним ничего общего, как он посмел назвать меня «сыном»? Старик все еще что-то шептал. Я разобрал слово, которое еще больше разожгло во мне ненависть.

— …прими…

Затем его глаза закрылись, а губы перестали двигаться, хотя медленное, очень медленное дыхание свидетельствовало о том, что он еще жив. Я отпустил его руку и вышел из спальни в кабинет. Здесь я остановился.

— Там, — Лиза взяла мою руку своей. Но я не обратил на это внимания. Я думал о том, что сказал мне Марк. Он не просил меня принять руководство над Проектом, он просто СКАЗАЛ мне об этом. Но слова не дошли до меня. Мой рот был открыт, но не мог произнести ни слова. Впервые

я не знал, что мне предпринять.

И тут сигнал вызова видеофона вырвал меня из оцепенения. Лиза стояла рядом и автоматически нажала кнопку включения экрана.

— Здравствуйте, — произнес голос из прибора. Я не мог видеть экран, так как стоял в неудобном положении. — Есть здесь кто-нибудь? — продолжал голос. — Мне необходим ньюсмен Там Олин. Это срочно. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Я узнал голос Пирса Лифа. Обогнув стол Марка Торра, я подошел к телефону.

— А, это ты, Там, — сказал с экрана Лиф. — Послушай, мальчик, я думаю, тебе не стоит больше тратить время… Мы посовещались здесь и решили. Тебе нужно срочно отправиться на Святую Марию. Ты понял?

Внезапно жажда мести вновь вспыхнула во мне, смыв те сомнения, которые только что начали появляться во мне под влиянием слов Марка Торра.

— Когда надо отправляться?

— Думаю, сейчас же. Билет тебе уже куплен…

— Пусть его вместе с вещами доставят в космопорт.

Я обернулся и поглядел вновь на Лизу. Ее взгляд мог бы потрясти меня, как это случалось прежде,

но сейчас я был гораздо сильнее…

— Как выйти отсюда? — потребовал я. — Я уезжаю!

— Там, — заплакала девушка.

— Я должен уехать, разве ты не понимаешь, что меня направляют на Св. Марию. Это ведь моя работа, — крикнул я. — Где выход? Где…

Она прошла мимо меня и нажала выступ в стене. Дверь открылась и я медленно прошел в нее.

— Там!

Ее голос остановил меня и я оглянулся.

— Ты вернешься, Там, — сказала она сквозь слезы. — Вот увидишь, ты вернешься!

Что-то в моей душе шевельнулось, но тут же спряталось, подавленное могущественной силой мести. Я прошел дальше.

— Я вернусь, — не оборачиваясь, громко сказал я.

Это была легкая, простая ложь. Затем дверь за мной закрылась.

22

Когда я выходил из космолайнера на Святой Марии, легкий ветерок, из-за разницы атмосферного и корабельного давлений дувший мне в спину, был похож на руку из темноты, подталкивающую меня в хмурый дождливый день. Но это меня не трогало. Я был как обнаженный палаш моей мечты, завернутый и упрятанный в плед, отточенный на камне и несущийся сейчас на встречу, которую он ждал все эти долгие три года.

Встречи в холодном дожде вечны. Они надолго оставляют свой след в вашей душе. Я чувствовал холод, как старую кровь на руках. Небо было низким, облака тянулись на восток. Дождь падал размеренно. Звук дождя, казалось, достиг своего апогея, когда я начал спускаться по трапу. Создавалось впечатление, что космопорт и город попали под ошеломляющий камнепад, который разнесет их на куски.

Это был такой же дождь, который обычно падает на развалины Афин, на мрачный, несчастливый дом Матиаса, на руины Парфенона, какими я их обычно видел из окна своей спальни.

— Ваш багаж, сэр? — раздался возле меня голос.

Я вздрогнул и очнулся от своих дум. Ко мне обращался офицер корабля. Его приветливая, дружеская улыбка окончательно вернула меня в этот мир.

— Пошлите его в лагерь Френдлиза, — улыбнулся я в ответ. — Я хочу зарегистрировать удостоверение личности.

Я прошел по эскалатору, миновал вертушку и оказался перед человеком в форме диспетчера, сидевшим за стеклом у стола.

— Имя, сэр? — спросил он. — Что вас привело на Святую Марию?

Он сделал вид, что не узнал меня, и это меня развеселило.

— Ньюсмен Там Олин, — сказал я. — Представитель «И.Н.С.», Уроженец Старой Земли. Я здесь для того, чтобы осветить для печати конфликт между Экзотикой и Френдлизом.

Я открыл свой портфель и достал документы.

— Прекрасно, мистер Олин, — сказал мой «знакомый», возвращая мне паспорт и указывая на машину с автопилотом. — Следуйте по шоссе прямо в Джозеф-таун. Там вы и найдете лагерь Френдлиза.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Одну минуту!

Он вышел из-за ограждения и ждал, что я скажу.

— Сэр?

— Помогите мне дойти до машины…

— О! Извините, сэр. — Он быстро подскочил ко мне. — Я не заметил, что ваша нога…

— Совершенно занемела, — закончил я.

Когда я уселся, он собрался, было, уходить, но я его остановил.

— Погодите, милейший. Вы — Уолтер Имер, не так ли?

— Да, сэр, — медленно произнес он.

— Послушайте, у вас нет никакой информации для меня?

Он медленно опустил голову.

— Нет, сэр.

— Ну, что ж, — усмехнулся я. — Все равно я получу информацию из других источников, а они решат, что ее дали вы.

Маленькие усики человека задрожали.

— Послушайте, об этом нельзя нигде сообщать… Вы не понимаете меня… ведь у меня семья, дети…

— А у меня нет! — отрезал я.

— Но они ведь убьют меня. Те, из Голубого

Фронта. Что вы хотите знать о них? Я не понимаю, откуда вы знаете меня?

— Когда-то я был знаком с вашим шефом и, кроме того, у меня отличная память на тех людей, кто возле него тогда болтался.

— Подождите, — сказал быстро Имер. — Я помогу вам. Поезжайте в Новый Сан-Маркос. На проспект Золотоискателей. Это сразу же за Джозеф-тауном, где лагерь Френдлиза, — он сжал зубы. — Вы расскажете обо мне?

— Да, — бросил я и посмотрел на него. — Солдаты Френдлиза здесь уже два года. Любят ли их люди?

Он улыбнулся.

— О, как любого пришельца.

Я почувствовал боль в левой ноге.

— До свидания, — прервал я разговор и тронулся в путь.

На приборной панели автомобиля я нашел медаль Святого Христофора. Очевидно, один из солдат Френдлиза забыл ее здесь. И для меня было особым удовольствием застать ее здесь. После развенчанных иллюзий детства, когда ничего не оставалось, кроме несоблюдения обязанностей, тоже доставлявших удовольствие… Ведь фанатики, когда все сделано и сказано, ничем

не лучше, чем бешеные псы. Но бешеные псы должны уничтожаться, чтобы не заражать других, здоровых…

Всю дорогу, пока я добирался до Джозеф-тауна, меня не покидали такие чувства.

И вот, наконец, френдлизский сержант остановил мою машину у ворот города и открыл дверцу.

— Что тебе здесь нужно?

Его голос был резким и скрипучим. Его нашивки фельдфебеля оттенялись черным цветом униформы. На вид ему было не более тридцати.

Я открыл портфель и протянул часовому документы.

— Мое удостоверение ньюсмена, — сказал я. — Мне необходимо видеть вашего командира, полковника Джаймтона Блека.

— Тогда подвиньтесь, — сказал солдат. — Я должен провезти вас. Сами вы не найдете дороги.

Я подвинулся.

Он сел за руль и мы поехали по аллее. Проезжая, я вслушивался в лающие, отрывистые слова команд, доносившихся ко мне через открытое окно. Вскоре мы подъехали к одноэтажному зданию, и фельдфебель, остановившись, попросил меня подождать несколько минут и скрылся внутри.

Невдалеке проходила колонна солдат, во все горло распевающая свой боевой гимн «Солдат, не спрашивай!»

Я сидел, пытаясь заблокировать свои уши. Не было никакого музыкального сопровождения, только луженые мужские глотки, да мерное топанье башмаков.

Фельдфебель, сопровождаемый офицером, подошел к моему автомобилю. Присмотревшись, я узнал в офицере Джаймтона Блека.

Я находился в маленькой, плохо освещенной комнате. Протянув офицеру свои документы, я, пока он их рассматривал, попытался немного рассмотреть его, как-никак, мы не виделись с ним почти три года. Я заметил, что в его лице появился тот же фанатизм, что и у фельдфебеля, который расстрелял на Новой Земле пленников. Это особенно подчеркивалось усталыми глазами с тенями под ними. Прямая линия рта и нахмуренная бровь говорили о его намерении быть со мной строгим.

Джаймтон держал мои документы перед собой, возвращая их мне.

— Несомненно, мистер Олин, — сказал он, — у вас в другом кармане разрешение, выданное руководителем Экзотики для интервьюирования

наемных дорсайцев, входящих в их экспедиционный отряд… дорсайцев, которые противостоят нам, Избранникам Бога, в этой войне!

Я улыбнулся. Его суровость возбудила во мне желание уничтожить его.

23

Фельдфебель на Новой Земле тоже называл себя избранником божьим!

— Но вы же знаете, полковник, что люди Гильдии беспристрастны. Мы не придерживаемся никакой из сторон.

— Да, — усмехнулся губами Джаймтон, — вы поддерживаете правду!

— Конечно, — подтвердил я. — Только бывает так, что очень трудно определить, где правда, а где ложь! Сейчас вы здесь, на планете, которую ваши предки никогда не осваивали. И вам противостоят наемные войска двух миров, принадлежащих этой же звездной системе Проциона, частью которой является и Святая Мария. Я не уверен, что правда на вашей стороне.

Он покачал головой.

— Мы не ожидаем понимания от неизбранных.

— Не возражаете, если я сяду, — вставил я. — У меня болит нога.

— Пожалуйста, — поспешно сказал Джаймтон и пододвинул мне стул. — Я решил встретиться

с вами и помочь вам в вашей работе. Нужен ли вам автомобиль и водитель?

— Спасибо, — поблагодарил я его. — У меня все есть.

— Как хотите. Фельдфебель!

— Сэр!

— Поставьте на постой одного гражданского. Подготовьте пропуск для этого человека.

— Сэр! — голос солдата констатировал желание немедленно выполнить данный приказ.

— Полковник, — говорил я, вкладывая свои документы обратно в портфель. — Два года назад ваши Старейшины Совета Объединенных Церквей Гармонии и Ассоциации обвинили планетарное правительство Св. Марии в невыполнении долговых обязательств, поэтому-то вы и оказались здесь, чтобы взыскать соответствующую плату. Меня в первую очередь интересует такой вопрос: а много ли у вас людей и снаряжения?

— Это, мистер Олин, военная тайна!

— Тем не менее, — я закрыл портфель, — вы, в чине полковника, командуете оккупационными силами. Насколько мне объяснили, здесь, по меньшей мере, должен быть офицер со званием на пять рангов выше, чем ваше. Может быть,

такой офицер прибудет, чтобы сменить вас?

— Почему бы вам, ньюсмен, не задать этот вопрос в штаб-квартире, на Гармонии?

— Но вы ожидаете подкрепления?

— Если это и так, — его голос был спокоен, — то это военная тайна.

— Но, может быть, вы знаете, что ваш Генеральный Штаб на Гармонии решил, что эта экспедиция на Св. Марию обречена?

— Ничего не могу вам сказать, ньюсмен.

— И у вас нет комментариев, — пытался я хоть как-то растормошить его.

— Не стоит повторять сплетни, мистер Олин.

— Тогда последний вопрос. В случае весеннего наступления Экзотики вы планируете отступление на запад? Или…

— Избранники никогда не отступают в войне, — перебил он меня. — Они никогда не покинут позицию и своих братьев во Господе.

Джаймтон встал.

— У меня есть неотложная работа, мистер Олин.

Я тоже встал.

— Думаю, мы переговорим еще раз, когда у вас будет больше времени.

— Конечно. Фельдфебель, проводите ньюсме-

на.

По дороге к выходу фельдфебель выписал мне пропуск.

— Благодарю, — сказал я, беря этот документ. — Вы, случайно, не знаете, где находится штаб сил Экзотики?

— По нашим сведениям, они километрах в ста к востоку отсюда. Новый Сан-Маркос!

— Сан-Маркос, — повторил я. — Полагаю, вы осведомлены, что вам не пришлют подкрепления с Гармонии?

— Нет, я этого не знал, — сказал он невыразительным голосом. — Что-нибудь еще хотите узнать, сэр?

— Нет. Благодарю.

Он проводил меня к машине и остался стоять, пока я не тронулся. Мой путь лежал в Новый Сан-Маркос. За час я проделал три четверти пути. Но ехал я не в штаб Экзотики. Сейчас я ловил другую рыбу.

Это был проспект Золотоискателей. Я увидел сквозь стеклянную стену на первом этаже пожилого мужчину и зашел внутрь.

— Сэр! — спросил человек, когда я приблизился к нему.

— Думаю, вы поняли, кого я представляю, —

сказал я. — Все миры знают Службу Новостей. Мы не поддерживаем местных политиков.

— Сэр?

— Вы хотите знать, как я вас нашел? — Я улыбнулся. — Меня направил диспетчер космопорта Имер. За это я обещал ему свое покровительство. Мы оценим это, если с ним будет все в порядке.

— Боюсь, — его руки лежали на столе у меня на виду, — я вас не понимаю. Вы желаете что-то купить?

— Если это информация…

— Сэр, — вздохнул человек. — Боюсь, вас ввели в заблуждение и вы попали не в тот магазин.

— Напротив, — возразил я, — меня направили правильно, и я сейчас говорю с членом Голубого Фронта.

Человек покачал головой.

— Неужели вы не знаете, сэр, что Голубой Фронт — это нелегальная организация? До свидания, сэр!

— Минутку, я еще не кончил.

— Тогда извините, но если вы не хотите ничего купить, то я вас покину. Пока вы находитесь в этой комнате, сюда никто не войдет!

Он поклонился и вышел. Я оглядел пустую комнату.

— Хорошо, — сказал я громко. — Полагаю, что я должен говорить это стенам. Уверен, что они смогут услышать меня. Я журналист, и все, что может интересовать меня — это информация! И мы получили сведения, что командование Френдлиза вступило в контакт с Голубым Фронтом. Убийство вражеских командиров противоречит Кодексу Наемников и Уставу Ведения Войны… но ведь гражданские личности могут сделать то, чего не смогут солдаты…

Стояла тишина.

— Как представитель Службы Новостей, я придерживаюсь правила беспристрастности, — продолжал я дальше. — Вы знаете, как высоко чтим мы наше Кредо. Я только хочу задать вам несколько вопросов. Я клянусь, что ответы будут сохранены в тайне.

Некоторое время я ждал, но ответа не последовало. Тогда я повернулся и вышел.

Мой путь лежал в лагерь Экзотики.

Он был за городом. Капитан по имени Джекол Марат встретил меня. Он привел меня в здание штаба. Здесь стояла деловая атмосфера. Солдаты были хорошо вооружены и обучены. Особенно это бросалось в глаза сразу же после того, как я побывал у френдлизцев. Я не преминул сказать

об этом Джеколу.

— Наш командующий — дорсаец, думаю, что этим все сказано, — улыбнулся он. — И это делает всех нас оптимистами.

Я улыбнулся в ответ.

— Меня многое интересует. Все, что вы будете рассказывать, мне будет интересно!

— Ну… — заметил офицер, — думаю, что вы можете упомянуть в своих репортажах тот факт, что наши нанимателя на Экзотике достаточно щедры, когда надо платить за людей и снаряжение. И кроме того, посол Экзотики на Св. Марии, преподобный отец, вы знаете…

— Знаю.

— Он стал преподобным отцом здесь три года назад. Как мне говорили, он что-то особенное, даже для представителя миров Культис и Мара. Он эксперт в каких-то онтогенетических вычислениях. Если это только что-то вам говорит: для меня это пустые слова.

— Как зовут вашего командующего? — поинтересовался я.

— А вы разве не знаете? — удивился Джекол. — Его зовут Кейси Грим!

— Грим? Знакомая фамилия…

— Вы, наверное, слышали о другом члене их

семьи, — пояснил Джекол. — О Донале Гриме. Он племянник Кейси Грима. Однако, Кейси не так известен, как юный Грим. Но, думаю, что дядюшка вам больше понравится, чем племянник. Должен вам еще сказать, что у Кейси есть два обличья, — загадочно улыбаясь, проговорил капитан.

— Что вы имеете в виду? — изумился я.

— У Кейси есть брат-близнец — Ян Грим. Поэтому мы и шутим, что у Кейси два обличья. Кстати, Яна Грима можно встретить в Блаувейне. В посольстве Экзотики.

— Я не могу его знать, так встречал очень мало дорсайцев.

— О, тут я ничем не могу помочь вам, ньюсмен, я тоже не слишком близко с ними знаком. Дорсай — небольшой мир, и те, что живут до старости…

Джекол остановился возле какого-то капитана, сидевшего за столом.

— Старик свободен, не знаешь? Позволь тебя познакомить, Гарри, с ньюсменом из Службы Новостей.

— Думаю, что старик свободен, — проговорил офицер. Он нажал кнопку на приборной панели и через несколько секунд сказал: — У него преподобный отец. Но сейчас он уходит, так что входите.

Джекол повел меня между столами. Но прежде чем мы вошли, перед нами открылась дверь и я оказался лицом к лицу с человеком в голубых одеждах Экзотики. Его глубокие, коричневые глаза встретились с моими.

Это был Ладна.

— Сэр, — сказал Джекол, — это…

— Там Олин. Я его знаю, — медленно проговорил Ладна. Он улыбнулся нам и сказал: — Мне было больно слышать о вашем горе, Там.

— Моем горе? — удивился я.

— Да, о вашем шурине. О том молодом человеке, убитом у Кастлмейна, на Новой Земле.

— О, — только и мог я промычать сквозь зубы. — Я удивлен, что вы знаете об этом случае.

— Я знаю это из-за вас, Там, — коричневые глаза Ладны излучали свет.

— Вы забыли? Я же рассказывал вам об онтогенетике, с помощью которой мы рассчитываем возможности человеческих действий в настоящем и будущем. Вы — важный фактор в этих вычислениях. Вот поэтому я и ожидал, что встречу вас на Святой Марии. Как видите, пока что вы входите в мою схему, Там, — с этими словами Ладна рассмеялся громким счастливым смехом.

— Так вы знаете, что я делаю здесь, — взъярил-

ся я.

— У нас есть вычисления, — мягко сказал Ладна. — Но цели… пока что они скрыты… Кстати, заезжайте ко мне в Блаувейн, Там, я кое-что могу вам показать.

— Хорошо.

— Мы будем вам очень рады, — кивнул Ладна и пошел дальше.

— Сюда, — показал Джекол, и я двинулся за ним. — Командующий здесь.

Когда мы вошли в комнату, Командующий стоял. Я ожидал увидеть хмурого темноволосого здоровяка, какими и были в целом дорсайцы, но передо мной стоял худощавый высокий мужчина в полевой форме. Передо мной был человек с ширококостным, но открытым улыбающимся лицом под темными, слегка вьющимися волосами. У него была какая-то особая сердечность на лице, сердечность, которая так редко встречается у дорсайцев.

Он крепко пожал мне руку.

— Входите, — сказал он. — Ваши документы, ньюсмен. — Кейси сразу оценил мою униформу и понял цель моего визита. — Джекол, — обратился он к офицеру, — приготовь нам пока что-нибудь выпить, а потом, думаю, мы с ньюсменом сами

разберемся что к чему.

Джекол приготовил виски, отдал честь и вышел. Я присел с Гримом у маленького бара у стола. Впервые за три года под влиянием магии этого необычайно жизнерадостного человека немного мира вошло в мою душу. С таким человеком я не мог проиграть!

24

Пока мы сидели за рюмками с дорсайским виски, Кейси не спеша просмотрел мои документы. Наконец, он протянул их мне назад и спросил:

— Вы остановились в Джозеф-тауне?

Я кивнул и заметил, что он присматривается ко мне.

— Вы не любите Френдлиз? — заметил Кейси.

Его слова заставили мое сердце забиться сильнее. Я собирался откровенно поговорить с этим человеком. Но такой разговор начался слишком уж внезапно. Я отвернулся. Мне не хотелось отвечать прямо на поставленный вопрос. Я просто не мог. Нужно было бы рассказать слишком многое, и все равно это было бы слишком мало. Тогда я выдавил из себя.

— Если я сделаю что-нибудь значительное за оставшиеся мне годы — все это будет для того, чтобы устранить Френдлиз из общества цивилизованных человеческих существ.

Кейси молча рассматривал меня. Наконец, он покачал головой и пробормотал:

— Жесткая точка зрения, не так ли?

— Не жестче, чем их!

— Вы так думаете? — удивился командующий. — Я бы этого не сказал.

— Думаю, вы единственный человек, который побеждал их, — постарался я направить разговор в другое русло.

— Ну, да, — слегка улыбнулся генерал. — Но не забывайте, ньюсмен, что мы солдаты, хотя и воюем на разных сторонах баррикады. Поэтому я привык уважать своего противника.

— Не думаю, что они придерживаются того же мнения.

— Что вас заставляет так говорить?

— Я видел их, — ответил я. — Я был в полосе боевых действий под Кастлмейном три года назад. Вы помните тот конфликт на Новой Земле? — я потер свое колено. — Я был тогда подстрелен и не смог сориентироваться. Кассидиане вокруг нас отступали…

Я умолк и взял рюмку виски. Грим сидел и ждал продолжения.

— У меня был помощник, молодой кассидианин, — продолжал я. — Моя младшая сестра за два года перед тем уехала по контракту на Кассиди и вышла за него замуж. Этот помощник был моим шурином.

Грим взял у меня пустую рюмку и снова наполнил ее.

— Он не был военным. Он изучал механику в университете и ему предстояло учиться еще три года. Но он не очень удачно сдал экзамен, когда Кассиди должна была поставить по контракту войска Новой Земле. — Я перевел дыхание. — Ну, укоротим историю. Он погиб на Новой Земле. Я думал, что спасу его, если возьму себе в помощники.

Я сделал глоток.

— Но мы попали в зону боев. Меня ранило, двинулись танки Френдлиза и стало очень «жарко». Все стали бежать, а Дэйв попытался помочь мне. Он думал, что танки раздавят меня, прежде чем заметят, что я ньюсмен… Потом нас взяли в плен. И фельдфебель, один из этих фанатиков, приказал сам себе от имени их Бога разделаться с пленными. Как будто это были низшие существа, которых можно и нужно было убивать. И он их убил! Я сидел под деревом и смотрел, как этот фанатик расстреливает их. Я сидел там и видел Дэйва, видел, как он падает под градом пуль.

Я никогда никому не рассказывал этого, но что-то в Гриме располагало к нему и вызывало доверие.

— Да, — сказал офицер. — Это очень плохо. А того фельдфебеля нашли?

— Его расстреляли, но что толку…

Он кивнул и, не глядя на меня, сказал:

— Они не все такие, поверьте мне.

— Таких вполне достаточно, чтобы создать репутацию всем.

— К несчастью, да. Поэтому в этой кампании, — улыбнулся Грим, — мы постараемся уберечься от подобных вещей.

— Скажите мне, — сказал я, поставив рюмку на стол, — как бы вы поступили, если бы подобное произошло с вами? Так же?

Наступила тишина. Она казалась мне томительно долгой в ожидании его ответа. Я чувствовал, как мое сердце медленно отстукивает удары. Наконец, Грим сказал:

— Нет! Я бы так не поступил!

— Но почему нет? — вскричал я.

В комнате возникло напряжение. И я понял, что слишком поторопился. Я говорил с ним, как с человеком, и позабыл, кем он был еще. Я отбросил свое впечатление о нем, как о человеке, и стал думать, как о дорсайце — личности, тренировавшейся всю жизнь. Эта тренированность передавалась из поколения в поколение и пре-

вратила этих людей в настоящих бойцов. Кейси не изменил тона своего голоса, когда заметил, что я делаю что-то не то, он не изменил тональности, но у меня создалось впечатление, что расстояние между нами увеличилось.

Я вспомнил, что рассказывали о его народе. О народе с небольшого, холодного и гористого мира. Если бы дорсайцы отказались наниматься на другие миры, а бросили бы им вызов, то не было бы такого мира, который смог бы устоять перед ними. Никогда прежде я не верил этому. Никогда я не думал об этом. Но сидя здесь после того, что здесь произошло, это стало для меня реальностью. Я уже знал, что то, что он сейчас скажет, будет сущей правдой.

— Я не поступлю так, — повторил Кейси Грим не спеша, — потому что это будет противоречить второй статье Кодекса Наемников.

Он резко улыбнулся и предложил пойти пообедать в офицерскую столовую.

Мы обедали вместе. Еда была очень хорошей. Кейси предложил мне остаться на ночь, но я не мог лишить себя удовольствия отправиться в тот холодный, безрадостный лагерь вблизи Джозефтауна, где были мои враги.

Я вернулся.

Было около 23 часов, когда я проехал створ ворот и припарковался у входа в штаб. Площадка перед ним была освещена слабо. Возле стены я увидел какие-то сумеречные очертания. Приглядевшись, я обнаружил, что это Джаймтон.

Он находился не так далеко от меня. Я вышел из машины и подошел к нему.

— Мистер Олин, — ровным тоном сказал он, — рад вас видеть.

В темноте я не мог видеть выражения его лица.

— У меня к вам несколько вопросов, — улыбнулся я.

— Уже довольно поздно отвечать на вопросы, — начал уклончиво френдлизец.

— Но это не займет слишком много времени, — я старался увидеть его лицо, но оно продолжало находиться в тени. — Я посетил лагерь Экзотики. Их командующий — дорсаец. Думаю, вы знаете об этом?

— Да.

Я почти разглядел движение его губ.

— Я хотел бы задать вам всего один вопрос, полковник. Вы приказываете своим людям убивать пленных?

Между нами возникло короткое напряженное

молчание. Затем Джаймтон ответил:

— Убийство или нанесение вреда военнопленным запрещены второй статьей Кодекса Наемников.

— Но вы ведь не относитесь к наемникам? Разве не так? Вы же находитесь на службе Френдлиза?

— Мистер Олин, — говорил он, пока я безуспешно пытался разглядеть эмоции на его лице. Слова доносились до меня ровно, спокойно, несколько растянуто. — Мой Господь приказал мне быть его Слугой и вождем людей войны и ни в одной из этих задач я не подведу его.

И не добавив ничего больше, Блек повернулся и ушел.

Я возвратился в свою комнату, разделся и лег на жесткую, узкую кровать, которую они предоставили мне. Накрапывавший снаружи дождь прекратился. Через открытое окно я мог разглядеть звезды.

Я лежал, пытаясь заснуть, но события дня так взволновали меня, что сна не было. Встреча с Ладной неожиданно удивила меня. Я почти забыл, что он может вычислять действия такого человека, как я, и обдуманно искать встречи со мной при помощи своей науки онтогенетики.

Поэтому мне необходимо было начать пер-

вому!

Никто, думаю, не придет к фантастической мысли, что один человек, даже такой, как я, может уничтожить культуру двух человеческих миров Френдлиза. Но Ладна вполне может прийти к такому выводу… Он вполне может прийти к этому своими вычислениями и помешать мне… Я обязан быть первым!

Новый ветер дул между звездами. Четыреста лет назад мы все были людьми Земли — Старой Земли, материнской планеты, которая была моей родиной. Мы были одним народом!

Но с переселением на новые миры человеческая раса «распалась», если использовать термин Экзотики. Каждый маленький социальный обломок и психологический тип развивался отдельно и прогрессировал в создании определенных социальных групп. Мы имели уже полдюжины специализированных обществ — военных на Дорсае, философов на Экзотике, ученых на Нептуне, Кассиди и Венере…

Изоляция подстегивала специализацию типов. Но наряду со специализацией начали расти связи между мирами. Изолированные миры, не признающие другие сообщества людей, просто-напросто вымирали. Торговля между мирами

стала торговлей квалифицированными кадрами. Ценившиеся генералы с Дорсая обменивались на психологов с Экзотики, коммуникационники со Старой Земли, подобные мне, обменивались на конструкторов космических кораблей с Кассиди. Это продолжалось уже больше ста лет. Но эта торговля начала опять сплачивать миры. Экономика, основанная на связях между планетами, начала сплачивать расу в единое целое. И тут возникло противоречие — наряду с единством миров каждая планета боролась за то, чтобы идти своим собственным путем!

Необходим был компромисс — не жесткая суровая религия Френдлиза, отвергающая всякое соглашение и поэтому приобретшая много противников. На других мирах общественное мнение было настроено против Френдлиза. Дискредитировать их, унизить, вымазать грязью, показать всю их несостоятельность в деле ведения войн — вот что стало моей задачей. После этого они никогда уже не смогут сдавать в наем своих солдат. Таким образом, нарушится равновесие в торговле с другими мирами. Они не смогут больше нанимать квалифицированных специалистов с других планет для того, чтобы их два мира могли хотя бы сносно существовать!

И тогда наступит смерть! Они умрут. Как умер молодой Дэйв. Медленно, в темноте…

Я лежал в лагере Френдлиза, не в силах заснуть, и вспоминал. И слышал топот марширующих солдат, которые не утихали здесь даже ночью. «Солдат, не спрашивай…» — этот гимн определенно начинал действовать мне на нервы. Но при мысли о том, что ему недолго осталось звучать в этом мире, я успокоился. Начал накрапывать дождь, своим мерным шепотом убаюкивая меня…

25

В день моего приезда на Святую Марию шел дождь. Но больше уже дождей не было. День за днем поля подсыхали и вскоре уже наверняка смогли бы выдержать вес танков. Тем не менее, и Экзотика и Френдлиз не спешили с военными действиями, продолжая тренировки своих солдат.

За все то время, пока я находился на этой планете, я ничего не слышал о Голубом Фронте, хотя, выполняя работу журналиста, имел много контактов с местными жителями. Но одно все же я узнал — ювелирная лавка, которую я посетил в первый же день по приезде, оказалась покинутой. Этого мне только и надо было.

После этого я установил наблюдение за Джаймтоном Блеком и к концу недели мои ожидания оправдались.

В девять часов, в пятницу, наблюдая за штабом Блека, я заметил, как трое гражданских вошли в штаб Френдлиза. Они оставались там чуть больше часа. Когда они ушли, я отправился спать. Сны в эту ночь меня не беспокоили.

Следующим утром мне принесли письмо из Службы Новостей с личной благодарностью за подробные репортажи о событиях на Св. Марии. Три года назад это меня здорово обрадовало бы. Но никак не сейчас. Совет почему-то решил, что я привлек огромное внимание человечества на всех мирах к событиям на Св. Марии, и поэтому решил помочь мне, прислав нескольких помощников. Но я не мог позволить, чтобы персонал «И.Н.С.» видел то, чем я здесь занимаюсь.

Я сел в автомобиль и направился в Новый Сан-Маркос, намереваясь посетить штаб Экзотики. Но километрах в двадцати от Джозефтауна я был неожиданно остановлен патрулем Френдлиза. Они узнали меня.

— Ради бога, мистер Олин, — сказал один из них, подбежавший ко мне ближе всех, — вам нельзя дальше ехать!

— Не возражаете, если я спрошу почему?

Солдат повернулся и указал вниз на небольшую долину между двумя поросшими лесом холмами.

— Тактический смотр, сэр.

Я посмотрел в предлагаемом направлении. В небольшой долине между двумя холмами было всего ярдов сто ширины. На поросших лесом скло-

нах виднелись проплешины сиреневых кустов. Они расцвели всего лишь несколько дней назад. Сам луг был зеленым и хорошо контрастировал с кустами цветущей псевдосирени. За «дубами», составляющими основную массу деревьев, я заметил черную форму солдат Френдлиза. А в середине всего этого, в самом центре луга рассыпались цепью фигуры в черном и какие-то движущиеся устройства. Высокая трава, подминаемая ими, оставляла хорошо различимый след.

Я оглянулся на юнца-солдата.

— Похоже, что вы уже готовы разгромить Экзотику?

Он посмотрел на меня, словно не почувствовал иронии в моих словах.

— Да, сэр, — сказал он серьезно.

— И у вас не возникло ни тени сомнения? У вас не возникло и мысли о том, что вы можете проиграть?

— Нет, мистер Олин, — солдат отрицательно покачал головой. — Человек, который идет в бой, руководствуясь повелением Господа, не может проиграть,

— он увидел мою усмешку и решил, что меня необходимо еще убедить. — Господь простирает длань над своим Воинством и все делает для того,

чтобы оно победило… или погибло с честью! А что есть смерть?..

Я ответил за него, что есть смерть, но он этого не услышал. Смертью был фельдфебель, убивший пленных. Вот что такое смерть!

— Позовите-ка мне офицера, — попросил я солдата. — Мои документы позволяют мне передвигаться здесь.

— Сожалею, сэр, — отозвался еще один из патрульных. — Но мы не имеем права оставлять наш пост без приказа офицера. А он вскоре должен подойти. Так что подождите или возвращайтесь назад!

Я было подумал, что это «вскоре» скорее всего будет нескоро! Так оно и оказалось. Наконец, ближе к полудню, к нам подошел лейтенант и разрешил мне следовать дальше.

Когда я попал в штаб Грима, солнце уже садилось, отбрасывая на землю длинные тени от деревьев. Казалось, лагерь уже спал. Но не нужно было обладать большим опытом, чтобы понять, что силы Экзотики уже выступили против солдат Джаймтона. Я нашел капитана Джекола.

— Могу ли я увидеть командующего Грима, — поинтересовался я у него.

Капитан покачал головой.

— Сейчас нет, к сожалению.

— Джекол, — напирал я, — поймите, что мне надо! Это не блажь репортера. Дело идет о жизни и смерти. Я ДОЛЖЕН видеть Кейси Грима.

— Подождите, — согласился все же капитан. Он вышел из комнаты и вернулся через пять минут.

— Прошу вас, ньюсмен, — пригласил он меня следовать за ним.

Мы оказались в небольшой комнатке, которая одновременно служила и спальней и кабинетом и в которую сразу же вошел и Кейси Грим, одетый в полевую форму. Он насмешливо посмотрел на меня и, отослав капитана, обратился ко мне.

— В чем дело, ньюсмен? Зачем я вам так срочно понадобился?

— Я знаю, что вы готовы выступить против Экзотики, если уже не выступили.

Грим с усмешкой посмотрел на меня и начал рассматривать убранство своего помещения. Глядя на него, я почувствовал в нем какой-то особый, неуловимый признак дорсайца. Это не были его физические параметры или же сила. Это не было даже то, что его с детства тренировали для войны, как и всех рожденных для быта. Нет, это было что-то жизненное, но непередаваемое. Какое-то неуловимое отличие, характерное для

дорсайцев. Похожее можно было сразу же уловить у выходцев с Экзотики, Нептуна или же Кассиди. Что-то общее было в каждой группе людей определенного мира. Я мысленно сравнил Кейси с Джаймтоном, и мысль о какой-либо победе Френдлиза стала смешной.

Но угроза существовала.

— Я расскажу вам, сэр, для чего я пришел, — не вынес я молчания. — Ко мне поступили сведения, что Блек вошел в связь с Голубым Фронтом. Прошлой ночью трое из этого тайного общества посетили его.

Кейси внимательно посмотрел на меня.

— Я знаю!

— Вы что, не понимаете? — удивился я. — Это же убийцы. Убийство — их ремесло. И встреча их с Джаймтоном не случайна.

Кейси все еще внимательно смотрел на меня.

— Я знаю. Их задача — свержение нынешнего правительства, но пока мы здесь, это бесполезно.

— Согласен, сэр, — сказал я. — Это было бы верно, если бы они не имели поддержки Джаймтона!

— А они ее имеют? — оживился Грим.

— Положение Френдлиза на этой планете безнадежно. Даже если Гармония придет к выводу,

что подкрепления необходимы, Джаймтон все равно проиграет, ибо он знает, что вы уже выступили против него. А помощь попросту не успеет подойти… Убийства запрещены Кодексом Наемников и Уставом Ведения Войн, но вы не знаете Френдлиза!

Кейси странно взглянул на меня.

— Вы?

Я поймал его взгляд.

— Ньюсмен, — продолжал Кейси Грим, — моя профессия требует, чтобы я знал тех людей, с которыми воюю. Но что вас заставляет знать их?

— Моя профессия, сэр, — сказал я. — Может быть, вы забыли это, но я ньюсмен! Мое дело — изучение людей, чтобы предугадывать их поступки!

— Это больше похоже на задачи психологов, — весело рассмеялся Грим. — И что же вы нашли, изучая людей?

— О, я видел людей. Видел торговца с Сеты — он ищет свою максимальную прибыль, но продолжает оставаться человеческим существом. Видел нептуниан и венериан, витающих в заоблачных высях, но если вы вернете их к действительности, оторвете их от науки, то увидите, что они ЛЮДИ! Видел уроженцев Экзотики, подобных Ладне, с их

умственными фокусами и видел фрилендеров с их тесной сплоченностью. Видел я все миры и все народы и скажу вам, что есть нечто, характерное для всех них. Все они — ЛЮДИ! Любой из них — ЧЕЛОВЕК. Только они специализируются в разных, присущих только им, областях.

— А Френдлиз нет?

— Фанатизм, — покачал я головой. — Разве это ценность? Что хорошего в слепой, грубой, тупой, бездушной ненависти, которая лишает людей всего человеческого без надежды на исправление. Что хорошего в том, что такая культура существует на свете?

Кейси Грим покачал головой.

— Вы что-то говорили, ньюсмен, о Голубом Фронте.

— Да, — кивнул я головой. — Я пришел сюда предложить вам следующее, командующий. Докажите, что Френдлиз нарушает Кодекс Наемников и Устав Ведения Войн тем, что нанимает Голубой Фронт для политических убийств, может быть, даже и вашего, тем самым вы одержите победу на этой планете без единого выстрела.

— Но как мне это доказать?

— Думаю, что я смог бы быть вам полезным, командующий. У меня есть кое-какие подхо-

ды к Голубому Фронту. Если вы дадите мне все полномочия, то я пойду и перебью цену Джаймтона. Думаю, если вы предложите признание их нынешним правительством, они успокоятся и отвернутся от Френдлиза. Ладна и Святая Мария будут признательны вам, если удастся так легко очистить планету от фанатиков.

Ни один мускул не дрогнул на лице дорсайца.

— А что я должен купить у них? — спросил он.

— Свидетельство под присягой, что их наняли, чтобы убить вас, сэр.

— Но ни один межпланетный суд не поверит таким людям, — возразил Кейси.

— Ох, — вздохнул я и не мог не улыбнуться. — Они поверят мне, как представителю «И.Н.С.», когда я подтвержу их слова.

Опять повисло молчание. На его лице не возникло никаких эмоций.

— Вижу, — сказал он наконец, затем встал и прошел в прихожую. — Джекол, — позвал он.

На пороге возник капитан.

— Сэр?

— Мистер Олин остается здесь до дальнейших распоряжений.

— Хорошо, сэр.

Грим кивнул мне и вышел.

Я стоял, окаменевший, не в силах произнести ни слова. Я не мог поверить, что он арестовал меня, чтобы предотвратить тем самым кое-какие мои дальнейшие действия. Я повернулся к Джеколу. Он следил за мной с сочувствующим выражением лица.

— Его преподобие в лагере? — спросил я.

— Нет, — Джекол прошелся передо мной. — Ладна вернулся в посольство в Блаувейн. Будьте хорошим парнем, ньюсмен, и сидите смирно. А то в течение нескольких последующих часов вы можете оказаться убитым.

Мы стояли лицом к лицу и, недолго думая, я ударил его в солнечное сплетение.

В университете я немного занимался боксом. Упоминаю не для того, чтобы вы считали меня мускулистым героем, а только для того, чтобы объяснить, каким образом я освободился из-под опеки Грима.

Джекол упал на пол и лежал без чувств. Я перешагнул через него и вышел.

Лагерь был пуст и поэтому никто не остановил меня. Я сел в свой автомобиль и уже через пять минут мчался по дороге в Блаувейн.

26

От Нового Сан-Маркоса до Блаувейна было 1400 километров. Обычно в хорошую погоду такая поездка заняла бы у меня часов шесть, но поскольку было уже темно и опустился туман, до посольства Ладны я добрался лишь через четырнадцать часов.

Я позвонил и, когда привратник открыл дверь, поинтересовался, здесь ли преподобный отец Ладна.

— Мистер Олин? — поинтересовался охранник. — Преподобный отец давно ожидает вас.

Привратник улыбнулся, но я не обратил на его слова никакого внимания. Я был слишком рад, что Ладна не успел еще уехать.

Мужчина, который открыл мне дверь, провел меня через коридор внутрь дома, и я предстал перед молодым симпатичным парнем, уроженцем Экзотики, который представился личным секретарем Ладны. Он встал из-за стола и вновь повел меня куда-то вглубь дома. Перед какими-то дверьми юноша остановился и, сказав, что эта дверь — вход в личный кабинет его шефа, уда-

лился. Я открыл дверь и переступил через порог. Но оказался не в кабинете, а в другом каком-то коротком коридоре. И тут я увидел что-то невероятное. Ко мне приближался Кейси Грим. Но к моему удивлению он только бегло взглянул на меня, кивнул и прошел мимо. Тогда я понял, кто это был. Конечно же, это был не Кейси. Передо мной только что прошел его брат-близнец — Ян Грим — командующий гарнизоном войск Экзотики в Блаувейне. Я никак не мог предполагать, что братья так похожи, хотя неоднократно слышал, что они близнецы. Ведь Джекол не раз говорил мне об их диаметральной противоположности. Если Кейси, когда военные дела на занимали его, был подобен лучу солнца, то Ян, его физический близнец, скорее напоминал Одина, был подобен тени. Казалось, древняя дорсайская легенда возвратилась к жизни. Передо мной только что прошел мрачный человек с железным сердцем и темной одинокой душой. В могучей крепости своего тела он был как отшельник в хижине среди гор. Это был неистовый и одинокий Горец из древней сказки, вновь возвращенной к жизни. Если верить слухам, то чернота, которую излучал Ян, иногда рассеивалась в присутствии Кейси. Но несмотря на столь удивительное различие, в

военном смысле оба брата были великолепными образцами дорсайских офицеров.

Все эти мысли невольно вылетели у меня из головы, когда я, пройдя через маленький коридор, толкнул дверь и оказался в помещении лицом к лицу с Ладной.

— Входите, мистер Олин, — сказал священник, вставая, — и идите за мной.

Он повернулся и вышел. Я последовал за ним и оказался на открытой площадке у припаркованного аэромобиля. Ладна сел за пульт управления и жестом пригласил меня садиться на заднее сиденье.

— Куда это мы направляемся? — подозрительно поинтересовался я.

Священник, коснувшись кнопки автопилота, поднял аппарат в воздух. Затем, повернувшись ко мне вместе с креслом, он произнес:

— В полевой штаб командующего Грима! Его глаза были все того же коричневого цвета, но они испускали какой-то лучистый свет, который не позволял мне изучить выражение его лица.

— Понятно… — протянул я, — но надобно вам знать, преподобный отец, что мой статус ньюсмена защищает меня не только от Френдлиза, но и от Экзотики. Произвол с ньюсменом даже на

такой планете, как Экзотика, не может пройти даром. Учтите это, святой отец.

Ладна сидел лицом ко мне. Его руки были сцеплены вместе. Бледные руки на фоне голубизны одежды гипнотизировали меня.

— Вы находитесь здесь в соответствии с моим решением, а не с приказом Кейси Грима.

— Я хотел бы знать почему? — спросил я с нажимом.

— Потому что вы очень опасны!

Он выпрямился в кресле, не отрывая от меня взгляда. Я ждал, что он будет продолжать, но Ладна молчал.

— Опасен? — удивился я. — Опасен для кого?

— Для нашего будущего. Вы, ньюсмен, опасны для всех нас. Будущее человечества…

— К черту его! — воскликнул я.

Священник покачал головой. Его глаза неотрывно следили за мной.

— Хорошо, — согласился я. — Объясните мне тогда, почему это я опасен?

— Потому что вы хотите уничтожить жизнеспособную часть человеческой расы. И вы знаете как!

Наступило короткое молчание. Аэромобиль беззвучно скользил над полями.

— Что это за странные инсинуации, сэр? — спросил я спокойно. — Хотелось бы знать, почему они у вас возникли? На основании чего?

— Из наших онтогенетических вычислений, — произнес Ладна таким же спокойным тоном. — И это не выдумки, Там, а обоснованные вычисления.

— Опять эти ваши ученые, святой отец, стоят на моем пути, — рассмеялся я через силу. — Чего вы конкретно сейчас хотите от меня?

— Я предлагаю вам, ньюсмен, выслушать меня.

— Выслушать? Ну конечно! Ведь это моя обязанность — выслушивать людей. Рассказывайте.

Ладна поправил что-то на пульте, потом опять повернулся ко мне.

— Человеческая раса раскололась эволюционным взрывом, когда межзвездная колонизация стала практически решенным делом. Это произошло из-за расового инстинкта, от которого в полной мере мы не избавились до сих пор.

Я достал блокнот.

— Мне надо кое-что записать.

— Если желаете, — беззаботно согласился Ладна. — После этого взрыва начали развиваться человеческие культуры, основанные на

отдельных качествах человеческой личности. Борющейся, сражающейся ветвью человечества стал Дорсай. Ветвью, которая наделила индивидуума верой и кое-чем другим, стал Френдлиз. Философская и культурная ветвь — это Экзотика, к которой принадлежу и я. Мы называем такие миры «осколочными культурами».

— Мне об этом известно, — кивнул я.

— Вы знаете о них, Там, но вы совсем не знаете их!

— Что? Почему это?

— Потому что вы, как и все наши предки — с Земли! Вы представляете ствол, который включает все ветви человечества. «Осколочные» люди эволюционно изменились по отношению к вам.

Я почувствовал легкую боль, пронзившую мое тело. Эти слова пробудили во мне эхо голоса Матиаса.

— О? Боюсь, что я не замечаю этого.

— Потому что вы не хотите замечать этого. Если бы вы допустили, что они отличаются от вас, то должны были бы судить их уже по другим нормам.

— Отличаются от меня? Но в чем?

— Они отличаются от вас, людей Старой Земли, чувством, общим для всех индивидуумов

«осколочных» миров — понимать и совершать поступки инстинктивно, в то время как вы экстраполируете свое воображение. Поймите, Там, отличие заключается в том, что вместо всех сторон его умственных и физических способностей представитель «осколочной» культуры имеет одну, в крайнем случае, несколько необыкновенных способностей, остальные же игнорируются и атрофируются. Эти способности развиваются вместо атрофированных настолько сильно, что создается новая личность, и в этом случае мы имеем не больного, неполноценного человека, а здоровую, духовно богатую личность, сильно отличающуюся от нас.

— Здоровую? — удивился я, мысленно увидев френдлизского фельдфебеля, убивающего Дэйва у меня на глазах.

— Да! Мы можем получить здоровых людей. Здоровых, как культуру, а не как единичных представителей этой культуры.

— Извините, — покачал я головой. — Но этому я не верю.

— Вы верите, Там, — мягко проговорил Ладна. — Хоть неосознанно, но вы этому верите. Поэтому-то вы и намерены воспользоваться слабостью этой культуры, чтобы уничтожить ее.

— Что еще за слабость?

— Обычная слабость, в которую превращается любая сила. Должен вам заметить, Там, что «осколочные» культуры из-за своей узкой духовной специализации нежизнеспособны.

Я постарался выглядеть ошарашенным. Буквально ошарашенным этими словами.

— Нежизнеспособны? Вы хотите сказать, что они не могут жить сами по себе?

— Думаю, что вы, ньюсмен, об этом уже сами догадались, — холодно заметил Ладна. — В связи с распространением в космосе человеческая раса изменяется под воздействием окружающей среды, пытаясь адаптироваться к ней. Эти изменения затрагивают все элементы личности. Теперь, в наше время, эти элементы — «осколочные» культуры — выжили и приспособились. И вскоре должно наступить время для взаимослияния ветвей, взаимопроникновения культур с целью создания более совершенного, всесторонне развитого человека.

Аэромобиль начал снижаться. Мы прибывали к цели нашего назначения.

— Если же вы разрушите одну из «осколочных» культур, — продолжал Ладна, — то в итоге не получится Человек, впитавший в себя все оско-

лочные ветви. А это будет означать смерть для человечества. Потому что его целое, один ценный элемент его «души», будет безвозвратно утерян.

— А может быть, это не будет потерей?

— Это будет жизненной потерей, — покачал головой Ладна. — И я могу доказать это. Вы представитель «столбовой» культуры, имеете в себе все элементы «осколочных» культур. Когда вы убьете часть себя, как вы будете выглядеть?

Аппарат коснулся земли. Дверь открылась. Я выглянул и увидел поджидающего нас Кейси. Он стоял, рослый и жизнерадостный, почти на две головы выше Ладны и выше меня тоже. Когда мы встретились с ним взглядом, на его лицо проступило неудовольствие.

— Я — ньюсмен, — с вызовом глядя на него, произнес я, выпрыгивая из машины. — Не забывайте этого, генерал. Я делаю то, что хочу делать!

Кейси передернул плечами, но ничего не сказал.

Ладна поздоровался с Гримом за руку и пошел внутрь здания. Мы с Кейси последовали за ним. Среди офицеров, выстроившихся в штабе, очевидно, был и Джекол, но я его не заметил.

На столе Грима лежало что-то, что он поднял и передал мне.

Это была мнемозапись от Элдера Брайта к командующему обороной Х.Центра на Гармонии. Она была двухмесячной давности. Меня удивило это, так как общеизвестно, что мнемозапись невозможно перехватить и расшифровать.

«Во имя Господа нашего!

Да будет вам известно, генерал, что с тех пор, как наши войска на Святой Марии не добились мгновенного успеха, не следует больше оказывать им никакой помощи. Мы будем продолжать боевые действия на этой планете без расширения нашего вмешательства. И если случится, что исполняя ЕГО волю, мы не добьемся успеха, тогда было бы верхом безбожия продолжать попытки нарушить это святое желание. Наши братья на Св. Марии должны знать, что помощи им ждать неоткуда, что им придется продолжить борьбу своими силами, с верой в Господа и Непобедимость Святой Церкви. Внемлите этому приказу во имя Господа нашего!

По приказу того, кого зовут Старейшим среди избранных Элдер Брайт.»

Я оторвался от мнемо. Грим и Ладна следили за мной.

— Как вы достали это? — изумился я. — Впрочем, нет, все равно вы не скажете правды. Еще

я хотел бы спросить вас, господа. То, что здесь написано, уже давно известно. Так вот, почему вы позаботились познакомить меня с этим документом?

— Думаю, что это могло бы помочь вам переменить свой взгляд на кое-какие вещи. Думаю… — медленно говорил Ладна.

Но я перебил его.

— Каким образом?

— Если бы вы внимательно прочли это донесение и действительно поняли бы, о чем упоминает Брайт, то вы смогли бы понять и отдельно каждого из френдлизцев. Вы могли бы изменить свое предубеждение против них.

— А я так не думаю!

— Позвольте мне сделать еще кое-что, — сказал Ладна. — Возьмите мнемо с собой.

Я застыл на мгновение.

— Хорошо. Я возьму его с собой на квартиру и подумаю. Поблизости есть автомобиль? — я посмотрел на Кейси.

— Метрах в двухстах отсюда, — ответил он. — Но я вам не советую пользоваться им. Френдлиз уже маневрирует у наших позиций.

— Возьмите мой аэромобиль, — предложил Ладна. — Флаг посольства поможет вам пересечь

линию фронта.

— Спасибо.

Мы направились к аэромобилю. Сев за пульт управления, я поинтересовался у священника:

— А как мне вернуть вам машину?

— Вы можете послать мобиль назад автопилотом, Там, — предложил Ладна,

— когда он вам уже не понадобится.

Я согласно кивнул.

Закрыв дверцу, я взлетел.

В полете я вытащил мнемо из кармана. Моя рука дрожала. Это был рычаг. Архимедов рычаг, с помощью которого я смогу сокрушить Френдлиз!

27

Меня уже ждали. Как только я приземлился в расположении войск Френдлиза, четверо человек окружили мою машину, держа винтовки наперевес. Я знал этих солдат. Один из них был фельдфебель, которого я встретил в свое первое посещение лагеря, трое остальных — солдаты караульной роты. Похоже, что френдлизцы и меня узнали, так как стрельбы не последовало.

— Мне нужен полковник, ребята, — крикнул я, открывая дверцу машины.

— Почему вы находитесь в этой машине, ньюсмен, — подозрительно спросил фельдфебель. — Этот аэромобиль не должен находиться здесь!

— Я должен видеть полковника Блека немедленно. Поэтому-то я и воспользовался аэромобилем Экзотики.

Они не могли не понять, что я должен был видеть Блека по очень важной причине, и я знал это. Они немного потянули время, но уступили.

Я нашел Джаймтона в его кабинете. Он был в полевом снаряжении, как и Кейси. Но если на том

оружие и снаряжение выглядели, как игрушки, то у Блека они были тяжеловаты на вид.

— Добрый день, — поздоровался офицер. Я прошел через комнату и достал мнемо из кармана. Джаймтон нервно перебирал пальцами свое снаряжение.

— Вы выступили против Экзотики, полковник?

Он кивнул. Никогда прежде я не был так близок к нему и не видел его так отчетливо. Если раньше он виделся мне монументом, изваянным из камня, то теперь я увидел вместо каменной неподвижности печать усталости духа на его бледном лице. Под глазами у него были темные круги. Уголки рта опустились.

— Это мой долг, мистер Олин.

— К черту долг, — вскричал я, — если ваши лидеры на Гармонии вычеркнули вас из своих списков!

— Я уже говорил вам, мистер Олин, — сказал он спокойно. — Избранные не предают Господа и тем более друг друга!

— Вы уверены в этом, полковник?

Он слегка усмехнулся.

— В этом предмете я более сведущ, чем вы.

Я посмотрел в его глаза. Они были усталыми, но

спокойными. Я взглянул на фото в солидографе на столе, где на фоне церкви стояли пожилые мужчина и женщина, а также юная девушка.

— Ваша семья, Блек?

— Да!

— Вы вспоминаете их сейчас?

— Я очень часто думаю о них!

— И в то же время собираетесь убить себя?

— Вы ничего не понимаете, Там.

— О, я отлично вас понимаю. Понимаю всех вас, френдлизцев! Вы так красиво лжете, так хорошо, что сами верите в свою ложь. Потому что, если вы ее отбросите, вам ничего не останется! Не так ли? Поэтому вы скорее погибнете теперь, чем допустите совершение самоубийства, которое не является самой величественной вещью во Вселенной! Вы скорее умрете, чем допустите прощение долгов или чего-либо еще…

Блек не двигался.

— Кто вы, делающие глупость? — продолжал я дальше. — Я изучал вас, как это делают люди на других мирах. Я знаю, что за мумбо-юмбо ваша Объединенная Церковь! Я утверждаю, что тот путь, о котором вы гнусавите на всю Вселенную, не есть тот, о котором вы мечтаете! Я знаю вашего Брайта — этого узко мыслящего старика, который

возглавляет мировую тиранию и не верит в то, о чем сам говорит. Я уверен, что ты знаешь это!

И я ткнул ему под нос мнемо.

— Читай!

Он взял. Я отступил назад, чтобы лучше видеть выражение его лица.

Блек просмотрел документ и вернул мне его. Выражение его лица не изменилось.

— Могу я помочь вам встретиться с Гримом, полковник? — поинтересовался я официальным тоном. — Вы могли бы перелететь через линию фронта в посольском аэромобиле. Вы сможете капитулировать прежде, чем начнется стрельба!

Джаймтон отрицательно покачал головой.

— Вы отказываетесь? — вскричал я.

— Вам лучше переждать здесь, — тихо проговорил Джаймтон. — Даже с посольскими флагами мобиль может быть обстрелян над боевыми порядками наших войск. — Он отвернулся от меня, словно собираясь уходить.

— Куда ты? — закричал я, протягивая ему мнемо. — Поверь, это действительность!

Он остановился и внимательно посмотрел на меня. Затем подошел и сжал своими пальцами мою руку с зажатым мнемо. Я не ожидал, что в нем столько силы.

— Поверь мне, Там, что я все знаю… И еще, я хотел бы предостеречь вас, мистер Олин, чтобы вы не вмешивались больше ни во что! Мы выступаем.

Блек повернулся и…

— Ты лжец! — я должен был остановить его и поэтому, схватив со стола солидограф, швырнул его на пол.

Френдлизец повернулся, как кот, и бросился к моим ногам собирать осколки.

— Вот что вы делаете! — крикнул я, указывая на них.

Он посмотрел на меня так, что я замер.

— Если бы не мои обязанности, то…

Он умолк. Я увидел его глаза, впившиеся в меня. Это был убийца!

— Ты… — спросил я медленно. — Ты не веришь мне?

— Что заставило тебя думать, что мнемо принудит меня изменить свои убеждения?

— Прочти! — прорычал я. — Брайт написал, что помощи не будет! И вам ничего не сказали из опасения, что вы капитулируете!

— Вот что ты понял!

— А как же еще? Что же другое можно было прочитать в этом приказе?

— Так, как там написано, — он встал прямо, сверля меня глазами. — Вы прочитали это без веры, ньюсмен, отбросив Имя и Волю Божью. Старейшина Брайт не писал, что мы покинуты. Он вверяет нас в руки нашего Бога! А если нам не сообщили об этом, то только для того, чтобы никто не суетился и не надевал на себя венец мученика. Взгляните, мистер Олин, это написано черным по белому!

— Но он не это имел в виду. Не это! Кроме того, ведь он сам приказал, чтобы вам сообщили о прекращении поддержки. Но вам никто ничего не говорил. Значит, в его окружении…

— Мистер Олин, — покачал головой Блек, — я не могу оставить вас в таком заблуждении.

Я всмотрелся в его лицо и заметил искры симпатии к себе.

— Это ваша собственная слепота, — начал он, — сбивает вас. Вы ничего не видите и поэтому верите, что человек не может видеть. Наш Бог — не имя. Вот почему в наших церквях нет украшений, которые создавали бы экран между нами и нашим Богом. Послушайте меня, мистер Олин. Церкви сами по себе ничего не значат. Наши Старейшины и Вожди, хотя они и Избранные и Посвященные, являются не более чем простыми

смертными. Никто не может поколебать нашу веру, ни люди, ни вещи, ни обстоятельства. Даже если бы то, что вы сейчас говорите, и имело место и наши Старейшины и были бы горсткой тиранов, то вы не можете этого доказать! Допустим, это даже вам удалось бы каким-то немыслимым образом, но веру и надежду в наших сердцах вам так и не удалось бы убить! И даже если бы против нас выступили все легионы Вселенной, я все равно повел бы своих солдат на них и ничто не смогло бы остановить меня!

Он умолк и отвернулся. Постояв секунду, он вышел из комнаты.

Я стоял, не зная, что предпринять. Выбежав из комнаты, я уже не смог догнать Джаймтона.

Военный бронеавтомобиль уже трогался с места.

— Это верно для вас, ну, а для ваших людей? — закричал я ему вдогонку.

Они могли и не услышать меня. Неудержимые слезы побежали из моих глаз. Но я продолжал кричать, что есть мочи.

— Ты убиваешь своих людей, чтобы доказать свою правоту! Ты убиваешь беспомощных людей!

Взлетающий бронеавтомобиль направлялся

на юго-запад к ожидавшим его войскам. И мои слова только глухим эхом отразились от пустых зданий и деревьев.

28

Мне следовало бы уехать в космопорт, но я снова сел в аэромобиль и перелетел через линию фронта и оказался в штабе войск Грима.

Я совершенно не заботился о своей жизни. Здесь мы, вероятно, были похожи сейчас с Джаймтоном. Думаю, что меня по крайней мере дважды обстреляли, несмотря на посольские флажки, пока я пересекал линию фронта.

Незнакомые люди окружили меня, когда я посадил машину возле командного пункта Грима. Пришлось предъявить им свои документы.

Меня провели к опушке небольшой дубовой рощи и здесь, в тени огромного дуба, я увидел небольшую группу людей. Грим, Ладна и офицеры штаба наблюдали по приборам за перемещением своих войск и отрядов противника. Но громкая речь была вызвана поступающими данными из центра связи, находящегося тут же, невдалеке.

Солнце едва просвечивало сквозь густую крону деревьев. Был почти полдень, день стоял ясный и теплый. Никто не обратил на меня внимания. И только Джекол бросил мне холодный взгляд,

продолжая заниматься своим делом. Но, должно быть, выглядел я довольно паршиво, потому что, оторвавшись от компьютера, он предложил мне стаканчик дорсайского виски.

— Спасибо, — поблагодарил я его после того, как одним махом опорожнил запотевшую рюмку.

— Не стоит, — капитан опять занимался своим делом.

— Джекол, — попросил я, — расскажите мне, что происходит.

— Смотрите сами.

— Я ничего не понимаю. Извините меня за то, что я предпринял против вас. Но ведь это моя работа — добывать новости. А меня хотели оградить…

— Мне запрещено болтать с гражданскими, — начал было капитан, но тут лицо его просветлело. — Так и быть, ньюсмен. Я согласен, но только потому, что вы хороший боксер. Ваш «хук» правой был великолепен. Пошли.

Он подвел меня к смотровому экрану, где стояли Ладна и Кейси, рассматривая непонятные линии и значки.

— Это, — указал Джекол, — перед вами, ньюсмен, карта местности, на которой будут развертываться боевые действия. Вот это, — палец

показал на две извивающихся линии, — реки Макинток и Сарай. Там, где они сходятся, в десяти милях отсюда, находится Джозефтаун. Вот эти холмы, как вы видите, как раз между реками. Хорошая позиция, чтобы обороняться, и плохая, чтобы наступать.

— Почему?

— Если вы туда попадете, то увидите, что здесь, — палец опять показал на извилистые линии рек, — высокие обрывистые берега, на которые нелегко взобраться, но откуда очень легко отбить любой десант. Кроме того, прямо перед холмами открытая ровная местность, хорошо просматриваемая. И так до самого Джозеф-тауна. С другой стороны также довольно открытая местность и, проводя атаку, придется очень долгое время находиться под огнем противника. Поэтому-то мы и не спешим. Мы занимаем лучшую позицию, лучше вооружены и превосходим противника численностью.

В голосах людей, стоящих вокруг нас, что-то изменилось. Мы повернулись. Все всматривались в экран видеофона. Мы протиснулись между двумя офицерами и увидели на экране лужайку, поросшую травой, на небольшом холме. В центре холма возле длинного стола развевался френд-

лизский флаг. Возле стола было много стульев, но сидел лишь один френдлизский офицер.

Местность была довольно живописна. Лужайка, поросшая по краям цветущими кустами псевдосирени, окаймленная высокими темно-зелеными «дубами», выглядела на экране очень красиво.

— Я знаю это место, — начал было я объяснять Джеколу.

— Тихо, — приказал он.

И тут я услышал, что перед нашей группой говорил только один голос.

— …стол переговоров.

— Они вызвали? — послышался голос Кейси.

— Нет, сэр, — произнес первоначальный голос.

— Они просто передали в эфир этот видеосюжет без комментариев. Похоже, что это все же «стол переговоров».

— Похоже! — согласился голос Кейси.

— Придется идти.

Я протиснулся через толпу и, увидев уходящих Кейси и Ладну, бросился вдогонку. Послышался крик Джекола, но я не обратил на него никакого внимания. Я был уже возле них, когда, услышав крики, они обернулись.

— Я пойду с вами, — предложил я без всяких

предисловий.

— Если так хотите, — согласился сразу же Кейси, — то пожалуйста. Оставьте его нам, Джекол, — сказал он подбежавшему капитану.

— Есть, сэр, — только и мог сказать капитан Марат.

Когда мы остались втроем, Кейси повернул ко мне голову и спросил:

— Почему вы хотите идти со мной, мистер Олин?

— Моя работа требует от меня смелости, командующий.

— Тогда пошли, — усмехнулся тот и повернулся к Ладне. — Надеюсь, ваша работа не требует от вас смелости?

— О, нет, — серьезно проговорил священник. — Мне, пожалуй, лучше будет остаться. — Ладна повернулся ко мне. — Удачи вам, мистер Олин, — сказал он и ушел.

Мы проделали недолгий путь до холма на бронированной платформе. Возле возвышенности нас остановил патруль Экзотики. Кейси вылез из вездехода и ответил на приветствие начальника патруля.

— Вы видели стол переговоров, лейтенант? — задал вопрос Грим.

— Да, сэр. Тот офицер все еще там.

— Хорошо. Будьте здесь со своими людьми. Мы с ньюсменом пойдем и посмотрим.

Мы пошли, продираясь сквозь кусты и деревья, пока не оказались ярдах в пятнадцати от фигуры в черном.

— Что вы думаете обо всем этом, — спросил Кейси, вглядываясь в происходящее на лужайке.

— Почему его не подстрелят?

Он посмотрел на меня свысока.

— Чтобы его застрелить, много ума не надо. Но меня интересует другое. Вы ведь совсем недавно видели командующего Френдлиза. Если это настоящий стол для переговоров, тогда я спрашиваю вас — Блек готов капитулировать?

— Нет! Он был против капитуляции.

— М-да… — покачал головой Кейси.

— Но почему вы думаете, что Блек готов капитулировать, сэр? Когда я был в расположении войск Френдлиза…

Кейси взмахом руки остановил меня.

— Стол переговоров обычно служит для проведения разговора об условиях сдачи!

— Но они же не просили вас о переговорах! Они просто передали эту картинку в эфир!

— Да, — согласился генерал. — Но могло же

быть так, что просьба о помощи противоречит его принципам… А так может получиться, что мы случайно обнаружили друг друга за столом переговоров.

Он повернулся и сделал знак рукой. Лейтенант, ожидавший нас поблизости, тут же оказался рядом.

— Сэр?

— Поблизости есть френдлизцы?

— Четверо. Наши приборы различают их довольно четко. Да они и не пытаются прятаться. Больше никого.

— Лейтенант, будьте так добры, подойдите к этому френдлизцу и спросите его, что ему надо.

— Слушаюсь, сэр.

И он побежал к центру лужайки.

Они стояли лицом друг к другу и о чем-то разговаривали. Затем лейтенант повернулся и пошел к нам.

Он встал перед Кейси и отдал честь.

— Командующий, — проговорил он. — Командующий избранными войсками Господа желает встретиться с вами для обсуждения условий капитуляции.

— Благодарю, лейтенант, — кивнул Грим. — Думаю, мне надо сходить. Вы,

— обратился он к патрульному, — держите здесь своих людей наготове. Если Блек хочет сдаваться, я буду настаивать, чтобы он немедленно явился на встречу.

— Слушаюсь, сэр, — лейтенант снова отдал честь.

— Возможно, он захочет, чтобы сведения о капитуляции немедленно дошли до его солдат…

— Сэр, — подал я голос. — Но Блек не собирается сдаваться! Ведь я только недавно беседовал с ним об этом.

— Мистер Олин, — повысил голос Грим. — Полагаю, что вам лучше вместе с лейтенантом остаться здесь. Отсюда вы все равно все увидите.

— Ну, нет, генерал, — усмехнулся я. — Я иду с вами. Если это настоящие переговоры, там не будет опасно. Если же это не так, то зачем же вам туда идти?

Кейси странно посмотрел на меня.

— Хорошо. Пошли.

Мы вышли из-под деревьев. Когда мы подошли к столу, там уже были четыре фигуры в дополнение к уже бывшему там прежде офицеру. Очевидно, это были те, о ком лейтенант говорил, что они находятся под прикрытием деревьев. Там уже находился и Джаймтон.

Генерал и полковник приветствовали друг друга.

— Полковник Блек? — спросил Грим.

— Да, командующий Грим, — отозвался френдлизец. — Я пригласил вас для встречи.

— С удовольствием принимаю ваше предложение, полковник.

— Я желал бы обсудить условия сдачи, — медленно произнес Джаймтон.

— Я могу предложить вам, — начал Кейси, — обычные условия, оговариваемые Кодексом Наемников…

— Вы не поняли меня, генерал, — перебил его Блек. — Я пришел сюда, чтобы обсудить вашу капитуляцию.

Флаг, развевающийся возле стола, затрепетал.

Внезапно я обратил внимание на угрожающую неподвижность черных фигур.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, полковник, — усмехнулся Грим. — Я занимаю более выгодную позицию, и ваше поражение неизбежно.

— Так вы отказываетесь капитулировать?

— Да! — строго ответил Кейси.

И в этот момент я увидел, что ровная линия черных фигур сломалась.

— Осторожней, — крикнул я, но было уже слиш-

ком поздно.

И тут впервые я увидел в деле человека с Дорсая. Реакция Кейси была такой быстрой, что казалось, будто он читал мысли Джаймтона. Когда руки френдлизцев еще только тянулись к кобурам, Грим уже летел над столом с пистолетом, зажатым в руке. Казалось, он вонзился в первого френдлизца — они оба кубарем полетели на землю. Но если Кейси поднялся и продолжил свое стремительное движение, его противник так и остался лежать на земле. Не обращая внимания на поверженного противника, он с ходу выстрелил и, упав, покатился по земле.

Френдлизец справа от Джаймтона упал. Блек и еще двое попытались перехватить Кейси, но их оружие еще не было нацелено на дорсайца. Кейси резко остановил свое движение, словно наткнулся на каменную стену. Он вскочил на корточки и этим напомнил мне напряженного дикого зверя, уже готового к прыжку. На какую-то долю секунды он замер и дважды выстрелил. Еще двое френдлизцев, нелепо взмахнув руками, попадали в траву.

Теперь Джаймтон стоял лицом к лицу с Кейси с наведенным на того оружием. Он выстрелил, и воздух пронзила голубая вспышка. Но Кейси

успел в последнее мгновение прыгнуть в сторону. Лежа на боку в траве, он еще дважды успел выстрелить из своего пистолета.

Бластер Блека поник в его руке. Джаймтон повернулся, покачнулся и попытался свободной рукой ухватиться за край стола. Он попытался овладеть непослушным оружием, но не смог, и бластер бесшумно упал в траву. Пытаясь перенести вес своего тела на руку, которая опиралась на край стола, Блек повернулся ко мне лицом. Он все еще владел своей мимикой, но в его глазах уже возникло какое-то непередаваемое выражение, которого я никогда прежде не видел. Что-то подобное тому, что появляется на лице триумфатора, который только что одержал победу и которому больше уже ничто не угрожает! Слабая улыбка пронзила кончики его губ. Улыбка внутреннего триумфа…

— Там, — прошептал он. Затем жизнь ушла из его лица, и он рухнул на стол.

Близкий взрыв потряс землю. С вершины холма патрульный лейтенант, которому Кейси приказал быть поблизости, выстрелил дымовой шашкой, которая, взорвавшись, скрыла нас от наблюдения врагов. Дымовая завеса плыла в голубом небе, и под ее защитой мы с генералом

начали отходить. Все закончилось. Но мне навек запомнилась мертвая слабая улыбка на лице Джаймтона.

29

Я наблюдал церемонию капитуляции войск Френдлиза. Их командование пришло к выводу, что даже Старейшие не могли бы упрекнуть офицеров в принятии такого решения. Даже Блек не мог уже приказать им умереть, так как их командующий погиб. Командующий, который досконально знал тактическую ситуацию. Войска лишились управления, головы, и при превосходстве противника по всем параметрам их смерть в глазах всего человечества была бы совершенно бессмысленна. Но этому я не радовался. Для меня уже ничего не осталось. НИЧЕГО!

Если бы Джаймтон преуспел в деле убийства Кейси — даже если бы в результате этого он добился капитуляции войск Экзотики — я мог бы кое-что получить из этого эпизода. Но он только попытался и… погиб.

Я отправился назад на Землю в прострации, непрерывно мучая себя вопросом «почему»?

Вернувшись, я сказал своим коллегам, что болен. Они лишь взглянули на меня и сразу поверили. Я бросил работу и засел в библиотеке

Службы Новостей, изучая редкие материалы из истории Френдлиза, Дорсая и Экзотики. Для чего? Я не знал. У меня было чувство солдата, приговоренного к смерти за невыполнение боевого задания. В одной из сводок новостей я неожиданно наткнулся на заметку, в которой сообщалось, что тело Джаймтона отправлено на Гармонию для погребения, и я внезапно понял, что ожидал этого! Противоестественного чествования фанатика фанатиками. Фанатика, который с четырьмя подручными пытался подло убить вражеского командира, убить, прикрываясь парламентерским флагом. Об этом можно было бы и написать…

Я наскоро собрал документы и вылетел на Гармонию.

По пути мне пришло поздравление Пирса Лифа в связи с избранием меня в Совет Гильдии — и это привело меня в отличное расположение. Оказывается, не все так плохо, как могло бы показаться на первый взгляд.

Через несколько дней я был уже в том самом городишке — Поминание Господа — в котором я уже имел счастье встречать Блека.

Я направился в церковь, куда двигались все люди в темных скорбных одеждах. Интерьер церкви был бедным, лишенным каких-либо украшений:

без окон и каких-либо архитектурных излишеств. Через простое, круглой формы отверстие в потолке свет падал на тело Джаймтона, которое лежало на площадке, очевидно, отведенной для подобных случаев. Тело до подбородка было накрыто темным полотенцем. Я пристроился за линией людей, медленно двигавшихся, чтобы проститься с телом. Справа и слева от цепочки людей стояли в мрачном молчании служки. Было довольно темно. Музыки не было, лишь тихий шепот молящихся голосов нарушал однообразную тишину. Как и Джаймтон, люди здесь были смуглыми. Темные в темном, они двигались и исчезали в темноте.

Наконец я очутился возле Блека. Он выглядел так, как я его помнил. Казалось, смерть не имела власти над ним. Он лежал на спине, его руки были сложены по бокам, губы были плотно сжаты. Только глаза были закрыты.

Несмотря на темноту, в тот момент, когда я отходил от тела, я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. Резко повернувшись, я встретился глазами с девушкой, которую однажды уже видел… видел в солидографе Джаймтона. На мне не было гильдийской формы — не имело смысла АФИШИРОВАТЬ СЕБЯ В ЭТОМ мире. В тусклом

блеске свечей, стоящих у изголовья гроба, лицо девушки напоминало мне древний лик с иконы Старой Земли.

— Вы были ранены, — обратилась она ко мне мягким голосом, — вы, должно быть, один из тех наемников, которые знали брата еще по Нептуну, перед тем, как его отозвали на Гармонию. Мои родители были бы рады встретиться с другом их сына… Это их утешит, хотя…

Ветер пронесся между нами, и ледяной холод пробрал меня до мозга костей.

— Нет, — пробормотал я, — нет, я не знал его. Я никогда не знал вашего брата.

Резко повернувшись, я направился к выходу. Я почти бежал. Но пройдя футов пятьдесят, внезапно понял, что обращаю на себя взгляды. Замедлив шаг, я оглянулся. Девушка уже потерялась в черноте тел. Подойдя к выходу, я отошел в сторону и стал внимательно разглядывать толпу людей в черных одеждах со склоненными головами, медленно выходящих из церкви и непрестанно шепчущих молитвы тихими голосами. Я стоял, и голоса медленно убаюкивали мой разум.

Внезапно в мой мир ворвался взволнованный голос девушки:

— …он отрицал, что был знаком с братом. Ду-

маю, что это один их тех наемников, которые были с Джаймтоном еще на Нептуне…

Я очнулся и увидел стоящую в нескольких футах от меня девушку, обращавшуюся к какому-то мужчине. Она повернула голову… и наши взгляды опять встретились.

— Нет, — почти прохрипел я. — Я же сказал, что не знал его. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Почти ничего не соображая, я бросился вон, расталкивая толпу людей.

Пробежав порядочный отрезок, я немного успокоился, не слыша за собой шума погони. Я остановился и огляделся.

Я был один. Дождь, который едва накрапывал, когда я только заходил в церковь, теперь стал сильнее. Стало темно. Я не заметил, как возле меня остановился автомобиль.

— Итак, — раздался голос за моей спиной. — Вы не знали его?

Эти слова парализовали меня. Как затравленный волк, я захрипел.

— Да, я знал его! Что вы еще хотите от меня, — я обернулся.

Передо мной стоял Ладна в своей голубой одежде, так и не тронутой, казалось, дождем. Его руки, никогда не знавшие оружия, были сжаты перед

собой. Но моя волчья сущность знал, что он охотник и очень хорошо вооружен.

— Вы? Что вы здесь делаете?

— Наши вычисления показали, что вы будете здесь, Там, — мягко сказал Ладна. — Поэтому-то я и приехал сюда. Но почему вы здесь? Среди этих людей, где найдется по крайней мере несколько фанатиков, слышавших лагерные сплетни о вашей причастности к смерти Блека и капитуляции Френдлиза?

— Слухи? Кто распространяет их?

— Вы своими действиями на Св. Марии сделали все для того, чтобы… Разве вы не знали, как рискованно для вас приезжать сюда?

Я открыл было рот, но тут же закрыл его, так как понял, что он все знает.

— Что если кто-то скажет им, что Там Олин, журналист, освещавший события на Св. Марии, присутствует здесь инкогнито?

Я мрачно посмотрел на священника.

— Но если вы это сделаете, то как же ваши принципы? — усмехнулся я.

— О, можете не беспокоиться!

Но мне уже не было страшно, лишь какое-то тяжелое чувство тяготело надо мной.

— Зовите их, — захохотал я.

Ладна странно посмотрел на меня.

— Если бы я этого хотел, то зачем бы мне было сюда приезжать? Достаточно было бы одного только слова!

— Но почему же тогда вы здесь? Какое дело вам и всей вашей Экзотике до меня?

— Мы заботимся о каждом индивидууме, — сказал Ладна. — Но больше всего мы заботимся о всей расе. А вы все еще опасны для нее. Вы, непереубежденный идеалист, Там, наделенный разрушительной способностью, которая в полной мере проявилась на Святой Марии. Что если повернуть вашу способность против вас же, чтобы уберечь всю расу людей?

Я рассмотрел и услышал горечь в своем смехе.

— Что вы намерены делать?

— У меня есть для вас новость, Там. Кейси Грим — мертв!

— Мертв?

— Его убили трое из Голубого Фронта пять дней назад.

— Убили? — прошептал я. — Почему?

— Потому что война была закончена, — пояснил Ладна. — Потому что смерть Джаймтона и капитуляция войск Френдлиза устранили обычные тяготы войны, ложащиеся на плечи

гражданского населения, и тем самым лишили Голубой Фронт возможности получить всеобщую поддержку населения Св. Марии. Голубой Фронт надеялся, что убийство Кейси Грима повлечет за собой действия со стороны его солдат против гражданского населения этой планеты, а это в свою очередь повысит престиж этой оппозиционной партии.

Я смотрел на священника.

— Все вещи взаимосвязаны, — продолжал Ладна. — Если бы вы не вошли в конфликт с Блеком на Святой Марии и он не проиграл бы, Кейси остался бы жив!

— Что? Что вы такое городите?

— Это показывают наши вычисления, Там!

— Джаймтон и я? — в горле у меня стало сухо.

— Да, — кивнул головой Ладна. — Вы стали фактором, который помог Джаймтону Блеку принять решение.

— Я… помог ему? Я?

— Он все понял благодаря вам. Он все увидел сквозь призму вашего желания отомстить. Разрушительная сущность ваших мыслей, Там, настолько глубоко укоренилась в вас, что даже ваш дядя вряд ли смог бы искоренить ее.

Дождь гремел вокруг нас. Но каждое слово Лад-

ны четко доносилось до меня.

— Я не верю вам! — закричал я. — Я не верю, что это я толкнул его на убийство!

— Говорю тебе, — покачал головой Ладна, — что ты не вполне представляешь себе эволюцию наших «осколочных» культур. Вера Джаймтона не была разновидностью чего-то такого, что можно было бы легко разрушить каким-то внешним вмешательством! Если бы ты излагал факты, как твой дядя Матиас, Джаймтон даже не прислушался бы к тебе. Он бы просто начал избегать тебя, как бездушного человека. Но на самом же деле он начал прислушиваться к тебе, как к человеку, говорившему голосом Сатаны!

— Я не верю этому! — завопил я.

— Поверишь! У тебя нет другого выхода. Слушай дальше, мальчик. Джаймтон только так мог найти решение!

— Решение?

— Это был человек, способный умереть за веру. Но как командир он решил, что слишком тяжело заставлять своих подчиненных умирать по той же причине. Но ты предложил ему то, что он распознал как «выбор дьявола». Что означала бы его жизнь в этом мире после капитуляции его веры и людей? Он уклонился от конфликта,

разрешением которого могла стать смерть его или его подчиненных!

— Что за безумец выдумал все это?

— Не безумец, Там, отнюдь не безумец. Когда он понял это, его ответ стал очевиден. Все, что он должен был сделать — это отвергнуть предложение Сатаны. И он пришел к абсолютной необходимости своей смерти.

— Я спрашиваю вас, преподобный отец, о решении, но разве оно было единственным?

— Да, это было единственное решение, — кивнул Ладна. — Он пришел к выводу, что только одно может заставить его людей капитулировать, и вы это знаете!

Эти слова повергли меня в шок.

— Но он ведь не собирался умирать!

— Он отдался в руки своему Богу. Он понимал, что лишь чудо может его спасти.

— Что вы несете? — возмутился я бессильно. — Он предложил переговоры и взял четверых…

— Разве он давал сообщение о переговорах? А его люди были мучениками!

— Он взял четверых, — захлебываясь, орал я. — Четыре и один — пять! Пятеро против одного Кейси! Одного! Я стоял там и все видел. Пятеро против…

— Там!

Простое слово остановило меня. Внезапно я испугался. Я ничего больше не хотел слышать об этом. Я боялся, что он может еще что-то сказать мне. Я знал, что это будет, и только сильное нежелание знать это заставило меня перечить ему.

Голос Ладны приглушенно дошел до меня.

— Неужели ты мог подумать, что Блек за минуту поглупел? Он был продуктом «осколочной» культуры. Он распознал в Кейси другого ее представителя. Неужели ты думаешь, что он верил, будто чудо свершится? Что он, даже с четырьмя неистовыми фанатиками, сможет захватить врасплох и убить вооруженного, настороженного и готового ко всему человека с Дорсая… Убить, когда их оружие не было даже наведено на него? Пойми, что они сами себя убили! Они сами пошли на это!

Сами… сами… сами…

Я не замечал ни дождя, ни грома. Но вот я очнулся и вспомнил.

С самого начала я внутренне понимал, что фанатик, который убил Дэйва, не был обобщенным экземпляром всех френдлизцев. Джаймтон не был обычным убийцей, хотя я и пытался убедить себя в противоположном. Но теперь ложь рассы-

палась! Джаймтон не был обычным фанатиком, так же как Кейси не был обычным солдатом, а Ладна — философом. Они были чем-то большим, чем людьми в земном смысле этого слова. Вот почему, когда я пытался навязать им свою волю, это у меня не получилось.

Высокогорная, каменистая земля Дорсая, Френдлиза, да и других миров, была землей, взрастившей их всех, не знавших прямой лжи и метаний.

Они были отлиты из чистого металла «осколочных» культур. И их сила шла от этого металла. Они не знали ошибок. И это искусство ума и тела делало их непобедимыми. Людей, подобных Кейси, никто не мог победить. Никто не мог сокрушить веру людей, подобных Блеку.

Даже если бы армия отступила, Кейси остался бы на своем посту и исполнял бы свой долг до конца. Он дрался бы один с целой армией. Она могла бы убить его, но не победить!

Они шли вверх по этой горной и каменистой земле — все: Дорсай, Френдлиз, Экзотика… И я был достаточно глуп, чтобы попытаться остановить их. Неудивительно, что я потерпел поражение, как всегда и предсказывал Матиас. У меня никогда и не было надежды победить…

Поэтому я возвращался назад, к действительности, как человек, колени которого гнутся под собственным весом.

Дождь закончился, и Ладна взял меня за руку. Как и у Джаймтона, рука у него была очень сильной.

— Дайте мне уйти, — промямлил я.

— Куда?

— Куда-нибудь, — пробормотал я. — Я уйду… куда-нибудь, только бы уйти…

— Это нелегко, — покачал головой Ладна. — Ты не можешь уйти отсюда сейчас. Ты можешь только поменять сторону.

— Сторону? — переспросил я. — Что за сторона?

— Сторону, которая заставляет человека идти против своей эволюции — сторону твоего дяди. Поменять на эквивалентную сторону, которая является нашей. Должен тебе сказать, что полотно человеческого будущего должно быть соткано и этому необходимо помочь. Тебе следует поменять русло, Там, — не препятствовать эволюции, а помогать ей.

Я покачал головой.

— Нет, — пробормотал я. — Ничего не выйдет. Вы видели, что я двигал небеса и землю, двигал

политиков всех четырнадцати миров против Джаймтона

— а он победил! Я больше ничего не хочу делать. Оставьте меня!

— Даже если я оставлю тебя, все равно ничего не изменится, — ответил Ладна. — Открой глаза, Там, и посмотри на вещи так, как они есть. Послушай. Силой, которая вмешалась в естественный ход событий на Святой Марии, был ты! Ты был блокирован направлением приложения собственных усилий, но концентрированная энергия не может быть заблокирована. Когда ты попытался изменить ход событий и противостоять Джаймтону, твоя сила не была уничтожена. Она трансформировалась в другого индивидуума, тоже понесшего тяжелую утрату.

Я сжал губы.

— Кто это?

— Ян Грим! Он нашел убийц своего брата, скрывавшихся в одном из отелей Блаувейна, и убил их голыми руками. Этим он успокоил наемников и сорвал планы Голубого Фронта. Затем Ян разорвал контракт с Экзотикой и вернулся домой на Дорсай. Он сильно изменился. Его гложет горечь тяжелой утраты, как и тебя, наверное… Теперь Ян Грим обладает огромным потенциалом. Как это

отразится на модели будущего, мы еще увидим.

Ладна снова внимательно уставился на меня.

— Видишь, Там, никто кроме тебя не может так влиять на ткань событий! Повторяю, ты можешь и должен измениться! Так же, как Джаймтон изменил ход событий на Святой Марии и тем самым спас своих людей.

Все было верно. Я не мог отрицать это. Джаймтон отдал свою жизнь за веру. А я верил лишь в свои планы!

— Это невозможно, — начал я слабо протестовать, — у меня нет сил сделать что-либо. Я же говорил вам, преподобный отец, что все силы противопоставил Джаймтону, а он победил.

— Но Джаймтон был искренен в своей вере, а ты сражался против своей натуры, думая, что борешься с ним. Подумай хорошо, мальчик, и ты поймешь, что у тебя нет другого пути.

Я смотрел в его магнетические глаза.

— Мы вычислили эту возможность. Поэтому-то я здесь. И все еще жду вас, мистер Олин. Вспомните, как в кабинете Торра вы попали под мой гипнотический взгляд.

Я кивнул.

— Но это не был гипноз, — объяснил священник. — Или, скорее, не совсем гипноз. Я просто

пытался помочь вам тогда открыть канал между двумя частями вашего «я». Той, что вы знаете, и той, что скрыта от вас завесой. Хватит ли у вас, мистер Олин, мужества помочь мне сделать это еще раз?

Его слова витали в воздухе. Я увидел солнце, пытавшееся пробиться сквозь облака. Только небольшой коридор света пробивался сквозь них. Казалось, это был путь для нас. События последних лет промелькнули передо мной. Я думал о молниях, которые видел в тот раз, и слабость просачивалась в меня, пробуждая чувство безнадежности. Я не был достаточно силен, чтобы повторить еще раз этот эксперимент. Может быть, и никогда не смогу… — …он был солдатом народа, который является Народом Бога и Солдатом Господа, — донесся до нас голос из храма, — и все, что ему приказывал Господь, он выполнял искренне и изо всех сил, полагаясь при этом лишь на одного Господа и его Мощь! И теперь он уходит в Его обитель, где найдет вечный покой и радость…

Внезапно я страстно захотел домой, на Землю. И это было таким сильным чувством, что я забыл обо всем. Слова навеяли на меня какой-то гипноз, и я стал двигаться в такт им, подчиняясь ритму

толпы, выходящей из церкви.

— Вперед! — услышал я.

И увидел Его палец, направленный на меня.

И я упал в темноту — в темноту и ярость. Упал в пропасть, где ничего не было. Но постепенно я начал различать, что темнота затянута пеленой темных клубящихся облаков. Тут царил настоящий хаос, завесы облаков, которые окружали меня, дико вращаясь…

Это был мой внутренний шторм, шторм моего сознания. Это была внутренняя ярость нетерпения, жажды мести и разрушения, которые я нагромождал в себе все эти годы. И как я направлял эти силы против других, так они вливались в меня, обращаясь против меня же, толкая меня все ниже и ниже, все дальше в темноту от света. И чем ниже я опускался, тем эта сила становилась больше, чем моя. Я падал все ниже и ниже, становясь все слабее. Но что-то во мне препятствовало этому, заставляло бороться и сопротивляться. И я понял, что это.

Это было то, чего Матиас не мог убить во мне, даже когда я был ребенком. Это была вся Земля и ее страдающее и борющееся человечество. Это был Леонид и его три сотни спартанцев, это были отважные израильтяне, перед которыми

расступилось Красное море. Это был Парфенон и мрачная темнота дома моего дяди. Все это было во мне — мятежный дух всех людей Земли. Внезапно мой размазанный по истории дух, погруженный во тьму, собрался для дикой ярости. Потому что я увидел выход для себя. Тот высокогорный каменистый островок, где воздух чист и свеж — во мне возрождалась вера.

В результате своего поражения я перестал верить в свои силы. Но поражение еще не означало, что мои силы иссякли. Они были во мне, прячась, укрываясь, но они были!

Теперь я видел это совершенно отчетливо. И звон, подобный колокольному, звучавший когда-то в голосе Марка Торра, привел меня к триумфу. И голос Лизы, которая, как я видел теперь, понимала меня лучше, чем я сам. Я знал, что она никогда не покинет меня. И как только я подумал о ней, я стал слышать их всех.

Миллионы биллионов галдящих голосов — с тех пор, как первый человек встал и пошел на подгибающихся ногах. Они были уже вокруг меня в тот день, в точке Перехода Индекс-комнаты. И они подхватили меня, как крылья, неся, придавая мужества, которое было родственно мужеству Кейси, возвращая веру, родственную вере

Джаймтона, и раскрывая мудрость, родственную мудрости Ладны.

Вместе с ними страх и подозрительность, привитые Матиасом, оставляли меня раз и навсегда. Корень рода, базовый род, земной человек, к которому принадлежал я, был частью всех их, на молодых мирах. Поэтому я вырвался из темноты на свет — в место молний, закончивших свою битву искренних людей против древней, враждебной темноты, которая сохранилась в нас от животных.

И я увидел Ладну, источавшего свет и обращавшегося ко мне.

— Теперь ты видишь, почему Энциклопедия нуждается в тебе! Только Марк Торр был способен вести ее дальше, и только ты сможешь закончить его работу, потому что большая часть землян не в состоянии видеть будущего. Ты своим видением проложишь мостик меж молний, мостик между Основной Столбовой Культурой и Осколочными Мирами! Ты поможешь «осколочным» культурам вернуться назад и на основе базового создать нового, более совершенного человека.

Взгляд Ладны стал мягче. Он слегка улыбнулся.

— Ты увидел больше, чем я, Там. А сейчас прощай.

И тут без какого-либо предупреждения я увидел это. Увидел Энциклопедию и понял, что только это является единственной реальностью. Знания об этом стали возникать у меня в голове. Формы и методы, которыми я буду руководствоваться, будут в корне отличаться от применявшихся Марком Торром. Я уже знал это. Я сохраню его имя, как наш символ, и буду продолжать следовать его плану. Сам же стану лишь одним из Руководителей Проекта и таким образом освобожусь от необходимости находиться в помещении Марка Торра. Я останусь свободным, передвигаясь по Земле, даже руководя борьбой, борьбой против тех, кто попытается помешать нам. Я уже видел, в каком направлении необходимо двигаться.

Но Ладна собирался уезжать. Я не мог позволить ему уйти. С усилием оторвавшись от будущих планов, я сказал:

— Подождите!

Священник остановился и повернулся, ожидая, что я скажу.

— Вы… — голос мой сорвался. — Вы не отказывались… Вы верили в меня все это время?..

— Нет, — покачал он головой. — Я всегда верил результатам своих вычислений. — Ладна слегка улыбнулся. — А мои вычисления не оставляли

надежды для вас. Даже в геометрическом месте точек на Вечере Донала Грима на Фриленде возможность вашего спасения была ничтожной. Даже на Маре, когда вы были там, вычисления не предоставляли вам ни единого шанса.

— Но… вы… оставались…

— Не я. И никто из нас. А только Лиза. Она никогда не отказывалась от вас, Там. Даже после того, как вы оттолкнули ее на вечере у Грима. И когда вы появились на Маре, она настояла, чтобы мы эмоционально привязали ее к вам.

— Привязали? — Это слово не имело смысла.

— Она связана с вами эмоционально. Это не влияет на вас, но если она потеряет вас, эта потеря будет для нее невосполнимой. Больше, чем потеря Кейси для Яна Грима…

— Я не… понимаю… Это совсем… Будьте добры, тогда…

— Никто не мог предугадать такого хода событий. Только Лиза сможет сказать вам что-либо по этому поводу.

Ладна повернулся, дошел до машины, сел и, повернувшись ко мне, попрощался.

— До свидания, сказал он и уехал.

Я шел и хохотал, потому что понял, что я мудрее его. Никакие расчеты не могли сказать ему,

почему Лиза привязала меня к себе и тем самым спасла меня.

Я вновь почувствовал свою любовь к ней. А для спасения этой любви я должен был жить.

Почему я не пошел, когда она звала меня?

Сейчас ничего не изменилось вне меня. Изменился я сам! Я снова громко расхохотался. Сейчас я видел цель, которой мне раньше так недоставало.

РАЗРУШЕНИЕ — СОЗИДАНИЕ

СОЗИДАНИЕ — ясный и четкий ответ, который я искал все эти годы. Теперь, подобно одному чистому куску металла, откованного и свободного от примесей, я ясно представил себе истинную цель жизни.

Я сел в автомобиль, набрал код космопорта и, открыв окно для того, чтобы ветер обдувал мое разгоряченное лицо, тронулся в долгий путь. Уже отъезжая, я услышал песню. Это был Боевой Гимн Солдат Френдлиза. Хотя я и уносился прочь, голоса, казалось, преследовали меня.

Солдат, не спрашивай, как и что,

Там, где война, твое знамя вьется.

Легионы Безбожников брошены на нас,

Смелее воюй – и фортуна тебе улыбнется!

Но на далеком расстоянии голоса стали постепенно глохнуть. Облака впереди меня рассеивались, и робкие лучи солнца все смелее и смелее проглядывали сквозь них. Облака напоминали мне знамена армий, марширующих вперед…

Я следил за ними все это время… и вспоминал их во время всего космического рейса.

До тех пор, пока в один солнечный день не увидел ожидавшую меня Лизу.